

Министерство образования и науки РФ
Иркутский государственный университет
Институт социальных наук
Кафедра государственного и муниципального управления

Электронная хрестоматия по курсу

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

для студентов 4 курса бакалавриата направления подготовки

081100.62 Государственное и муниципальное управление

Код дисциплины БЗ.В.ДВ.4.2

Автор-составитель: канд. филос. наук, доцент Полюшкевич О.А.

2014 г.

Оглавление

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНОПСИХОЛОГИИ	3
Романенко Е.К. Философия языка и этнопсихология Х. Штейнталя	3
Буров В.Г. И.Л. Андреев. Тамтам связывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии	9
Агуреев С.А. И.Л. Андреев. Тамтам связывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии	12
ГЛАВА 2. ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ АДАПТАЦИИ	16
Гриценко В.В. Эмоциональное состояние русских вынужденных мигрантов	16
Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже 21 века	31
Гриценко В.В. Влияние культурных различий на адаптацию русских переселенцев из стран ближнего зарубежья в России	50
Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России	63
Павленко В.Н., Кряж И.В., Барретт М. Этнические и национальные идентификации и представления у украинских детей и подростков	84
Былова В.М. Представления коми и русских друг о друге	101
ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.....	112
Истомина О.Б. О типах этнической идентичности	112
Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности	116
Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность	124
Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде	129
Курске В.С. Язык как фактор этнической идентичности российских немцев	140
Ким Е.В. Российские корейцы: грани этнической идентичности.....	144
Ходжаева Е.А., Шумилова Е.А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в республике Татарстан.....	151
Целищева В.Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов Дальневосточного региона.....	154
Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях	161
Азметова Р.Ф. Структура этнических и гражданских идентичностей в Башкортостане	171

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

Романенко Е.К. Философия языка и этнопсихология Х. Штейнталя¹

Концепцию лингвиста, философа и этнопсихолога XIX в. Х. Штейнталя (1823 - 1899), текст которого мы предлагаем вниманию читателей, можно считать своего рода вехой в развитии психологического и релятивистского направления в философии языка на пути от романтической и идеалистической философии языка Вильгельма фон Гумбольдта к концепции лингвистической относительности в ее современном виде (гипотеза Сэпира-Уорфа). Гумбольдт, которого Штейнталь считал своим учителем, вообще полагается основателем одной из влиятельней-

стр. 137

ших философско-лингвистических концепций, задававшей тон развитию языкознания в Германии на протяжении как минимум первой половины XIX в. Ведь именно он поставил ряд проблем, давших импульс развитию немецкой философии языка на много лет вперед: взаимодействие языка и мышления, внутренняя форма языка, соотношение языка и психологии народа-носителя и т.д. Кроме самого Штейнталя и его коллеги М. Лацаруса среди последователей гумбольдтианской линии в философии языка можно назвать Л. Вайсгербера, В. Порцига, О. Функе и в определенной степени неокантианца Э. Кассирера, а на русской почве - Г. Шпета и А. Потебню¹.

Штейнталь известен не только как последователь и интерпретатор Гумбольдта, но прежде всего как яркий представитель психологического направления в языкознании, которого иногда называют основателем этнопсихологии. Его концепция, подробному исследованию которой в отечественной научной литературе на сегодняшний день посвящено не так много работ², по нашему убеждению, представляет собой самобытное и достаточно оригинальное продолжение гумбольдтианской линии в немецкой философии языка.

* * *

Хайм (Герман) Штейнталь родился в Грёбциге (Анхальт), изучал философию, языкознание и ботанику в Берлинском университете. Свою первую научную работу по языкознанию он защитил в Тюбингенском университете в 1847 г., но его дальнейшая карьера была связана с Берлином, где он познакомился с работами В. фон Гумбольдта и защитил квалификационную работу о взаимосвязях философии языка Гумбольдта с системой Гегеля, позже получив звание приват-доцента. Именно в Берлине Штейнталь осознал себя последователем гумбольдтианской традиции в философии языка.

Свою научную карьеру Штейнталь продолжил в Париже, где в 1852 - 1856 гг. изучал китайский, а также африканские языки,

¹ Подробнее о гумбольдтианстве в немецком и отечественном языкознании см., например: *Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: УРСС, 2005; Постовалова В. И. Язык как деятельность: опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М., 1982; Miller R. The Linguistic Relativity Principle and Humboldtian Ethnolinguistics. The Hague, 1968.*

² См., например: *Радченко О. А. Указ. соч. С. 53 - 64. Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. С. 123 - 135. Алтаов В. М. История лингвистических учений. М., 1999. С. 85 - 93.*

стр. 138

вернувшись затем в Берлин. В 1860-х годах началось сотрудничество Штейнталя с Морицем Лацарусом, совместно с которым он издавал "Журнал по психологии народов и

¹ Романенко Е.К. Философия языка и этнопсихология Х. Штейнталя /Е.К. Романенко // Историко-философский ежегодник, 2008, №1. С. 137-147

языкознанию" (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*) - один из основных печатных органов этнопсихологов, выходивший в Берлине примерно до конца XIX в.³ Среди его наиболее известных работ можно назвать следующие: "Классификация языков и развитие языковой идеи" (*Klassifikation der Sprachen und die Entwicklung der Sprachidee*, 1850), "Грамматика, логика и психология" (*Grammatik, Logik und Psychologie*, 1855), "История языкознания у греков и римлян" (*Geschichte der Sprachwissenschaft bei Griechen und Römern*, 1863), "Филология, история и психология в их взаимоотношениях" (*Philologie, Geschichte und Psychologie in ihren gegenseitigen Beziehungen*, 1864), "Введение в психологию и языкознание" (*Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft*, 1881).

Штейнталь считается наиболее известным представителем так называемого психологического направления в языкознании, не последнюю роль в окончательном формировании которого сыграла психологическая доктрина Гербарта: достаточно сказать, что в самом "Проекте языкознания" рассматривается не столько язык, сколько его действие в рамках психологических процессов, обозначенных Гербартом. И всё же философско-лингвистический компонент концепции Штейнталья берет свое начало именно в гумбольдтианстве. Чтобы проследить, каким образом гумбольдтианская линия развивалась в психологическом языкознании, попытаемся сравнить основные моменты учения о языке Гумбольдта с воззрениями Штейнталья.

В творчестве самого Гумбольдта этнопсихологические воззрения присутствуют в виде ярких, но абстрактных определений, философских метафор, которые не дают окончательной ясности. В понятиях "дух", или "народный дух" можно заметить скорее отголоски немецкой идеалистической философии, чем предпосылки этнопсихологического исследования - ведь в конце XVIII - начале XIX в. психология как академическая дисциплина еще окончательно не оформилась. Множество пассажей из трудов

³ Поворот к этнопсихологии для Штейнталья был связан не только с продолжением и развитием гумбольдтианской линии, но и с его собственными исканиями в области этнологии. Одно время Штейнталь даже был активным деятелем (с 1883 г. - главой) "Немецкого союза еврейских общин" (*Deutsch-hraelitischer Gemeindebund*), а также читал собственный курс лекций по критической интерпретации Ветхого Завета.

стр. 139

Гумбольдта указывают на то, что он отождествлял такие понятия, как "дух", "мышление", "разум", находившиеся для него в прямой корреляции с языком.

Основополагающими понятиями концепции Гумбольдта являются "дух" и "народный дух", при этом дух понимается как своеобразный творческий импульс, как развивающаяся интеллектуальная сила, присущая человеческому роду вообще и каждому человеку в отдельности. Сообразно потребности духа в *само-выражении*, человек (а шире - народ) "превращает мир в мысли"⁴, т.е. постигая окружающий мир, образует *понятия* навстречу предметам. Именно язык у Гумбольдта отвечает за преобразование представлений в понятия. Язык, таким образом, - вечно развивающаяся сила, интеллектуальный инстинкт человека, служащий для выражения духовных устремлений индивида, народа и всего человечества.

Второй основополагающий пункт концепции Гумбольдта заключается в том, что каждый народ по-своему "превращает мир в мысли", создает свой неповторимый способ языкового, а значит, и семантического членения действительности, который Гумбольдт характеризует как *"языковое мировидение"*. "Разные языки, - подчеркивал он в предисловии к своей монографии о баскском языке, - суть не столько различные обозначения одной и той же вещи, сколько различные "видения" ее"⁵. Стало быть, философско-антропологическое исследование народного духа должно, прежде всего, быть исследованием языка.

В рамках гумбольдтовской концепции можно говорить о своеобразном динамическом взаимодействии индивида и сообщества через язык - ведь последний определяет психосемантическое поле, отражающее дух того или иного народа, в котором живет и интеллектуально развивается индивид, принимающий в свою очередь сложившийся багаж концептов и языковых структур, использующий язык для выражения своих личных духовных устремлений, сам преобразующий мир в мысли. Гумбольдт писал, что человек живет и действует только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка⁶, ведь "язык - это орган, образующий мысль"⁷. Именно эта мыслительная линия достигла

⁴ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 67.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Об этом см.: Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 378.

⁷ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков... С. 75.

стр. 140

своего логического развития в неогумбольдтианской гипотезе "лингвистической относительности" Сэпира-Уорфа. Штейнталь развивает этнопсихологическую линию гумбольдтианства, по-своему интерпретируя ее основные аспекты: понятие народного духа и взаимодействие языка и мышления.

В своих трудах Гумбольдт лишь обозначил проблему взаимоотношения языка и мышления. Можно предположить, что его понятия "мышление", "дух" и "разум" тождественны, тем более что в некоторых рассуждениях он характеризует язык как "инстинкт разума"⁸, интеллектуальную способность человека, или "постоянно возобновляющаяся работа духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли"⁹. Иными словами, Гумбольдт говорит, что язык связан с мышлением, но нигде не делает прямых указаний на то, как именно они взаимосвязаны. Равно как не дает указаний на разграничение языка и мышления. Штейнталь же предлагает разграничить, но не разделить язык и мышление, что наиболее хорошо прослеживается в контексте развития его идей, а также в его полемике с современниками¹⁰.

Грамматико-логические воззрения существовали в философии Нового времени и Просвещения - философы отождествляли язык и мышление, логические и грамматические категории, даже пытались создать искусственный, идеально-логический язык (Лейбниц). В философии языка этим воззрениям противостояло именно релятивистское направление. Показательно, что Штейнталь рассматривает язык как выражение внутренних движений человеческого духа, выражение разума, но вместе с тем как не тождественное разуму явление.

Язык, говорит Штейнталь, можно рассматривать с двух сторон - звуковой и интеллектуальной, которые соотносятся друг с другом как тело и дух, материя и энергия, при этом звуковая сторона *принадлежит* интеллектуальной. Сторонники логической линии стремились отождествить язык и мышление, опираясь на мысль Платона, что "мышление - это речь, которую душа ведет сама с собою"¹¹. Подход Штейнталья иной: он дает множество примеров "мышления без слов" или любой другой "деятельности духа", не требующей вмешательства языка. Таковы "начальные"

⁸ Там же. С. 314.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Подробнее о полемике Штейнталья с младограмматиками см.: *Steintahl H. Philologie, Geschichte und Psychologie. Berlin, 1864. S. 17 - 32.*

¹¹ Платон. Тезет 189с-190а (пер. Васильевой Т. В.).

стр. 141

ступени мышления (например, язык жестов) или некоторые его формы (например, математическое мышление). отождествление языка и мышления Штейнталь считает преувеличением еще и потому, что человек думает не благодаря, но в *сопровождении* артикуляции. Мышлению так же нужен звук, как материи - энергия: они неразрывны, ибо речь необходима мышлению для реализации.

Это четкое разграничение языкового и мыслительного, логического и грамматического аспектов языка вообще характерно для штейнталевского психологизма: взять хотя бы его знаменитый тезис о том, что категории языка и логики так же несовместимы как "понятия круга и красного". Грамматика не тождественна логике еще и потому, что логика оперирует понятиями, в то время как грамматика - структурами. Ведь "такое словосочетание как "четырёхугольный круг" грамматически верно, но противоречиво с логической точки зрения"¹². Возможно, Гумбольдт, говоря о взаимодействии языка и мышления, имел в виду категориальность мышления и прежде всего *языковую* категориальность (ведь именно язык ответствен за образование понятий и категорий), не принимая во внимание зависимости мышления не только от понятий и категорий, но и от структур, при которой первые служат "материалом" последним. Штейнталь разграничивает мышление как "движение духа", т.е. просто как психологический процесс, не обязательно структурированный, и логическое мышление, т.е. мышление в соответствии с правилами построения мыслительных структур. Таким образом, язык, по Штейнталю, не тождествен мышлению и отличен от мышления логического.

Гумбольдт определял функцию языка как "превращение мира в мысли", однако он только обозначил решающую роль языка в образовании понятий, не показав, каким образом проходит этот процесс. Штейнталь по-своему развивает этот аспект гумбольдтовской концепции, указывая на ключевую роль языка во взаимоотношениях априорных и апостериорных элементов в процессе образования понятий, а значит - и человеческого познания. Эти идеи Штейнталья, развитие которых нашло отражение в предисловии к "Проекту", высказывались им еще в 1860-х годах в работе "Филология, история и психология"¹³.

¹² Steintahl H. Abriss der Sprachwissenschaft. Berlin, 1881. S. 55 (здесь и далее - перевод автора).

¹³ Steintahl H. Philologie, Geschichte und Psychologie. Berlin, 1864.

стр. 142

Дуализм знания, приобретаемого в опыте, и знания, заложенного в человеке, природы и духа, опыта и теории, появляется, согласно Штейнталю, в средние века (и отчасти преодолевается Фрэнсисом Бэконом). Именно от него идет разделение элементов познания на формальные, априорные принципы (Декарт определял их как "врожденные идеи", необходимо исходящие из самой человеческой природы, а Кант - как условия нашего опыта, благодаря которым таковой, собственно, и возможен) и эмпирические, "вещественные" элементы. Этот дуализм выходит на первый план в Новое время в полемике рационалистов и эмпириков.

Именно этот дуализм, по Штейнталю, есть псевдопротиворечие, поскольку всякое познание *необходимо* состоит из двустороннего, неразрывного, совместного действия двух элементов: априорного и апостериорного. Синтез априорного и апостериорного наиболее отчетливо проявляется именно в языковом процессе - *образования понятия* или *наименования*: если в опыте нам даны только единичные предметы, синтез означает соединение в общем понятии всех единичных представлений. Предшествовавшую логическую традицию Штейнталь упрекает в том, что она располагала понятия сообразно иерархической лестнице, где более общее стоит выше, а более частное - ниже, оставляя в стороне вопрос "*как образуются понятия*". Ученые до бесконечности "делили" понятия, вместо того, чтобы заниматься реальными вещами.

Таким образом, в процессе познания, равно как и в процессе образования понятий, неразрывно участвуют априорная и апостериорная стороны нашего познания - об этом более подробно идет речь в представленном для публикации отрывке его работы.

* * *

Гумбольдт впервые определил языковой процесс как динамический и созидательный: ему принадлежит знаменитая формула, согласно которой язык - не "результат деятельности", не мертвый продукт, но сама деятельность, "созидающий процесс". Штейнталь также понимает язык динамически.

В "Филологии, истории и психологии", в которой Штейнталь подробно разбирает и опровергает основные аргументы одного из своих оппонентов, младограмматика Шлейхера, дается определение языка как "живого объекта", "момента развития исторического духа" (в этом аспекте язык есть объект исторического исследования). Наличие в языке "духовного" компонента позволяет

стр. 143

избежать крайностей в определении языка, не видеть в нем, с одной стороны, естественный организм (*Naturorganismus*, т.е. продукт природы, а не человеческого духа, как определял язык Шлейхер), а с другой - механизм.

Основопологающей дисциплиной в исследованиях языка Шлейхер видит науку, которую называет "глоттикой": это - эмпирическое исследование, изучающее своеобразие конкретных языков в конкретный момент. Глоттика, или языкознание, - естественно-историческая дисциплина, объектом ее должна быть не духовная жизнь народов, а сам язык. Ее нужно четко отграничить, с одной стороны, от филологии, изучающей становление и развитие языковых форм конкретных языков, а с другой - от философии языка, которой Шлейхер уделяет меньше всего внимания, говоря, что она изучает не столько языки, сколько некий "идеальный язык", "идею языка вообще".

Штейнталь не устраивает во взглядах Шлейхера как эта чрезмерная ориентация на эмпирию, так и отказ рассматривать язык в его развитии и взаимоотношениях со становлением народного духа, что делает язык подобием естественно-научного, можно даже сказать, природного объекта. Вообще, для младограмматического направления свойственно "биогенетическое" определение языка как "организма" или естественного "инстинкта", присущего человеку: чего стоит, например, название книги Шлейхера "Теория Дарвина и языкознание". Штейнталь решительно против такого определения: язык не может быть инстинктом, так как исходит из духа, он - творение духа¹⁴. Если же говорить о метафоре организма, то глоттик, т.е. исследователь типа Шлейхера, на взгляд Штейнталья, относится к языку как зоолог к препарированному животному: он "рассекает мертвое тело языка", а не наблюдает его в жизни, в развитии. Здесь Штейнталь возвращается к мысли Гумбольдта о языке как деятельности, *энергеии*, а не как продукту деятельности. В связи с этим можно вспомнить слова Мефистофеля из гётевского "Фауста":

Во всем подслушать жизнь стремясь,
Хотят явления обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.

(пер. Б. Пастернака)

¹⁴ Точного определения духа Штейнталь нигде не дает; зачастую он смешивает понятия идеалистической философии и психологии.

стр. 144

Впрочем, метафора "рассечения мертвого тела животного", которую использует Штейнталь, подходит здесь лишь отчасти: в случае препарирования зоолог изучает природный объект, в случае языка - мы изучаем объект *духа*.

Штейнталь, возражая Шлейхеру, говорит, что язык при его взаимосвязи с мышлением принадлежит духовной жизни народов. В то же время такая духовная жизнь, включая раскрытие национального духа и развитие словоформ, неизбежно принадлежит истории. В отличие от *глоттиков*, Штейнталь видит необходимым рассматривать развитие в языке словоформ, идущее во взаимосвязи с развитием народного духа.

Понятие "народный дух" - краеугольный камень философско-психологической концепции Штейнталея. По сравнению с Гумбольдтом, он дает гораздо больше развернутых определений народного духа, но даже они принимают формы скорее философских абстракций. Дабы избежать двусмысленностей, Штейнталь сразу подчеркивает, что нет абстрактного "народного духа", или "народной души" как таковой, но есть народы как носители конкретного, индивидуального народного духа. Народный дух определяется "состоянием общества" в конкретный момент мировой истории. Вместе с тем народ - это больше чем собрание индивидов, а значит, народный дух - больше чем сумма индивидуальных духовных состояний. Народный дух Штейнталь понимает как "коллективный дух", "общий дух", как некую комбинацию, которая "мощнее и первичнее" индивидуальности человека: здесь напоминает о себе мысль Гумбольдта, на сей раз о том, что человек, прежде чем жить и развиваться в языке, должен сначала сформироваться *посредством* языка, что через язык он усваивает плоды коллективного духовного творчества его носителей всех предшествующих поколений¹⁵. Это - определенные характерные черты, определенные качества, присущие духовным формам жизни и её продуктам. Штейнталь вообще определяет все психические процессы как "движения духа" - в этом отношении нелегко понять, где заканчиваются "духовные" элементы в его концепции и начинаются психологические.

"Язык, - пишет Штейнталь, - не есть сущность или способность, которая производит из себя другую сущность или способность, дух, или интеллект, или рассудок. Он - процесс, который проходит в определенных условиях, в который вовлекаются другие элементы, посредством которого появляются элементы но-

¹⁵ См.: Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков... С. 162 - 166.

стр. 145

вые, вновь вступающие в движение и обогащающиеся в нем"¹⁶. Это и есть мышление, или *дух*, предмет изучения такой дисциплины как *психология народов*¹⁷.

Можно сказать, что для Гумбольдта язык был основным средством народного духа. В рамках этнопсихологического исследования Штейнталея язык - первый объект исследования, занимающий свое место наряду с другими творениями духа: обычаями, религиозными традициями, словесностью, литературой и т.д.

* * *

В заключение этого краткого обзора, думается, уместно сказать несколько слов о месте языкознания и психологии прочих наук в штейнталевской системе, а также о его понимании метафизики.

Если язык, согласно Штейнталею, - "факт сознания и истории", пронизывающий всю духовную жизнь, то языкознание должно быть дисциплиной, отвечающей на вопрос "Что есть язык?", т.е. должно заниматься изучением не столько различий в языковом строе и грамматике, сколько исследованием "языка в целом". Именно языкознание берет на себя

такую задачу, как изучение становления языковых форм, в основном через сравнительную грамматику; задача же народной психологии - отслеживать "развитие духа" в корреляции с развитием языковых форм. При этом надлежит отграничить, с одной стороны, языковедение от сравнительной грамматики, изучающей особенности строя конкретных языков, а с другой - от литературоведения; ведь литература отражает скорее "развитие мысли, отраженное в языке", а, согласно Штейнталу, язык "только проникает в литературу, но не объемлет ее".

¹⁶ *Steintahl H. Philologie, Geschichte und Psychologie. S. 60.*

¹⁷ Интересно, что Штейнталь также видит необходимым разграничить народную психологию и этнологию. Первая - в том значении, в котором ее понимал Штейнталь, - изучает коллективную психологию, или черты коллективного духа конкретных человеческих сообществ. Вторая - "внеисторическую духовную жизнь", т.е. духовную жизнь первобытных народов, живущих в традиционном обществе, имеющих свои самобытные черты, но не играющих заметной роли на мировой исторической арене. "Фактор, присущий истории, - говорит Штейнталь, - самосознание" (*Steintahl H. Philologie, Geschichte und Psychologie. S. 34*). Это означает, что "историческим" народам свойственно осознание своего места в мировой истории.

стр. 146

Не совсем ясно положение в штейнталевской системе таких дисциплин, как метафизика и психология. Раз мышление идет только через априорные предпосылки, то именно они должны быть предметом метафизики, или теоретической философии как учения о принципах познания в противовес, например, логике, которая изучает чистые закономерности мышления. Но поскольку познание - всего один из видов "движения духа", оно также попадает "под юрисдикцию" психологии, которой Штейнталь дает весьма неоднозначное определение: "физиология метафизических категорий и форм" и "научная сфера, в которой познание естественных предметов служит учению о принципах познания"¹⁸. Так, если для естествоиспытателя важны принципы и закономерности поведения материи, то психология должна изучать психологические законы, т.е. "реальные принципы душевных движений". А от их изучения недалеко до понимания своеобразия протекания психических процессов у тех или иных народов - цепь взаимосвязи наук снова "замыкается" на народной психологии.

* * *

Для перевода предлагаемого здесь текста было выбрано предисловие к берлинскому изданию "Проекта языковедения" 1881 г. Этот труд в двух частях - плод совместной работы с языковедом Ф. Мистелли (авторство первой части полностью принадлежит Штейнталу). Из всех перечисленных выше аспектов философии языка и этнопсихологии Штейнтала во вступлении к "Проекту" подробнее всего обосновывается роль языка как связующего звена априорных и апостериорных элементов в процессе познания. Можно сказать, что Штейнталь продолжает развивать мысль Гумбольдта о роли языка в процессе "превращения мира в мысли", но уже на новом уровне.

¹⁸ *Steintahl H. Abriss der Sprachwissenschaft. Berlin, 1881. S. 45.*

стр. 147

Буров В.Г. И.Л. Андреев. Тамтам связывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии²

И. Л. АНДРЕЕВ. ТАМТАМ СЗЫВАЕТ ПОСВЯЩЕННЫХ. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПСИХОЛОГИИ. М.: Прогресс-Традиция. 2008. 384 с.

Автор книги - известный российский африканист, вот уже более четырех десятилетий исследующий различные стороны жизни жителей Черного континента.

² Буров В.Г. И.Л. Андреев. Тамтам связывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии /В.Г. Буров // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, 2010, №б. С. 177-179

Обильное привлечение африканских материалов, собранных автором в период с 1962 по 2004 г. во время работы в 15 странах этого континента, позволило ему выявить и достаточно продуктивно исследовать в новом ракурсе ряд фундаментальных проблем его социальной истории. Главное достоинство монографии состоит в том, что свои богатые личные наблюдения автор излагает в рамках этнопсихологии - науки, которой в Советском Союзе, да и в сегодняшней России, на мой взгляд, не уделяется должного внимания. Между тем ключ к пониманию многих важных проблем современ-

стр. 177

менной Африки (и не только ее) лежит именно в осознании социально-психологических мотивов поведения живущих в ней людей.

Содержащиеся в книге И. Л. Андреева размышления об особенностях менталитета африканцев, их обычаях и привычках носят общеметодологический характер, ибо позволяют уяснить причины социальных и национальных коллизий на постсоветском пространстве и проблемных территориях самой России. Ведь известно, что в течение многих десятилетий изучение национальных процессов в бывшем Советском Союзе велось под углом зрения политических и идеологических приоритетов, в результате чего российская научная общественность оказалась не в состоянии объяснить всплеск межнациональных конфликтов как в государствах Центральной Азии, так и в республиках Северного Кавказа.

В книге И. Л. Андреева предстает широкая панорама африканской действительности - в ее исторической ретроспективе и современном облике, освещается структура общинных и родоплеменных институтов, взаимоотношения полов и поколений в традиционном социуме, место в нем вековых обычаев и привычек, система воспитания детей и молодежи, содержание традиционных культов, особенности пространственно-временных представлений, генезис собственности и власти, роль денег в психологии африканцев и т.д.

Большое внимание автор уделяет рассмотрению специфики менталитета африканцев, их психического склада. И здесь, безусловно, авторитетом для него является выдающийся политический деятель Африки, мыслитель и поэт Леопольд Сенгор - "африканский" европеец и "европейский" африканец, сторонник доктрины негроафриканской самобытности, автор теории неритюда. Сенгор противопоставлял характерные для африканских народов гуманизм, гармонию с природой, коллективизм, взаимопомощь царящим в Европе социальным антагонизмам, дискриминацию человека человеком, варварскому отношению к природе. По словам И. Л. Андреева, для Сенгора "африканец - поэт, лирик. Европеец - инженер, прагматик. Первый отражает окружающий мир и выражает свое отношение к нему танцем, искусством, душой, сердцем. Второй - формулой, наукой, умом, мозгом. В Африке человек искренне наслаждается восприятием природы и людей. В Европе он безжалостно эксплуатирует и природу, и себя, и себе подобных, лихорадочно считает деньги, непрерывно смотрит на часы, спешит, мчится" (с. 313).

В связи с этим И. Л. Андреев особое внимание сосредоточивает на понимании жителями Африки времени. Он не согласен с бытующим среди многих европейцев мнением о непроходимой тупости африканцев, их фатальной лени только на том основании, что для них является затруднительным соблюдение регламента труда. Все дело в том, пишет автор, что для ведущего традиционный образ жизни африканца нет резкой разницы между работой и отдыхом: "африканец, не учившийся в Европе и не состоявший на государственной службе, время и сегодня воспринимает под углом зрения достаточно комфортной "вписанности" в ритмы внешней природы и внутренней жизнедеятельности. Сроки сельскохозяйственных работ в родной деревне регулирует природа, а прием или поиски пищи инициирует голод, мысль об отдыхе - усталость" (с.

29). Поэтому африканец следует принципу - время для человека, а не человек для времени. В подтверждение своего тезиса автор книги приводит целый ряд примеров.

Другой важный момент, имеющий отношение к времени - неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего, это проявляется в стремлении всякое новаторство закреплять мощным якорем традиций, для обозначения которых автор употребляет формулу "будущее - в прошлом", ибо "в Тропической Африке для сотен миллионов людей сегодня новации не столько притягательны, сколько нежелательны. Они отпугивают, ибо неизбежно предполагают риск нарушения заведенного мудрыми предками "нормального" порядка вещей" (с. 45). В Африке почти неизвестны столь типичные для Запада атрибуты экономической жизни, как отложенный спрос и отсроченное потребление, предоплата и хранение продуктов на условиях консигнации, кредитование, дача в долг и жизнь взаимности. Неудивительно поэтому, что население зачастую поддерживает на выборах в органы власти тех, кто выступает защитниками традиций, а не тех, кто предлагает изменения.

Вместе с тем И. Л. Андреев не склонен абсолютизировать архаическое, традиционное представление африканцев о времени. Постепенно, считает он, в их сознание входит понимание времени как единого, равного для всех земель, как "невещественного (но информационного!) инструмента, консолидации целей, задач и самой деятельности людей" (с. 112). Африканцы начинают понимать, что без соприкосновения с такой ипостасью времени, как будущее, невозможна сколько-нибудь адекватная ориентация в динамично изменяющихся условиях современного мира. Автор иллюстрирует изменение подхода африканцев к времени на таком простом

стр. 178

примере, как их отношение к часам: если раньше они отвергали их как признак низкопоклонства перед Западом, то теперь их можно встретить в самых далеких уголках Африки, ибо пришло понимание, что это не только украшение, но и "необходимый регулятор деятельности" (с. 111 - 112).

По мнению автора книги, мыслительные процессы у представителей традиционных цивилизаций (в том числе африканских) во многом регулируются правым полушарием головного мозга, которое "обеспечивает целостное, картинное, образное, пространственно-двигательное мышление" (с. 106). Вместе с тем оно связано с левым полушарием, которое развивает функции коммуникативно-знакового, ритуально-символического, абстрактно-логического, жестово-речевого интеллекта и моделирования поведения.

Заслуга автора книги состоит в том, что он не проходит мимо новых явлений в африканском социуме, ведущих к постепенному разложению общины, появлению в ней сельской буржуазии, которая активно паразитирует на традициях общинного коллективизма и взаимопомощи. Другой слой "новых африканцев" - бюрократическая буржуазия, типичным представителем которой является чиновник-бизнесмен. Автор не дает ответа на вопрос: в какую же сторону повернет, в конце концов, "маргинальная африканская община"? Да, видимо, его невозможно дать в условиях усиливающегося проникновения в Черную Африку товарно-денежных отношений. Вместе с тем он высказывает робкую надежду на то, что присущие африканцам артельность, общинность, эгалитаризм вкупе с различными формами соперничества, состязательности, разумных форм эгоизма могут стать основой экономического возрождения африканских стран (с. 297).

В начале книги И. Л. Андреев справедливо пишет о том, что мир, независимо от того, хотим мы этого или нет, становится глобальным, и выступает за диалог различных культур, их взаимопонимание. Сегодня "на первый план выступает проблема не соперничества культур, а познания, рефлексивного восприятия, старательного понимания и внутреннего принятия представителя иной цивилизации и культуры как генетически и исторически сложившегося Другого Человека, имеющего полное право быть и

чувствовать себя социально-культурным продуктом привычной и комфортной ему, буквально впитанной с молоком матери собственной локальной истории своего этноса, племени, общины" (с. 14). Этот Другой Человек, а в данном случае речь идет об африканце, имеет иной, чем европеец или американец, внешний вид, одежду, стандарты, суждения о желаемом и должном, представления о различных аспектах общественного устройства. Они сложились в специфических природных условиях и неповторимых исторических обстоятельствах и требуют признания и уважения со стороны представителей других культур.

Книга И. Л. Андреева - пример взвешенного и бережного отношения к африканской культуре, ее представителям. Автор влюблен в Африку, он отстаивает право ее жителей быть самими собой, непохожими на обитателей других стран и континентов, но принадлежащими в конечном счете к одной общечеловеческой цивилизации. В книге дан обширный обзор отечественной и мировой научной литературы, посвященной проблемам Африки, в ней широко используются произведения африканских интеллектуалов - первого президента Сенегала, члена Французской академии Леопольда Сенгора, Нобелевского лауреата, нигерийского писателя Воле Шоинка, первого президента Ганы Кваме Нкрума, выдвинувшего идею создания Соединенных Штатов Африки, первого президента Танзании и автора концепции *уджамаа* Джулиуса Ньерере и других интерпретаторов специфического африканского пути к современной и будущей глобальной цивилизации.

Интересно отметить, что автор находит немало психологических параллелей между общинно-коллективным сознанием африканцев и идеей "соборности", присущей традиционной русской ментальности.

Представляется удачным нестандартное для нашей научной литературы название книги: сразу понятно, что речь пойдет об Африке, знакомиться с этнопсихологией народов которой автор приглашает читателя. Научно-художественный стиль изложения призван помочь читателю книги глубже усвоить содержащуюся в ней рациональную и эмоциональную информацию.

стр. 179

Агуреев С.А. И.Л. Андреев. Тамтам связывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии³

И. Л. АНДРЕЕВ. Тамтам сзывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии. М.: Прогресс-Традиция, 2008, 384 с.

Книга известного отечественного философа и историка-африканиста И. Л. Андреева, много лет занимающегося изучением истории африканских народов, посвящена целому пласту философских проблем этнопсихологии континента, поиску модели национальной идентичности населяющих его народов. В центре внимания автора, избравшего для своего труда жанр философского эссе, также находятся вопросы, связанные с эволюцией африканского общества и его институтов, осознанием необходимости поиска новой парадигмы развития для Африканского континента в ситуации, когда меняются сложившиеся веками установки традиционного общества, происходит переоценка базовых ценностей в условиях активного взаимодействия столь непохожих друг на друга цивилизаций. Особое звучание в концепции И. Л. Андреева приобретает и проблема синтеза африканских культур с цивилизацией Запада, породившего особый склад современного африканского общества, сочетающего в своей основе элементы рыночной экономики и товарно-денежных отношений с традиционным жизненным укладом и

³ Агуреев С.А. И.Л. Андреев. Тамтам связывает посвященных. Философские проблемы этнопсихологии // В.Г. Буров // Вопросы философии, 2009, №10. С. 180-182

сложившейся на протяжении тысячелетий системой ценностей и религиозных запретов. Именно эта встреча интеллектуальных потоков привела к синтетическому развитию современной африканской философии с ее идеей негритюда, особенности африканского образа жизни с присущей ему гуманистической системой ценностей (Л. Сенгор, В. Шойинки). Рассматриваемая автором проблема как нельзя более актуальна и в свете современных процессов на африканском материке, а также в силу разности подходов к оценке роли африканских культур в мировой истории.

Миф о "дикой" неизведанной Африке, "неисторичности" африканских народов являлся наиболее устойчивым и распространенным в Западной Европе XIX-XX вв., а его носителями становились даже наиболее видные представители общественной мысли Запада от Гегеля и Р. Киплинга до С. Хантингтона с его "Столкновением цивилизаций". Подобный подход к африканской модели развития, где народам кон-

стр. 180

тинента отводится лишь роль "...падчерицы истории... беспечно танцующих либо умирающих от голода и инфекций примитивных людей..." (с. 5), находит проявления и сегодня. В качестве примера И. Л. Андреев приводит ситуацию с переселением бельгийскими миссионерами небольшой группы пигмеев-мбути из традиционной зоны их обитания - тропического леса на равнину в специально построенный поселок. Однако эксперимент завершился полным фиаско, т.к. пигмеи, не сумевшие адаптироваться к новым условиям, ушли "...обратно в спасительный лес... чтобы их не смогли найти" (с. 353). Однако выбранный автором пример свидетельствует как раз не о крайней отсталости африканских народов, которым, по мнению многих представителей интеллектуальной элиты Запада, якобы изначально не свойственна цивилизованность, а о собственной неспособности этой элиты преодолеть стадийно-ценностный барьер, отделяющий другие культуры.

Авторский анализ содержит ретроспективный взгляд на развитие различных форм традиционного африканского мировоззрения, философии, глубоко укоренившейся в обрядах, обычаях, менталитете, образцах искусства и литературы африканцев. Подобный подход, позволяющий читателю самостоятельно судить о ценностных ориентирах народов африканского континента, как нельзя более способствует пониманию степени их различия с европейской цивилизацией, акцентирует внимание на этнофилософских и этнопсихологических проблемах традиционного социума, находящегося в условиях глобализации на грани исчезновения. Модель африканского макросоциума имеет в своей основе почтительно-бережное отношение к природе как к естественной среде обитания, глубоко укорененном в сознании культе предков и ментальной связи с ними. Таким образом, как показывает автор, Африка существует в несколько ином, практически не изученном "...самобытном измерении общечеловеческой культуры" (с. 12).

Не случайно особое внимание в работе И. Л. Андреева уделяется анализу пространственно-временных структур африканского общества, составляющих основу философского восприятия действительности. Время африканца - "в движении звезд и смене времен года, в фазах Луны, круговороте дня и ночи, смене поколений" (с. 23). Оно не подвластно рационалистическому подсчету и не совпадает с движением стрелки часов, не имеет четких границ между цивилизацией и цивилизованностью, как в концепции "осевого времени" К. Ясперса. Время для африканца - это ритм танца под бой тамтама, естественная смена природных ритмов, подчиняющаяся закону мироздания. Вчера и сегодня как бы слиты воедино и составляют органическое целое, в котором нет места традиционному для европейской культуры делению на часы и дни. Существуют только "давно" и "сейчас", неотделимые от почитания предков, имманентно присутствующих в жизни нынешних поколений и способных оказывать влияние на настоящее. Именно эта связь с минувшими поколениями лежит в основе мировоззрения африканцев, определяет их особое, подчеркнуто бережное отношение к наследию предков. Исходя из этой

предпосылки, понимается автором и особый тип этнопсихологии африканцев, состоящий в их способности не отделять себя от природной среды, что получило отражение в целом ряде устоявшихся религиозных норм и запретов. Сроки сельскохозяйственных работ, ритмы жизни отдельного племени и условия разделения труда определяет сама природа, выступающая, таким образом, основой всякой традиции. Такое понимание пространства и времени в свою очередь предполагает крайне осторожное, сдержанное отношение африканцев ко всему новому, не апробированному на основе социального опыта поколений. Соответственно любая модификация изначально воспринимается как нежелательная, т.к. предполагает нарушение сложившегося порядка вещей. Данное общество ориентировано на собственное воспроизводство, а не на трансформацию социальной модели и системы производственных отношений в целях извлечения максимальной прибыли, что является кардинальным отличием африканского социума от модели индустриального общества. Защищая этот тезис, автор приходит к выводу о том, что африканец является своего рода "европейцем наоборот", имеющим собственную гуманистическую систему ценностей.

Анализ развития социально-экономических структур африканского общества, существующих в нем родоплеменных связей является другой линией исследования. Говоря, в частности, о специфике африканского рынка, И. Л. Андреев отмечает такие его особенности, как опора на существующие традиции, формы консолидации и особенности менталитета. Ведущее место в системе экономических отношений занимает характер личных связей, что сохраняет свой "глубинный социальный смысл" (с. 264) и определяет особенности африканского способа производства, состоящие, как показывает И. Л. Андреев, в "преобладании косвенной эксплуатации общин в виде присвоения части их избыточного труда и избыточного продукта путем централизованной организации внешней торговли на большие расстояния, а не прямого изъятия их..." (с. 270 - 271), как это было на Востоке. Таким образом, в Тропической Африке изначально сложился механизм, в котором

стр. 181

непрямое господство этноплеменной верхушки сочеталось с ориентированным обменом. Втягивание общины в обменные, а затем и рыночные отношения, по мнению И. Л. Андреева, привело к сосуществованию различных укладов в виде традиционных патриархальных хозяйств с парцельно-общинными, развивающимися на взаимовыгодной основе. Однако на стадии трансформации общинной структуры происходит процесс маргинализации и разрушения общины в условиях коммерциализации родственных связей, когда "...социальные отношения маскируются под родственно-общинные, вернее отождествляются с ними" (с. 295). Но даже, несмотря на динамику этих процессов, размывающих общинные связи, в государствах Африки реализуется свой особый экономический уклад с его опорой на гуманистические ценности, коллективизм и взаимопомощь, столь непохожий на элементы капиталистической системы.

В свете социокультурного диалога с Западом, отмечает автор, в условиях глобализирующегося общества как нельзя более актуальными становятся идеи африканского писателя и философа Л. Сенгора о необходимости специфического синтеза глубокой концептуальности европейского мышления с яркой образностью, свойственной африканскому мировосприятию для создания единой "гуманистической цивилизации на фундаменте единой человеческой культуры" (с. 312). В целом следует согласиться и с основным выводом работы И. Л. Андреева о том, что западной цивилизации с ее безграничной верой в прогресс не стоит, "...будучи на краю экологической пропасти и на грани антропологической катастрофы, с тупым упорством цепляться за иллюзии безусловного превосходства и безоговорочно креативной роли культуры по отношению к природе и ее созданию - человеку" (с. 360). Весьма продуктивной представляется и идея автора относительно богатого и до конца не реализованного гуманистического

потенциала африканской цивилизации в силу присущих ей "...интеллектуальных, эмоциональных, психологических компонентов общественного сознания и созидания, ресурсов этнопсихологии" (с. 372), без чего, как и без новейших технологий невозможен и прорыв "...человечества к планетарному гуманистическому обществу будущего" (там же).

Используемый автором интегративный подход на грани нескольких гуманитарных наук - истории, философии и этнопсихологии - дает системную картину развития социальных структур африканского общества, эволюции его духовной культуры. С присущим ему чувством такта И. Л. Андреев не дает в своей книге готовых ответов и не предлагает читателю стандартных логических схем, позволяя выработать собственное отношение к рассматриваемым проблемам. Читатель, интересующийся этой темой, безусловно, найдет в книге много ценного фактического материала по истории, философии, экономике, психологии и быту африканских народов, о месте африканской цивилизации в мировом историко-культурном процессе.

стр. 182

ГЛАВА 2. ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ АДАПТАЦИИ

Гриценко В.В. Эмоциональное состояние русских вынужденных мигрантов ⁴

Автор: В.В. Гриценко, канд. истор. наук, доцент кафедры психологии филиала Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, Балашов

Приводятся основные результаты эмпирического исследования эмоциональной сферы русских переселенцев из стран ближнего зарубежья в Волгоградскую и Саратовскую области. Дан сравнительный анализ состояний фрустрации, тревожности, агрессивности представителей мигрирующего и местного населения исследуемых областей.

Ключевые слова: культурный шок, социальная фрустрированность, тревога, тревожность, агрессивность.

В кросскультурной психологии хорошо известно положение о том, что мигранты в результате географического передвижения при контакте с иной культурой испытывают глубокое психологическое потрясение, так называемый "культурный шок". Этот термин возник и традиционно применялся при изучении этнических миграций. Однако в последнее время его все чаще употребляют и при описании тех явлений, которые возникают в случае переселения представителей отдельных локальных культурных общностей того или иного народа, сформировавшихся в отрыве от основной этнической территории, в ее пределы. Исследователи, занимающиеся проблемами вынужденной миграции в России, фиксируют у русских переселенцев из бывших союзных республик при взаимодействии их с этнически родственным русским населением принимающих территорий проявление многих элементов культурного шока [7, 8, 13, 14]. Среди основных составляющих культурного шока, в частности, отмечаются: чувство неполноценности от неспособности "совладать" с новой и непредсказуемой средой; тревога, возникающая при осознании культурных различий; напряжение в результате усилий, необходимых для достижения психологической адаптации; другие чувства и эмоции, чаще всего имеющие отрицательный оттенок и свидетельствующие о наличии у иммигрантов эмоционального дискомфорта.

Цель нашей статьи - дать более подробный и глубокий анализ эмоционально-аффективной сферы вынужденных мигрантов в связи с их переездом в Россию. Переживаемые переселенцами эмоциональные состояния, их интенсивность, длительность, индивидуальные особенности эмоционального реагирования в условиях стрессовой ситуации могут служить важнейшими характеристиками адаптивных возможностей мигрантов, определять их поведенческую стратегию в новой социокультурной среде.

МЕТОДИКА

Данная статья основывается на эмпирических результатах полевых исследований в Волгоградской и Саратовской областях в 1997-1998 гг., полученных в ходе реализации индивидуального научно-исследовательского проекта "Чужие среди своих: проблемы адаптации русских вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России" (2). В исследовании приняли участие 120 русских вынужденных

⁴ Гриценко В.В. Эмоциональное состояние русских вынужденных мигрантов /В.В. Гриценко // Психологический журнал, 2000. №4. С. 22-31.

мигрантов из стран СНГ и Балтии, прибывшие на постоянное место жительства в Волгоградскую и Саратовскую области. В качестве контрольной группы выступили 120 местных жителей, уроженцев этих областей, выравненные с экспериментальной по основным социально-демографическим показателям: полу, возрасту, образованию, социально-профессиональному статусу, типу поселения и национальной принадлежности.

Изучение эмоционального состояния переселенцев осуществлялось методом интервью, а также с помощью ряда психодиагностических методик: шкалы "Уровень социальной фрустрированности", Теста Люшера, "Интегративного теста тревожности", Теста руки Вагнера.

Интервью включало вопросы, выясняющие общую оценку жизненной ситуации, поведенческие реакции на возможные конфликтные ситуации. Достоверность данных интервью определялась с помощью критерия согласия Пирсона (χ^2).

Психодиагностическая шкала "Уровень социальной фрустрированности" (УСФ) [4], предназначенная для субъективного личностного шкалирования, является инструментом упорядоченного и строго структурированного интервью с

1 Работа осуществлялась при финансовой поддержке от "Программы мира и международного сотрудничества Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров".

2 Более подробное изложение результатов данного исследования см.: Гриценко В.В. "Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России". М.: ИЭА РАН, 1999.

оценочной системой, которая позволяет получить необходимую информацию об испытуемом, его социальном и семейном статусе, особенностях интерперсональных и производственных конфликтов и т.д. В основе методики лежит дифференцированная оценка уровня удовлетворенности - неудовлетворенности по 5 шкалам: взаимоотношения с родными и близкими, с ближайшим социальным окружением, социальный статус, социально-экономическое положение, здоровье и работоспособность. С учетом целей нашего исследования мы внесли небольшое изменение в данную методику: добавили в опросник для мигрантов субшкалу "Удовлетворенность взаимоотношениями с местным населением", а для местных жителей - "Удовлетворенность взаимоотношениями с приезжими", а, чтобы не нарушать количество субшкал в опроснике (по 4 в каждой шкале), объединили две субшкалы "Удовлетворенность взаимоотношениями с родителями" и "Удовлетворенность взаимоотношениями с родственниками" в одну.

По каждой субшкале определяется показатель уровня фрустрированности. Он может варьировать от 0 до 4 баллов. Каждой градации шкалы присваивается соответствующий балл: полностью удовлетворен - 0, скорее удовлетворен - 1, затрудняюсь ответить - 2, скорее неудовлетворен - 3, полностью неудовлетворен - 4. При использовании методики для выявления уровня фрустрированности у группы респондентов обработка результатов осуществляется следующим образом: 1) получаем отдельно произведения от умножения числа респондентов, выбравших ту или иную градацию шкалы, на балл, присвоенный данной шкале; 2) подсчитываем сумму этих произведений; 3) делим ее на общее число респондентов, оценивающих данную шкалу. Чтобы определить итоговый средний индекс уровня социальной фрустрированности, необходимо сложить показатели фрустрированности по всем шкалам и разделить сумму на число шкал (20). Выводы об уровне социальной фрустрированности делаются с учетом величины балла. Чем больше балл, тем выше уровень социальной фрустрированности:

- 3.5-4.0 балла - очень высокий уровень социальной фрустрированности;
- 3.0-3.4 - повышенной уровень социальной фрустрированности;
- 2.5-2.9 - умеренный уровень фрустрированности;
- 2.0-2.4 - неопределенный уровень фрустрированности;
- 1.5-1.9 - пониженный уровень фрустрированности;
- 0.5-1.4 - очень низкий уровень фрустрированности;
- 0-0.4 - отсутствие (почти отсутствие) фрустрированности.

Достоверность результатов, полученных по методике УСФ, нами определялась с помощью критерия Фишера (3).

Методика "Интегративный тест тревожности" (ИТТ), разработанная в лаборатории психологии Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева [1], позволяет выявить уровень выраженности тревоги как ситуативной (реактивной) переменной и тревожности как личностно-типологической переменной. Кроме общей оценки выраженности тревоги-тревожности данный тест позволяет выделить 5 дополнительных субшкал: эмоционального дискомфорта, астенического и фобического компонентов тревоги, тревожной оценки перспектив и социальной защиты.

Методика представляет собой 15 утверждений, которые задаются от первого лица и звучат максимально кратко (например, "Я нахожусь в напряжении" или "Я быстро устаю"). Испытуемому предлагаются два варианта инструкции к шкалам ИТТ: первый ориентирует его на оценку себя сейчас, на текущий момент, сегодня, а второй - на оценку своего обычного состояния на протяжении относительно длительного времени, например, на протяжении последнего года. В методике используется четырехбалльная система градаций ответов, один из вариантов которой отражает отсутствие данного признака (оценивается как 0 баллов), два других связываются с признанием у себя различных промежуточных степеней представленности признака (оцениваются как 1 и 2 балла) и последний - как максимально мыслимая испытуемым степень его выраженности (3 балла). Таким образом, максимальное число "сырых" баллов, которое может набрать испытуемый, - 45. Для стандартизации результатов предусмотрен перевод "сырых" значений шкалы общей тревожности и вспомогательных шкал в значения, данные в стенах.

Пользуясь в основном процедурами стандартизованного самоотчета (тесты-опросники, шкалирование), мы понимали, что не гарантированы от получения фальсифицированной информации, обусловленной известной тенденцией испытуемых давать о себе социально одобряемую информацию. Поэтому, чтобы уменьшить влияние фактора социальной желательности, а значит, уменьшить вероятность испытуемых разгадать направленность тестирования, мы включили в арсенал психодиагностических средств нашего исследования проективные методики. С этой целью мы использовали хорошо известные в психодиагностической практике проективный Тест руки Вагнера для предсказания открытого агрессивного поведения и Цветовой тест Люшера для общей оценки эмоционального самочувствия испытуемых. Преимущество проективного метода заключается в том, что он "ориентирован на изучение неосознаваемых (или не вполне осознанных) форм мотивации и в этом своем качестве является едва ли не единственным собственно психологическим методом проникновения в наиболее интимную область человеческой психики" [12, с. 8].

Проективные методы обладали для нас еще одним привлекательным свойством: материал проективных тестов, как правило, представлен в виде рисунков, картин, фигур, пятен и т.п. Поэтому в ситуации продолжительного интервьюирования (в течение 2-2.5 ч) мы имели возможность чередовать их с большими блоками

вербального материала, тем самым внося определенное разнообразие в монотонность процесса тестирования и предупреждая утомляемость исследуемого.

Итак, в соответствии с инструкцией применения Теста руки Вагнера [9] мы последовательно предъявляли респонденту 9 стандартных изображений кисти руки и одну пустую карточку (при показе которой необходимо было представить кисть руки) и предлагали ответить на вопрос о том, какое, по его мнению, действие выполняет нарисованная (в 10-й карточке - воображаемая) рука (или сказать, что способен выполнять человек с такой рукой). Каждый ответ обследуемого оценивался в один балл и относился к одной из 11 категорий: агрессивность, директивность, страх, эмоциональность, коммуникация, зависимость, демонстративность, ущербность, активная безличность, пассивная безличность и описание.

Исходя из нашей исследовательской задачи, мы использовали краткую форму обработки и интерпретации результатов теста. Она сводится к вычислению суммарного балла агрессивности, а также анализу процентного соотношения ответов по тем категориям теста, которые входят в формулу подсчета агрессивности. Суммарный балл агрессивности вычислялся путем вычитания суммы ответов, активно уменьшающих вероятность проявления агрессивных реакций (Эмоц. + Коммуник. + Страх + Завис.), из суммы "агрессивных" и "доминантных" ответов (Агр. + Дир.).

Достоверность различий средних значений определялась по t-критерию Стьюдента.

Суть методики Люшера сводится к тому, что обследуемый располагает в ряд в нисходящем порядке предпочтения (от цвета наиболее для него привлекательного до цвета наименее привлекательного) 8 цветов: синий, зеленый,

3 Автор признателен доценту кафедры психологии БФ СГУ В.И. Щедрову за помощь в проведении математических вычислений, подтверждающих статистическую достоверность полученных результатов.

стр. 23

красный, желтый, фиолетовый, коричневый, черный и серый [6, 10].

Психологическая интерпретация полученного ряда субъективного предпочтения цвета опирается, во-первых, на предположение о том, что каждому цвету присуще определенное символическое значение. Во-вторых, считается, что ряд цветового предпочтения отражает как устойчивые личностные характеристики человека, так и особенности его переживания актуальной ситуации.

Для того чтобы выяснить, существуют ли различия в выборе цветов, а следовательно, и в эмоциональном состоянии между переселенцами и коренными жителями Волгоградской и Саратовской областей, мы вычислили степень популярности каждого цвета среди мигрантов и местных жителей и на основе этого получили характерный ранговый ряд цветов для той и другой группы.

Степень популярности каждого цвета в группе определяется следующим образом. Подсчитывается, как часто испытуемыми цвет избирается на каждое из восьми мест. Для ранжирования каждому месту придают весовой коэффициент по нисходящей от 8 (1-е место) до 1 (8-е место). Затем частота выборов каждого цвета умножается на соответствующий коэффициент и полученные восемь произведений по каждому цвету суммируются. Полученная сумма отражает степень популярности цвета в группе. Суммы располагаются по нисходящей, т.е. им придаются порядковые номера, соответствующие рангу места в ряду. Так для каждой из обследованных групп получаем характерный ранговый ряд. Эти ранговые ряды говорят не о том, что наибольшее число обследуемых выбирает цвета в таком порядке (вполне возможен случай, когда ни один конкретный человек не выберет цвета в такой

последовательности), а о том, что "в среднем" испытуемые выбирают именно так. Измерение взаимосвязи между ранговым рядом и принадлежностью к той или другой исследуемой группе осуществлялось при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена r_s . Достоверность различий положения каждого цвета в ранговых рядах определялась с помощью критерия согласия Пирсона (χ^2).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Данные интервью свидетельствуют, что для большинства вынужденных мигрантов и беженцев из стран СНГ переезд в Волгоградскую и Саратовскую области сопровождался, как правило, лишением родных, друзей, статуса, профессии, потерей собственности, изменением качества жизни, кризисом жизненных ценностей и личностной идентичности. В результате на новом месте жительства исследуемые нами мигранты оказались в ситуациях невозможности достижения результата, необходимого для удовлетворения важнейших жизненных потребностей личности (фрустрирующих ситуациях или в ситуациях неопределенности и отсутствия информации).

Для уточнения этих результатов и более детального изучения социальных факторов, определяющих реальную жизненную ситуацию обследуемых мигрантов, рассмотрим результаты, полученные по методике УСФ. Прежде всего отметим, что итоговый индекс социальной фрустрированности, рассчитанный по методике УСФ, для группы мигрантов равен 3.07 ± 0.35 (для сравнения в группе коренных жителей он составил 2.85 ± 0.29), что свидетельствует о повышенном уровне социальной фрустрированности у переселенцев по сравнению с представителями местного населения. По отдельным шкалам полученные индексы социальной фрустрированности превосходят итоговый индекс. Так, довольно высокими они оказались в группе мигрантов по шкалам "Социальный статус" и "Здоровье и работоспособность": соответственно 3.46 ± 0.24 и 3.32 ± 0.26 (в группе коренных жителей - 2.81 ± 0.23 и 2.76 ± 0.16) и значительно высокими по шкале "Социально-экономическое положение": 3.69 ± 0.30 (у коренных жителей - 3.48 ± 0.35).

В массовых обследованиях также весьма показательным бывает процент лиц, выбравших тот или иной вариант ответа на конкретный пункт [2, с. 342]. В табл. 1 представлены данные о тех вынужденных переселенцах и коренных жителях, которые оценили степень своей неудовлетворенности социальными достижениями по всем 20 субшкалам как "скорее неудовлетворен" и "неудовлетворен полностью".

Как видно из данных табл. 1, наибольшую фрустрированность вызывают факторы, объединенные в группу "социально-экономическое положение", причем как в экспериментальной, так и контрольной группе испытуемых, что можно объяснить следующим образом. С одной стороны, разрушение хозяйственных связей, снижение производства, закрытие многих предприятий и учреждений, рост безработицы, инфляция и т.п. привели к ухудшению экономической ситуации в стране, в том числе и в исследуемых нами регионах, заметному объективному снижению материального уровня жизни многих слоев населения.

С другой стороны, в результате развала тоталитарного режима, расширения связей с внешним миром, либерализации сферы сознания и культурного производства актуализировалась вполне естественная потребность людей обустроить лучше собственную жизнь и жизнь своей семьи, существенно повысился уровень притязаний к материальному достатку. А это, в свою очередь, привело к субъективной неудовлетворенности имеющимся материальным положением. В пользу этого суждения говорит тот факт, что среди неудовлетворенных своим материальным положением были лица как с низким, так и со сравнительно высоким доходом. То есть это лишний раз подтверждает, что переживание фрустрации зависит в большей

степени от осознания личностью недостигнутого, чем от реального положения вещей [2, с. 339].

Довольно высокие показатели неудовлетворенности, как абсолютные, так и относительные, получены у вынужденных мигрантов по сравнению с местными жителями по шкалам "Социальный статус" и "Здоровье и работоспособность". Наибольшую неудовлетворенность по шкале

стр. 24

Таблица 1. Неудовлетворенность социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности (в %)

Шкалы	Мигранты	Коренные жители
I. Взаимоотношения с родными и близкими		
1. С женой (мужем)	37.5	19.2 (**)
2. С родителями и родственниками	55.0	37.0 (**)
3. С детьми	13.3	20.8 (***)
4. С друзьями	9.2	13.3 (**)
II. Взаимоотношения с ближайшим социальным окружением		
5. С противоположным полом	18.3	43.3 (***)
6. С коллегами по работе	23.3	12.5 (*)
7. С начальством	26.6	26.6
8. С приезжими,	-	20.8 (**)
с местными жителями	41.7	-
III. Социальный статус		
Неудовлетворенность:		
9. Своим образованием	45.0	45.8
10. Уровнем профессиональной подготовки	54.2	21.7 (**)
11. Сферой профессиональной деятельности	63.3	24.2 (**)
12. Работой в целом	63.3	35.0 (**)
IV. Социально-экономическое положение		
Неудовлетворенность:		
13. Материальным положением	81.7	75.0
14. Жилищно-бытовыми условиями	54.2	62.5
15. Проведением свободного времени	63.3	56.7
16. Своим положением в обществе	45.0	54.2
V. Здоровье и работоспособность		
Неудовлетворенность:		
17. Своим физическим состоянием	60.0	54.2
18. Своим психоэмоциональным состоянием	65.0	37.5 (**)
19. Своей работоспособностью	35.8	26.7
20. Своим образом жизни	72.5	31.7 (**)

Примечание. * Достоверность различий при $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

"Социальный статус" получили факторы "неудовлетворенность сферой профессиональной деятельности" и "неудовлетворенность работой в целом". Эти факторы вызывают состояние фрустрации у 76 мигрантов (63.3%). Для сравнения отметим, что среди коренных жителей фрустрирующее влияние этих факторов отмечено лишь у 29 чел. (24.2%) и 42 чел. (35.0%). Данные различия еще раз подтверждают положение о том, что мигранты в сложившихся социально-экономических условиях в большей степени по сравнению с коренным населением поставлены перед необходимостью заниматься делом, обеспечивающим им существование, но не приносящим удовлетворения. В беседе с ними выяснялось, что почти каждый из неудовлетворенных своей работой и сферой профессиональной деятельности сменил бы их, если бы представилась такая возможность.

Как среди переселенцев, так и среди местных жителей довольно высока доля лиц, неудовлетворенных своим образованием: 54 чел. (45.0%) и 55 чел. (45.8%). Очевидно, новая социально-экономическая ситуация в российском обществе поставила многих людей перед необходимостью сменить сферу профессиональной деятельности, а в связи с этим возникли несоответствие и неудовлетворенность наличными знаниями, уровнем профессиональной подготовки и т.п.

У переселенцев значительную фрустрированность вызывают факторы физического (72 чел., или 60%) и психоэмоционального состояний

стр. 25

(78 чел., или 65%). На нашу просьбу конкретизировать ответы "частично" или "полностью неудовлетворен" своим состоянием (физическим, психоэмоциональным) мигранты давали ответы следующего содержания: "Чувствую какую-то непреходящую усталость", "Чувствую, что нет той физической активности и выносливости, которая была прежде", "Стал как-то быстро уставать", "Простудными болезнями стал часто болеть", "Не могу по ночам работать, как работал раньше" и т.п. Также звучали жалобы на отсутствие возможности и времени восстановить силы и еще на то, что затрачиваемые усилия не соответствуют полученному результату. Довольно часто мигранты объясняли свое состояние неуверенностью в завтрашнем дне, неопределенностью своего будущего и своих детей.

То есть, с одной стороны, мигранты прилагают все имеющиеся у них физические, умственные и духовные усилия, чтобы обеспечить адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения, деятельности. А поэтому подобное активное взаимодействие мигрантов с новой социальной средой, безусловно, требует больших "энергетических" затрат, что объективно сказывается на их физическом здоровье. А с другой стороны, не исключено субъективное отношение к своему физическому самочувствию, вызванное высоким уровнем притязаний к физическому здоровью, стремлением к успеху без учета необходимых для этого сил, возможностей и времени. Фрустрированность физическим и психоэмоциональным состоянием, судя по ответам респондентов, очень тесно связана с негативной эмоциональной оценкой успешности реализации своих жизненных перспектив и образа жизни.

В то же время, несмотря на статистически значимые различия (по сравнению с местным населением) практически по всем субшкалам, отражающим отношения с родными, близкими, с ближайшим социальным окружением, межличностные отношения в целом и по отдельным шкалам (за исключением "Взаимоотношения с родителями и родственниками" и "Взаимоотношения с местными жителями") можно оценивать как преимущественно удовлетворительные (индексы социальной фрустрированности ни по одной из этих субшкал не превышают умеренного уровня фрустрированности). Названные межличностные аспекты представлялись

переселенцам на фоне блокирования базовых потребностей (в пище, жилье, безопасности, уверенности в завтрашнем дне и др.) менее значимыми и часто производными от решения профессионально-статусных и материальных проблем.

Таким образом, мы обнаружили у беженцев и вынужденных переселенцев повышенный итоговый индекс социальной фрустрированности, а также довольно высокие показатели неудовлетворенности по многим шкалам и субшкалам, превышающие аналогичные данные у коренных жителей. Неудовлетворенность положением личности в социально заданных иерархиях достижений накапливается и образует постоянный фон ее эмоционального напряжения. В подобного рода ситуациях, как правило, возникают отрицательные эмоциональные состояния, протекающие в форме эмоционального или информационного стресса. Традиционно в развитии стресса выделяют три этапа. Первый - реакция тревоги - в определенный момент может играть положительную роль, активизируя механизмы психологической защиты и приспособительного поведения на основе поиска эффективных стратегий преодоления (избегания) фрустрирующих факторов. В случае если испытываемое эмоциональное состояние (тревога) соотносится с тревожностью как свойством личности, этот "тандем" способен существенно усилить отрицательные эмоционально-аффективные реакции в ответ на фрустрацию или стресс, что может иметь определяющее значение для нарушений психической адаптации, возникновения нервно-психических и психосоматических расстройств [1,2].

Именно потому, что тревога и тревожность являются важной характеристикой эмоционального проявления социально-стрессовой реакции, своеобразным эмоциональным эквивалентом нарушения психической адаптации, обратимся к данным ИТТ о степени выраженности личностной и реактивной тревожности у наших испытуемых.

Используя методику ИТТ, мы получили высокие уровни тревожности в обеих исследуемых выборках. Так, из 120 обследованных коренных жителей высокий уровень личностной тревожности обнаружен у 57 чел. (47.5%), реактивной - у 27 чел. (22.5%), а из 120 мигрантов - соответственно у 76 чел. (63.3%) и у 44 чел. (36.7%). Средний балл тревожности, полученный для группы коренных жителей, равен 19.28 ± 7.02 , для группы мигрантов - 20.7 ± 5.43 . По сравнению со средним баллом, полученным автором данной методики для нормативной группы из здоровых людей (11.91 ± 4.58), наши результаты свидетельствуют о более высоких среднегрупповых показателях [1, с. 5]. Анализ факторной структуры тревожности выявил, что феномен личностной и реактивной тревожности у мигрантов больше всего определяется уровнем тревожной оценки перспектив и эмоциональным дискомфортом. Это значит, что в картине эмоционального фона с пиком по шкале "Оценка перспектив" у переселенцев преобладает общая озабоченность будущим на фоне повышенной эмоциональной чувствительности, неудовлетворенности жизненной ситуацией, эмоциональной напряженности, возможно,

стр. 26

элементов ажитации (сильного волнения, возбужденного состояния). У коренных жителей в феномене личностной и реактивной тревожности так же, как и у мигрантов, на первое место выдвигается фактор тревожной оценки перспектив, а на второе - "астенический компонент тревожности", что свидетельствует о преобладании в структуре тревожности проекции страхов не на текущее положение дел, а на будущее - на фоне сниженной эмоциональности, усталости, вялости и пассивности, быстрой утомляемости и т.п.

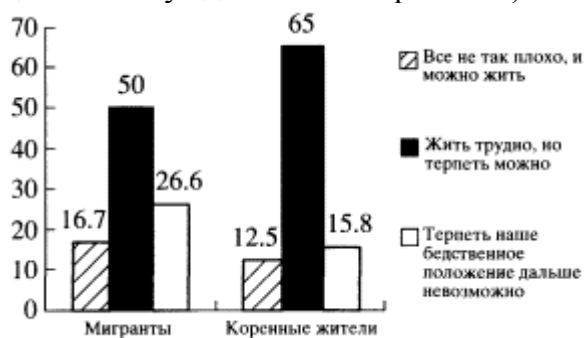
Известно, что важным механизмом реалистического решения стрессовой, фрустрирующей ситуации и одновременно основой межличностной и межгрупповой толерантности является терпение [3]. Представленные на рисунке данные об оценке жизненной ситуации, полученные в процессе интервьюирования старожильского населения Волгоградской и Саратовской областей и переселенцев, вынужденно мигрирующих на их территорию, показывают, что у последних этот механизм несколько снижен. (Достоверность различий: $p \leq 0.05$ по критерию χ^2 .)

Больше четверти опрошенных переселенцев (32 чел., или 26.6%) считает, что "терпеть наше бедственное положение далее невозможно", в то время как среди коренных жителей на пределе своих возможностей видит себя только каждый шестой (19 чел., или 15.8%).

С утверждением "жить трудно, но терпеть можно" согласны 60 (50.0%) беженцев и вынужденных переселенцев, но не безоговорочно. Из них третья часть (20 чел., или 16.7%) переселенцев, которые, в общем-то имея терпеливо-оптимистичный взгляд на жизнь, не соглашается с такой несколько пассивно-смирненной оценкой терпения. Для них характерны высказывания типа: "Терпеть можно, но нужно ли?", "Терпеть можно, но ради чего, есть ли целесообразность в таком смиренном терпении?", "Терпеть можно, но надо что-то делать, чтобы изменить наше бедственное положение", "Терпеть можно, но не пора ли нам (властям, правительству) подумать и разобраться, кто виноват в таком нищенском существовании народа (страны?)". Среди коренных жителей терпеливо-оптимистическую оценку жизненной ситуации ("жить трудно, но терпеть можно") высказали 78 чел. (65%).

Невелика доля лиц, оценивающих жизнь весьма оптимистично ("все не так плохо, и можно жить"), как среди переселенцев (20 чел., или 16.7%), так и среди коренных жителей (15 чел., или 12.5%).

По результатам анализа общей оценки жизненной ситуации можно говорить о большем запасе терпения у коренных жителей исследуемых областей (по сравнению с беженцами и вынужденными мигрантами) как неагрессивном способе

Оценка жизненной ситуации.

Примечание. Не отражены те, кто затруднился ответить; в каждой исследуемой группе они составили по 6.7% (по 8 чел.).

решения стрессовой ситуации. Полученные данные свидетельствуют, вероятно, о различных возможностях и способах психологической адаптации в критических социальных ситуациях между представителями местного и мигрирующего населения.

Итак, у мигрантов получен более высокий уровень социальной фрустрированности, личностной и ситуативной тревожности и более низкий запас терпеливого отношения к сложившейся обстановке. Правомерны вопросы: какие же выходы может найти эмоциональное напряжение? Какова вероятность того, что эмоциональная разрядка пойдет в сферу межгрупповых отношений по пути агрессивных, враждебных действий к членам "другой" группы или по пути конструктивного преодоления проблемных ситуаций? Попытаемся ответить на

поставленные вопросы, проанализировав реакции представителей исследуемых нами групп на возможные конфликтные ситуации, которые вслед за этносоциологами и этнопсихологами Института этнологии и антропологии РАН мы использовали в своем исследовании для оценки общей социальной толерантности [5]. Ответы на "закрытый" вопрос "Если кто-то ведет себя агрессивно по отношению к вам, как вы обычно поступаете?" соответствовали следующим показателям: враждебная агрессия (прямая угроза жизни, например, применение оружия), подавленная или скрытая агрессия ("ухожу от конфликта, но не прощаю") и "норма возмездия" или ответная агрессия ("отвечаю тем же"). В качестве "противовеса" предлагались неагрессивные ответы: стремление "сгладить конфликт" или "пойти на односторонние уступки".

Полученные ответы на данный вопрос в группах постоянных жителей и перемещенных лиц отражены в табл. 2, в которой показано, что между ними существуют определенные различия ($p \leq 0.01$ по критерию χ^2).

стр. 27

Таблица 2. Поведенческие реакции вынужденных мигрантов и коренных жителей на возможные конфликтные ситуации

Варианты ответов	Мигранты		Коренные жители	
	кол-во чел.	%	кол-во чел.	%
"Иду на односторонние уступки"	2	1.7	6	5.0
"Стараюсь сгладить конфликт"	67	55.8	55	45.8
"Ухожу от конфликта, но не прощаю"	37	30.8	24	20.0
"Отвечаю тем же"	14	11.7	32	26.7
"Применяю оружие"	0	0	3	2.5

Таблица 3. Средние показатели отдельных категорий Теста руки в группах вынужденных переселенцев и коренных жителей

№ п/п	Категории	Мигранты	Коренные жители
1.	Агрессивность	2.22 +/- 0.45	2.20 +/- 0.37
2.	Директивность	5.19 +/- 0.50	3.52 +/- 0.24 (*)
3.	Страх	2.78 +/- 0.38	2.43 +/- 0.34
4.	Эмоциональность (аффектация)	3.95 +/- 0.36	3.01 +/- 0.24 (*)
5.	Коммуникация	4.02 +/- 0.43	2.93 +/- 0.41 (*)
6.	Зависимость	3.22 +/- 0.37	2.73 +/- 0.25
Общее количество ответов		34.05 +/- 1.65	30.09 +/- 0.94
Суммарный балл агрессивности		-6.86 +/- 0.57	-5.13 +/- 0.89

Примечание. * Достоверность различий при $p < 0.05$.

Вопреки ожиданиям мы не получили данных о более высоком уровне агрессивности среди мигрантов по сравнению с местным населением. Так, агрессивные ответы (враждебная, ответная и подавленная агрессия) и неагрессивные ("сгладить конфликт", "пойти на односторонние уступки") дали соответственно 51 чел. (или 42.5%) и 69 чел. (57.5%) среди переселенцев и 59 чел. (49.2%) и 61 чел. (50.8%) - среди коренных жителей. То есть если у коренных жителей соотношение агрессивных и неагрессивных ответов приблизительно равно, то у переселенцев оно в большей степени свидетельствует в пользу неагрессивного поведения со стороны последних.

Среди агрессивных реакций у переселенцев более выраженным оказалось стремление подавить агрессию. Вероятно, это объясняется нежеланием людей в тех условиях, в которых они оказались, усугублять конфликт. В то же время больше одной четверти опрошенных среди коренного населения предпочитает регулировать межличностные отношения на основе нормы возмездия. Именно за счет большего количества таких ответов - по сравнению с вынужденными мигрантами - увеличилось число их агрессивных ответов.

Большинство вынужденных мигрантов проявляют неагрессивные реакции и стремление уйти от конфликта. Подавляющее большинство в этом случае не стремится показать одностороннюю уступчивость в конфликтной ситуации, а намеренно ищет конструктивные способы регулирования конфликтов.

Проанализируем теперь степень агрессивности и противостоящие ей психологические тенденции, опираясь на результаты, полученные по Тесту руки Вагнера (см. табл. 3).

Полученный суммарный балл агрессивности, имеющий в обеих выборках отрицательный знак, свидетельствует о том, что проявление агрессии возможно только в особо значимых ситуациях. А достаточно высокие абсолютные величины суммарного балла отражают выраженную сдержанность в поведении и хороший контроль агрессивных тенденций. Иначе говоря, проявление открытой агрессии со стороны наших респондентов даже в особых случаях маловероятно. То есть количество реакций социальной кооперации и отрицания агрессии больше, чем число проявлений доминирования и агрессии.

Таким образом, в обеих исследуемых группах мы получили представление о "перевесе" установок на кооперацию над установками на конфронтацию, а отсюда косвенно о содержании и влиянии смыслообразующих мотивов и тем самым о преобладающем (неагрессивном) способе реагирования представителей данных групп.

Однако если группы существенно не различаются по суммарной агрессивности, то распределение ответов по отдельным категориям теста как в абсолютных значениях, так и в процентном соотношении выявило определенные отличия. Так, мигранты имеют более высокое число "агрессивных" ответов наряду с более высоким общим количеством ответов. По мнению Вагнера, общее число ответов является индикатором степени психической активности личности, а число ответов по отдельным категориям свидетельствует об "общем запасе" определенных тенденций. Удельный вес ответов по отдельным категориям указывает на значимость тех или иных тенденций в жизни человека [9]. Однако среди "агрессивных" ответов у мигрантов преобладают не собственно агрессивные, а относящиеся к категории директивности. Доля таких ответов в выборке вынужденных мигрантов в среднем составляет 70-75% от общей суммы "агрессивных" ответов, у

стр. 28

Таблица 4. Степень популярности цветов у мигрантов и коренных жителей (по Люшеру)

Обследуемая группа	Ранг							
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й	8-й
Мигранты	Красный	Зеленый	Желтый	Серый	Фиолетовый	Коричневый	Черный	Синий
Коренные жители	Фиолетовый	Синий	Красный	Зеленый	Желтый	Серый	Коричневый	Черный

коренных жителей - 60-65%. Эти данные, как нам кажется, отражают на подсознательном уровне наличие директивных тенденций в поведении вынужденных переселенцев (на них неоднократно указывали интервьюируемые коренные жители), которые довольно четко проявляются в реальном поведении исследуемых мигрантов: их стремление к активному влиянию на других людей, авторитаризму, указанию, управлению, лидерству, проповедованию и т.п.

На гораздо большую агрессивность, по мнению создателя теста, указывает не столько наличие сильно развитых агрессивных установок, сколько отсутствие или слабая выраженность установок на социальную кооперацию. Отметим, что у мигрантов наряду с большим абсолютным числом "агрессивных" ответов получено и большее абсолютное число "адаптивных". Как показывают данные табл. 3, среди мигрантов обнаружено большее по сравнению с коренным населением число ответов по категории эмоциональность, что свидетельствует о повышенной у них способности к активной социальной жизни и отражает их желание к сотрудничеству с другими людьми и благожелательным отношениям. Также выборка мигрантов отличается от представителей местного населения более выраженным показателем категории коммуникация, что говорит о высокой коммуникативности, о стремлении к получению обратной связи и принятию. В ответах, принадлежащих к этой категории, подразумевается, что у переселенцев имеется необходимость в "желании разделить трудности", "желании быть понятым и принятым" и т.п. Полученные результаты являются для нас диагностически очень важными, так как мы видим, какие именно тенденции противопоставляются конфронтации, что побуждает вынужденного мигранта к сотрудничеству: не страх перед ответной агрессией и не чувство собственной неполноценности и зависимости, а потребность в теплых дружественных отношениях с окружающими.

Таким образом, сравнительный анализ удельного веса каждой из категорий, противостоящих агрессии, показывает, что внешнее сходное практическое поведение между вынужденными переселенцами и коренными жителями может иметь принципиально различные внутренние детерминанты. Среди "адаптивных" возможностей переселенцев преобладает не пассивное приспособление и зависимость, а стремление к активному сотрудничеству, установлению дружеских связей с социальным окружением.

А теперь остановимся на анализе общего эмоционального самочувствия мигрантов, используя при этом результаты, полученные с помощью другой проективной методики - Цветового теста М. Люшера. Табл. 4 показывает ранговые ряды восьми цветов по степени популярности для обеих исследуемых групп.

Как можно видеть, последовательности расположения цветов у мигрантов и коренных жителей различаются. И хотя отсутствие корреляции (коэффициент ранговой корреляции по Спирмену равен 0.17) еще не дает оснований сделать вывод о том, насколько значимы эти различия, тем не менее разница в расположении отдельных цветов, особенно фиолетового и синего, позволяет заключить, что эти различия не случайны (для синего цвета $\chi^2 = 41.15$, $p < 0.001$; для фиолетового $\chi^2 = 15.06$, $p < 0.05$).

При качественном анализе выбранных цветов важно учитывать функциональную значимость позиции, занимаемой конкретным цветом. Так, по мнению Люшера, 2-е место в восьмицветовом ряду показывает, что является для обследуемого целью, тогда как 1-е место указывает на средства, в которых нуждается обследуемый и к которым он прибегает, чтобы достичь цели [6]. По мнению же Л.Н. Собчик, 1-я и 2-я позиции цветов в паре соответствуют преобладающим тенденциям потребностной сферы личности [10].

Эти потребности определяют устойчивые свойства индивидуально-личностного паттерна в тех случаях, если выбор цветового ряда относительно постоянен, и особенности актуального состояния - если он меняется. Мы обследовали наших респондентов методом Люшера трижды (два раза в начале опроса и еще один раз, завершая исследование, в самом его конце). Безусловно, что при трехкратном обследовании, причем разницей в 2-2.5 ч, трудно определить степень устойчивости выбора. Однако при внимательном изучении динамики цветового выбора, который наблюдался нами в ситуации обследования, а значит, понимания диапазона изменчивости личности под влиянием внешних обстоятельств. Тест Люшера дает возможность выявить глубинные индивидуально-личностные свойства, определяющие тип

стр. 29

реагирования на средовые воздействия, степень подвластности или сопротивления им с помощью свойственных данному индивиду способов защиты.

Считается, что расположение красного цветового эталона на первой позиции отражает стенический тип реагирования в наиболее выраженном виде и выявляет напряженность потребности в активности, направленной на достижение цели, на овладение всем тем, что доставляет радость и наслаждение. Этот цвет выбирают в качестве наиболее предпочитаемого личности с мужественным складом характера, самостоятельные, независимые, авторитарные, быстро принимающие решения. Для них характерны: высокая поисковая активность, любознательность, стремление "быть", реализоваться. Сочетание красный-зеленый дополняет характеристики красного цвета, выявляя смешанный вариант реагирования по ри-идно-импульсивному типу. Стенические тенденции еще более усиливаются желтым цветом, занимающим 3-ю позицию и отражающим надежды на успех, планы, перспективы на дальнейшую работу. Комбинация красного, зеленого и желтого цветов составляет так называемую "рабочую", или "эрготропную" группу: их расположение в начале ряда выявляет у переселенцев целенаправленную активность и хорошую работоспособность. Активность, высокая мотивация достижения, потребность в обладании жизненными благами, стремление к доминированию, целенаправленность действий, высокая самооценка, потребность в самореализации, склонность к риску в сочетании с такими тенденциями, как скептичность, потребность в отстаивании собственных установок, упорство, противодействие обстоятельствам, которое носит защитный характер, - таков портрет "среднего" мигранта, выбравшего данную комбинацию цветов в начале ряда. Такие характеристики эмоционального самочувствия, как уже указывалось выше, с одной стороны, могут составлять эмоциональный паттерн гармоничной личности стенического (активного) круга, а с другой - выступать только отражением ее актуального состояния, обусловленного конкретной ситуацией, т.е. способны отражать гиперкомпенсацию личности как защитную реакцию на трудности.

Проанализировав цветовые выборы и выявив тенденции, которые подвержены наибольшей вариабельности, можно сказать, что в случае с мигрантами имеет место и

то, и другое. Сопоставление цветового ряда с данными интервью и объективного наблюдения также подтверждает этот вывод: мигранты в большинстве своем - это люди деятельного склада, и в нынешнем положении, когда требуется мобилизация всех жизненных сил, их стенические черты еще более усилились.

"Средний" мигрант в своем ранговом цветовом ряду на последнее - 8-е - место поставил синий цвет, символизирующий спокойствие и удовлетворение. Это означает, что пока потребность в покое для большинства исследуемых нами мигрантов оказывается нереализованной и отодвигается на последнее место, так как ее удовлетворение в настоящий момент считается нецелесообразным. Перемещение синего цвета на последние позиции цветового ряда означает также, что потребность в теплых межличностных отношениях блокирована; наблюдается зависимость от объекта глубокой привязанности, "разрывание пут" или желание их разорвать [11]. Точнее не скажешь о поведавшей нам многими респондентами горечи эмоциональных потерь от разрыва с родным домом, улицей, многими родными и близкими с детства людьми, о тех усилиях, которые прилагаются, чтобы "порвать" с прошлой жизнью.

В подтверждение этому приведу четверостишие одной респондентки из Туркменистана:

"Мои друзья - мои полжизни,
Мои работа, дом, семья.
А без друзей я просто нищий,
Как будто вовсе нет меня".

Символизируемая этим цветом потребность является основным источником стресса, эмоциональной напряженности и тревоги у "среднего" мигранта. Интенсивность тревоги снижается, поскольку компенсируется находящимся на первой позиции основным - красным - цветом. А это есть стремление справиться с угнетенностью, овладеть собой, сохраняя активность.

ВЫВОДЫ

Попав в новую социокультурную, а значит, в определенной степени стрессогенную среду, исследуемые нами беженцы и вынужденные переселенцы оказались во многих фрустрирующих ситуациях, необходимых для удовлетворения важнейших жизненных потребностей. Как показывают результаты, наиболее фрустрированной для мигрантов является потребность в социальном статусе, в реализации себя через профессиональную деятельность. Именно в потребности к самоактуализации, в желании занять достойное место в обществе заложен мощный потенциал их адаптивных возможностей.

Судя по полученным результатам, мигранты по сравнению с местным населением обнаружили более высокий уровень тревоги, меньший запас терпеливого отношения к сложившейся обстановке и высокий удельный вес агрессивных тенденций в общей системе диспозиций. Однако более глубокий анализ природы этих состояний и тенденций показывает, что они (вынужденные переселенцы) не хотят слепо подчиняться обстоятельствам, стремятся понять объективные и

стр. 30

субъективные причины, приводящие к этим обстоятельствам. У них обнаружен определенный эмоциональный и личностный потенциал, благодаря которому они способны "переплавлять" негативные эмоциональные переживания в энергию, необходимую для поиска продуктивных и конструктивных путей решения фрустрирующих ситуаций.

Большинство исследуемых вынужденных мигрантов проявляют неагрессивные реакции и стремление уйти от конфликта. Подавляющее большинство в этом случае не

стремится проявить одностороннюю уступчивость в конфликтной ситуации, а намеренно ищет конструктивные способы регулирования конфликтов. Обладая высокой поисковой активностью, мигранты склонны рассматривать любую ситуацию как проблемную, нестандартную, творческую. Тем самым мы получили представление о преобладании у представителей вынужденно мигрирующего населения неагрессивного способа реагирования, о "перевесе" установок на кооперацию над установками на конфронтацию. Стремление к активному сотрудничеству, установлению дружеских связей с социальным окружением повышает их адаптивный потенциал в новой социокультурной среде.

Попадая в новую социокультурную среду, мигранты из стран ближнего зарубежья включают так называемый "активизационный" механизм адаптации. Высокая активность является основой формирования стенического типа реагирования, связанного с повышением эмоциональной напряженности, со значительными как физиологическими, так и психологическими затратами, направленными на достижение значимых целей в новых для них условиях.

Все сказанное необходимо учитывать при разработке системы психокоррекционных мероприятий по отношению к вынужденно перемещенным лицам, реализующим соответствующую стратегию поведения, которая должна быть направлена прежде всего на снижение чрезмерной эмоциональной напряженности, разрешение конфликтов, планирование своей деятельности и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. Интегративный тест тревожности: Методические рекомендации. СПб., 1996.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1994.
4. Вассерман Л.И. Психодиагностическая шкала для оценки уровня социальной фрустрированности // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 1995. N 2. С. 73-79.
5. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
6. Клар Г. Тест Люшера: Пер. с англ. Л.Д. Погиной. М., 1975.
7. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
8. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. М., 1995.
9. Практикум по психодиагностике // Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М., 1990. С. 54-72.
10. Собчик Л.Н. Метод цветных выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера: Методическое руководство. М., 1990.
11. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. М., 1997.
12. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во МГУ, 1980.
13. Степанов В.В., Сусоколов А.А. Русские ближнего зарубежья: проблемы адаптации в российской деревне // Российский этнограф. М., 1993. N 3. С. 3-172.
14. Филиппова Е.И. Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

стр. 31

Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже 21 века⁵

Автор: Н.М.Лебедева - Докт. психол. наук, сотр. Ин-та этнологии и антропологии РАН, Москва

Анализируются современные теоретико-методологические подходы к изучению ценностей в кросс-культурной психологии. Приводятся результаты исследования ценностей двух групп русских (студенты и учителя) по методу С. Шварца. Анализ наиболее предпочитаемых ценностей позволил выделить блок базовых ценностей русской культуры (ценности Консерватизма и Гармонии, по Шварцу), а также - тенденции в изменении мотивации: снижение у молодого поколения значимости ценностей Консерватизма, Равноправия и Гармонии и рост значимости ценностей Мастерства, Иерархии, Интеллектуальной и Аффективной автономии. Факторный анализ показал, что два первых фактора, определяющих семантическое пространство ценностно-мотивационной структуры обеих групп респондентов - это культура и эгоцентризм. Интерпретация полученных результатов дается с привлечением данных русской философии, этнографии и литературы. В выводах обосновываются новые подходы и перспективы исследования и интерпретации ценностей в коллективистских культурах.

Ключевые слова: кросс-культурная психология, этнопсихология, ценности, мотивация, психосемантика, коллективизм, индивидуализм.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЦЕННОСТЕЙ В КРОСС- КУЛЬТУРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Измерение ценностей: проблемы метода и кросс-культурного сравнения

В зарубежной кросс-культурной психологии [16, 23] исследование ценностей в настоящее время рассматривается как наиболее важное и актуальное направление.

Признается, что ценности, доминирующие в обществе - это главный элемент культуры, и ценностные приоритеты индивидов реализуются в основных целях поведения, а опыт повседневной жизни в меняющихся экологических и социополитических условиях напрямую влияет на ценности. Таким образом, через анализ ценностей можно отчетливо увидеть изменения, происходящие в культуре и личности, в ответ на исторические и социальные перемены.

Проблема изучения ценностей для современной России имеет особое значение, поскольку Россия - поликультурная страна, при этом многочисленные этнические группы, проживающие на ее территории, имеют длительный исторический опыт мирного сосуществования; и в этом плане можно говорить об их культурной близости, сходстве ценностей и векторов их изменения в последнее десятилетие. Отечественные ученые отмечают, что среди основных процессов, свойственных

массовому сознанию в ситуации нестабильности, изменение системы ценностей вызывает необходимость особо тщательного социально-психологического анализа [1, с. 363].

Несмотря на обилие теоретико-методологических подходов, методов и процедур исследования ценностей в зарубежной психологии, встает вопрос - адекватны ли эти подходы в других культурах, в частности в России, и как можно трактовать полученные межкультурные различия?

Одна из главных проблем - имеют ли исследуемые ценности одинаковое значение в разных культурах. Даже при хорошем переводе мы не можем быть

⁵ Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже 21 века /Н.М. Лебедева // Психологический журнал, 2000. №3. С. 73-87.

уверены, что выражаемые ценности имеют то же значение в разных языках и культурах. Работа с местными вариантами ценностей в каждом языке и культуре не дает возможности понять, насколько эти варианты ценностей сходны с ценностями в других культурах. Исследователи ценностей иногда решают проблему сходства их значений путем сравнения сходства структуры связей между ценностями внутри каждой культуры [15, 23, 33].

Кросс-культурные исследования ценностей проходят на двух различных уровнях анализа: индивидуальном и культурном. На индивидуальном уровне ценности рассматриваются как основы мотивов, которыми люди руководствуются в своей жизни [22, 28, 29]. Отношения между различными ценностями отражают психологическую динамику конфликта и согласия, испытываемую людьми,

(*) Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект N 98-06-08152a

стр. 73

когда они в своем поведении руководствуются определенными ценностями. Например, людям нелегко стремиться к власти и к подчинению в одно и то же время, но они могут одновременно стремиться к власти и богатству. Взаимосвязь между рангами ценностей для индивида отражает внутренние измерения, организующие его ценности.

Различия на культурном уровне менее изучены. Когда ценности используются для характеристики культур, то исследуют разделяемые в обществе абстрактные идеи о том, что считается хорошим, правильным и желательным в этом обществе или культурной группе [34]. Социальные институты общества в своих целях и способах деятельности выражают приоритетные культурные ценности. Когда люди выполняют свои роли в социальных институтах, они апеллируют к культурным ценностям, решая, какое поведение будет соответствующим, и оправдывая свой выбор в глазах других.

Отношения между различными ценностями на культурном уровне отражают социальную динамику конфликта и согласия, возникающую в ситуации, когда социальные институты общества реализуют свои цели. Эти отношения не обязательно те же самые, что на индивидуальном уровне. Например, хотя одновременные акценты на власти и подчинении несовместимы на индивидуальном уровне, они совместимы на уровне культуры. Социальная система будет более согласованной, если люди рассматривают власть как желательную основу для организации человеческих отношений, а подчинение - как соответствующее поведение по отношению к тем, кто облечен властью. Таким образом, поскольку отношения между ценностными приоритетами на этих двух уровнях могут быть разными, методы измерения ценностей могут также различаться.

Измерение ценностей на индивидуальном уровне. Современные исследования ценностей на индивидуальном уровне в основном базируются на исследованиях Рокича [22]. Рокич стимулировал интерес к ценностям в психологии, дав ясное определение этого понятия, предложив легкий инструмент их измерения, в котором отражалось его понимание ценностей как руководящих принципов жизни.

В конце 80-х гг. по инициативе и под руководством д-ра С. Шварца, профессора факультета психологии Иерусалимского университета, была организована Международная программа сравнительного (кросс-культурного) изучения ценностей. В настоящее время по программе работают группы исследователей в 46 странах. Шварц утверждает, что главный содержательный аспект, отделяющий ценности друг от друга, это - тип мотивации, в которой они отражаются. Поэтому он сгруппировал

отдельные ценности в блоки ценностей, разделяющих общую цель. Он исходил из того, что основные человеческие ценности, которые должны быть во всех культурах, - те, которые представляют универсальные человеческие потребности (биологические нужды, потребности согласованного социального взаимодействия и требования групповой жизни) как осознанные цели. Основываясь на ценностях, выделенных предшествующими исследователями, найденных в религиозных и философских трудах в разных культурах, он сгруппировал ценности в десять различных видов мотивации, которые он понимал как основные типы или блоки ценностей. Он дал этим типам ценностей определения, основанные на их главной цели: Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, Самостоятельность, Универсализм, Заботливость, Традиционность, Конформизм, Безопасность.

Результаты более поздних исследований подтвердили эту структуру, выявив, что десять типов ценностей располагаются на двух биполярных осях: Открытость к изменениям (ценности самостоятельности и стимуляцию-Консерватизм (безопасность, конформность и традиции) и Акцент на себе (власть и достижение)-Акцент на других (универсализм и заботливость) [23, 26]. Поскольку типы ценностей формируют интегральную мотивационную структуру, Шварц в дальнейшем постулировал, что типы ценностей как единая система связаны с другими переменными (установками, поведением, групповым членством и т.д.).

Культурный уровень измерения ценностей. Существуют сотни, возможно, тысячи ценностей, по которым могут быть сравнимы разные культурные группы. Некоторые ценности имеются во всех обществах, другие - лишь в некоторых. Необходимо было ограничить множество культурных ценностей небольшим числом измерений, по которым можно сравнивать культуры. Теоретики, решавшие эту задачу, высказали предположение, что культурные измерения ценностей отражают основные проблемы, с которыми сталкивается общество, организуя человеческую деятельность [18,21,25].

Подход Шварца к ценностям на культурном уровне теоретически независим от его подхода на индивидуальном уровне [30]. По его мнению, измерения культурных ценностей отражают альтернативные решения группами основных проблем. Культурные варианты решения каждой из этих проблем располагаются вдоль биполярных осей:

1. Консерватизм-Автономия. В культурах, располагающихся на полюсе Консерватизма,
стр. 74

личность рассматривается как принадлежащая к группе, видящая смысл жизни в социальных связях, идентификации с группой и разделении общего образа жизни. Пример ценностей этого типа:

социальный порядок, уважение традиций, безопасность семьи и самодисциплина. В культурах, расположенных на полюсе Автономии, личность рассматривается как независимая, уверенная в себе, ценящая свою уникальность, стремящаяся выразить собственные внутренние качества (личностные черты, чувства, мотивы, предпочтения) и поощряемая к этому. Шварц выделил два взаимосвязанных типа Автономии: Интеллектуальную автономию, основанную на независимости идей и праве индивида следовать своими собственными интеллектуальными путями (любопытность, открытость ума, изобретательность), и Аффективную автономию, означающую независимую устремленность индивида к переживанию позитивных эмоций (удовольствие, возбуждение, разнообразие).

2. Иерархия-Равноправие. В культурах, расположенных на полюсе Иерархии, иерархическая система ролевых предписаний обеспечивает социально ответственное поведение. Люди учатся подчиняться обязанностям и правилам, предписанным их ролями, и наказываются, если не делают этого. Этот тип ценностей опирается на легитимность неравного распределения власти, ролей и ресурсов (социальная власть, авторитет, подчинение, богатство). Культуры, расположенные на полюсе Равноправия, рассматривают индивидов как равных перед моралью и разделяющих основные человеческие интересы. В людях воспитывается внутреннее согласие с ценностью добровольного объединения с другими и заботы об их благе. Этот тип ценностей основан на преодолении эгоизма (равенство, социальная справедливость, свобода, ответственность, честность). Усвоение ценностей Равноправия - главная проблема социализации в культурах, где личность считается более автономной, чем зависимой от других, поскольку для автономных личностей согласие с другими не является естественным.

3. Мастерство-Гармония. В культурах, расположенных на полюсе Мастерства, люди активно стремятся подчинить себе и изменить природный и социальный мир, контролировать и использовать его в личных или групповых интересах. Этот тип ценностей основан на продвижении вперед посредством активного самоутверждения (амбиции, успех, смелость, компетентность). Культуры на полюсе Гармонии принимают мир таким, каков он есть, пытаясь скорее сохранить, чем изменить или использовать его. Этот тип ценностей основан на установлении гармонии со средой (единство с природой, защита окружающей среды, мир прекрасного).

Данные, полученные с помощью вопросника, содержащего 57 ценностей, в группах учителей, студентов и взрослых в 54 странах, включая 10 стран бывшего советского блока, были подвергнуты многомерному шкалированию для проверки валидности теоретически выделенных семи типов ценностей, организованных в три биполярных измерения. Расположение полученных ценностей в пространстве по регионам подтвердило структуру типов ценностей и измерений. Шварц представил результаты по 32 национальным группам, полученные на выборках учителей. Данные выборки учителей значимо коррелировали с данными студенческих выборок в 40 странах (k корр.: от 0.83 до 0.70), это подтвердило гипотезу: различные типы выборок в одной и той же культуре выявят похожий вариант расположения ценностей по трем предложенным измерениям.

1.2. Различия в ценностях на культурном уровне и их интерпретация

В каждом из исследований культурных ценностей авторы пытались расположить культуры на карте мира по отношению друг к другу.

Хофстед провел иерархический кластерный анализ сорока стран на основе их результатов по четырем измерениям. Этот анализ выделил 11 кластеров, которые он перегруппировал в 7 значимых "культурных ареалов": Нордический, Англоязычный, Германский, Ближневосточный, развивающаяся Азия, развивающаяся Латинская Америка, развитая Латинская Америка, развитая Азия (представленная одной Японией). Хофстед дал детальное описание профилей ценностей в каждом культурном ареале. Например, в Нордическом и Англоязычном ареалах относительно низкие показатели Дистанции власти, высокие Индивидуализма, низкие или средние показатели Избегания неопределенности, но для Нордического класса характерна низкая Маскулинность, а для Англоязычного - высокая. Таким образом, эти культурные ареалы различаются тем, что в Нордическом кластере больше проявляется забота о слабых и межличностная гармония, а в Англоязычном - настойчивость и материальный успех [18].

Шварц в своем исследовании выделил шесть культурных ареалов: Западноевропейский, Англоязычный, Восточно-европейский, Исламский, Восточноазиатский и Латиноамериканский. Япония опять выделилась как отдельный ареал [30]. Сходство между культурными ареалами Хофстеда и Шварца оказалось поразительным. Некоторые различия, без сомнения, отражали разность

стр. 75

культурных выборов: например, у Хофстеда не было Восточноевропейских стран.

Чтобы объяснить происхождение значительных национальных различий в культурных ценностях, ученые исследовали их корреляции. Ключевым вопросом этих исследований было определение направления причинной связи. Рассмотрим, например, значимую позитивную корреляцию уровня развития национальной экономики с важностью в культуре ценностей Индивидуализма ($r = 0.82$ Hofstede, 1980) и Автономии ($r = 0.58$, Schwartz, 1993). Эти корреляции могут расти потому, что более развитая экономика предоставляет индивидам большее разнообразие возможностей и большую свободу выбора. С другой стороны, больший акцент на этих ценностях может способствовать развитию экономики, мотивируя индивидов работать более усердно и продуктивно. В этом случае причинно-следственная связь между экономическим развитием и ценностями более очевидна, чем наоборот, что подтверждается тем фактом, что Индивидуализм и Автономия коррелируют с уровнем экономического развития, а не с показателями экономического роста.

Единственное культурное измерение, значимо коррелирующее с экономическим ростом - это "Конфуцианское трудолюбие" [19]. Корреляция $r = 0.70$ была выявлена между этой ценностью и ростом ВВП на душу населения в 23 странах в период с 1965 по 1987 годы. Страны Дальнего Востока, показавшие наиболее высокий экономический рост, имели наивысшие показатели по "Конфуцианскому трудолюбию" в этот период. В данном случае культурные ценности можно скорее рассматривать как причину экономического роста, чем как его следствие.

Шварц также проверял влияние социальных и демографических факторов на измерение культурных ценностей. Богатство страны и другие показатели экономического развития имели значимые негативные корреляции с Консерватизмом и Иерархией и позитивные с Автономией и Равноправием. Наиболее сильным показателем был размер жилой площади, который позитивно коррелировал с вышеуказанными двумя измерениями и с Мастерством. Шварц объяснил это тем, что нормальное совместное проживание семьи с большим количеством ее членов, включая маленьких детей, требует иерархически организованной социальной системы, в которой люди идентифицируются с общностью, принимают ролевые обязательства и эксплуатируют материальную среду для удовлетворения групповых потребностей. Он также объяснил, как такой тип семьи может влиять на приоритетность ценностей. Другие важные "детерминанты" культурных ценностей - уровень демократизации, этническая гетерогенность и процент христиан в стране [31].

Наиболее успешные подходы, вероятно, должны рассматривать взаимодействие исторических, интеллектуальных, экономических, технологических, политических, религиозных и других факторов формирования культурных ценностей. Статистический анализ должен сочетаться с привлечением анализа данных факторов. Шварц в двух своих работах применил эту стратегию для объяснения различных ценностных профилей Западноевропейских и Восточноевропейских культурных ареалов [27, 30].

В исследовании С. Шварца и А. Барди было выявлено, что такие ценности, как Консерватизм и Иерархия, были более важны в Восточной, чем в Западной Европе. С другой стороны, такие ценности, как Равноправие, Мастерство, Интеллектуальная автономия и Аффективная автономия были значительно менее выражены у представителей стран Восточной Европы, чем у западноевропейцев [27].

Это исследование выявило общий профиль предпочитаемых ценностей, характерный для стран Восточной Европы в отличие от Западной Европы. Авторы объяснили эту общность сходством адаптации людей к условиям жизни в коммунистической социальной системе (необходимость конформизма, непредсказуемость правил и наказание за непослушание; доноительство, создающее атмосферу взаимного недоверия, подавление личной инициативы и свободы; отсутствие связи между результатами работы и вознаграждением за нее; патернализм, поощряющий пассивность и уклонение от личной моральной ответственности).

Считается, что необходимым условием и моральной базой социальной ответственности являются ценности Равноправия и Автономии, которые очень важны для поддержания демократии [17]. В связи с этим некоторые исследователи полагают, что ценностный профиль, выявленный у жителей стран Восточной Европы, плохо пригоден для развития демократии, поскольку ценности равноправия и автономии имеют сравнительно низкую значимость в этих странах. Ценностное основание для развития системы свободного предпринимательства также практически отсутствует: ценности Автономии и Мастерства не получили широкого принятия и одобрения, и в этом - корни нежелания брать личную ответственность, рисковать и напряженно работать в полную меру сил и талантов. Вместо этого более предпочитаемыми являются ценности Консерватизма и Иерархии, являющиеся основой тенденции перекладывать заботу и ответственность в обеспечении своих потребностей на государство [27].

стр. 76

Исследование Шварца и Барди было проведено в таких восточно-европейских странах, как Болгария, Чехия, Эстония, Грузия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Россия в 1992-1996 гг. Несмотря на сходство ценностей во всех этих странах, было установлено, что в России, Грузии и Болгарии особенно значимыми были ценности Консерватизма и Иерархии по сравнению с ценностями Мастерства и Автономии. Авторы объяснили это более длительным пребыванием в лоне коммунизма и возможным влиянием православия.

Несмотря на декларацию, что для анализа полученных культурных различий необходимо применять исторические, этнокультурные, религиозные, политические и другие факторы, исследование Шварца и Барди ограничилось подробной интерпретацией различий в ценностях у жителей Восточной и Западной Европы с привлечением лишь политических аспектов. Не было сделано даже попытки анализа с точки зрения истории и этнической культуры восточного славянства, да и роль православия никак не была проанализирована. Однако таким глубоким и всесторонним анализом не могут похвастаться и отечественные исследования ценностей.

2. ЦЕННОСТИ РУССКИХ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА

2.7. Исследования ценностей в отечественной психологии

Сразу оговоримся, что краткий анализ исследований ценностей в отечественной психологии в данной работе ограничивается двумя аспектами: исследованиями ценностей русских в отечественной этнопсихологии и изучением изменения системы

ценностей под влиянием социально-экономических и политических преобразований последнего десятилетия.

В отечественной этнопсихологии в 90-х гг. XX века был проведен ряд исследований ценностных ориентации русских (К. Касьянова, 1994; Л. Почебут, 1997; В. Знаков, 1997; Н. Лебедева и Е. Павелко, 1998 и др.). В работе Касьяновой отмечается важность в русской культурной традиции таких ценностей, как терпение, страдание, смирение, жертвенность (ценности "внутреннего делания") в отличие от таких ценностей, как труд, достижение успеха (ценности "внешнего делания") [6]. Почебут отмечает значимость таких ценностных ориентации, как коллективизм, справедливость, ориентация на лучшее будущее, ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем [11]. В исследовании Лебедевой и Павелко межпоколенной трансмиссии культуры у русских отмечается сильная тенденция сохранения таких базальных ценностей русской культуры, как коллективизм и феминность, наряду с возникновением и развитием у молодых поколений россиян ценностей индивидуализма и маску-линности (амбициозность, мотивация достижения) [8].

В отечественной психологии также было проведено исследование по методу Шварца [2]. Авторы пишут о том, что предварительные его данные не позволяют сделать глобальные, "основополагающие" заключения относительно социально-психологических закономерностей сферы ценностного сознания личности и группы. При этом авторы исследования утверждают, что в определенных социальных группах образ "социально желательной" иерархии ценностей фактически не подвергается широко провозглашаемой ломке, хотя, по мнению авторов, за последние несколько лет наблюдаются определенные изменения и сдвиги.

Изучению влияния новых социально-экономических условий на изменение ценностных ориентации личности в разных социальных группах было посвящено исследование В.А. Хащенко [14]. Стандартный список ценностей методики Рокича дополнен ценностями, отражающими экономическую направленность: богатство, собственность, экономическая независимость, предприимчивость, материальная обеспеченность. Было опрошено шесть групп населения, характеризующихся разным социально-экономическим статусом.

Анализ данных исследования позволил установить влияние новых социально-экономических условий на изменение ценностных ориентации индивида в разных группах, которые проявляются в доминировании общей направленности на индивидуальные ценности. Установлено, что в иерархии ценностей-целей доминируют: здоровье, семья, материальная обеспеченность, любовь, свобода, уверенность в себе, друзья. Среди ценностей-средств достижения жизненных целей ведущими являются твердая воля, честность, независимость, предприимчивость, самоконтроль, образованность. Полученные данные, по мнению автора, свидетельствуют о формировании нового типа направленности личности, характеризующегося индивидуализированной ориентацией на личные, в том числе экономические ценности, такие как материальная обеспеченность, предприимчивость, собственность и богатство.

Изменения в ценностных ориентациях выразились прежде всего в усилении ориентации на себя, опоры на собственные силы (волевые качества, рациональность в поведении, стремление действовать самостоятельно и решительно) и в снижении

стр. 77

роли и значения качеств личности, особенно важных в контактах с другими людьми (чуткость, уважение к другому, умение выслушать и понять другого и т.п.). В исследовании установлено, что социально-экономические изменения хорошо

согласуются с изменениями в социально-психологической феноменологии, что позволяет рассматривать последние в качестве индикаторов этих перемен: изменения в ценностном сознании индивида могут рассматриваться как индикатор изменения в его материальном положении.

Обзор исследований ценностей россиян и их трансформации в последнее десятилетие показывает, что наряду с сохраняющимися базовыми ценностями русской культуры в сознании жителей России происходит изменение ценностей по оси "индивидуализм-коллективизм" в сторону большего индивидуализма.

Существенным недостатком отечественных исследований ценностей является отсутствие единства в методах исследования ценностей, что затрудняет сравнение результатов, полученных разными авторами. Кроме того, практически нет исследований, привлекающих для анализа ценностей данные истории, этнографии, культурологии и религиоведения (за исключением работы Касьяновой).

В 1999 г. в рамках проекта РГНФ "Изменяющаяся этническая идентичность. Опыт кросс-культурного анализа этнопсихологических исследований в России и СНГ в 90-х годах XX века" мною было проведено эмпирическое исследование изменения базовых культурных ценностей русских.

Целью исследования явился сравнительный анализ структуры ценностей двух групп респондентов (студентов и взрослых - учителей и других специалистов) для определения сходств и различий в структуре базовых ценностей двух поколений. Сходства должны показать неизменность ценностного ядра русской культуры, а различия - направления изменения ценностей в последнее десятилетие XX века. Мотивом к проведению данного исследования была неудовлетворенность результатами и их интерпретацией в работах Шварца относительно стран Восточной Европы.

2.2. Методика

Мною был переведен на русский язык и адаптирован в пилотажном исследовании опросник Шварца для изучения ценностей на культурном уровне (перевод был согласован с автором опросника).

Опросник Шварца включает 57 ценностей, отобранных таким образом, чтобы представлять каждый описанный им тип ценностей. Чтобы избежать прозападного уклона, ценности были взяты из всех основных мировых религий и вопросников, разработанных в Азии и Африке, а также на Западе. Коллеги из многих стран добавляли свои ценности в этот вопросник. Во избежание зависимости от языка, одновременно разрабатывались версии на иврите, финском и английском языках. (После этого коллеги в 54 странах собрали данные 144 тысяч респондентов по двум выборкам: школьные учителя и студенты. Учителям был отдан приоритет перед другими профессиональными группами, поскольку они играют ключевую роль в социализации ценностей). Респонденты ранжируют ценности по степени важности как руководящие принципы в их жизни. Шкала ранжирована от -1 (отвергаемая ценность) до 7 (наиболее важная ценность). Шкала включает и негативные значения, так как ценности, важные в одной культуре, могут отвергаться в другой. Инструкция респондентам была такая: "При ответе на этот опросник, Вы должны спросить себя: "Какие ценности важны для меня как основные принципы в моей жизни, а какие ценности менее важны для меня?" Эти ценности взяты из разных культур. В скобках после каждой ценности есть слова, которые могут помочь Вам лучше понять ее значение. Ваша задача - указать, в какой степени каждая ценность является для вас ведущим принципом в Вашей жизни. Используйте цифровую шкалу, приведенную ниже.

0 - означает, что ценность совсем не значима для Вас и не является ведущим принципом Вашей жизни.

3 - означает, что ценность важна для Вас.

6 - значит, что ценность очень важна для Вас.

Чем больше цифра (0, 1, 2, 3, 4, 5, 6), тем более важна для Вас эта ценность как ведущий принцип в ВАШЕЙ жизни.

Кроме этого, могут использоваться цифры:

-1 - для обозначения ценности, противоположной ведущим принципам Вашей жизни.

7 - для обозначения ценности, важнейшей для Вас и являющейся руководящим принципом в Вашей жизни; обычно таких ценностей не более двух.

8 пустой ячейке перед каждой ценностью укажите номер (-1, 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7), отражающий важность этой ценности лично для Вас. Постарайтесь использовать все цифры, как можно точнее и разнообразнее отражая Ваше отношение к данным ценностям (разумеется, каждая цифра может быть использована неоднократно)".

Респондентами явились: группа студентов из Пензы, Москвы, Санкт-Петербурга и Ярославля (244 человека), а также - группа учителей и других специалистов из вышеуказанных городов (180 человек). Общий объем выборки - 424 человека. Этническая принадлежность респондентов - русские. Исследование проводилось весной и летом 1999г.(1)

Результаты исследования подверглись математико-статистической обработке с помощью пакета STATISTIKA.

2.3. Результаты исследования и их обсуждение

В процессе первоначального анализа нами были выделены наиболее предпочитаемые и наиболее отвергаемые ценности в двух возрастных группах наших респондентов. В табл. 1 представлены

(1)Автор выражает особую благодарность за помощь в проведении этого исследования доц. кафедры связей с общественностью и рекламы Пензенского госуниверситета О.В. Черновой, доц. кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского госуниверситета Л.Г. Почебут и студентке ГУГН Е.И. Лебедевой.

стр. 78

Таблица 1. Наиболее предпочитаемые ценности

Студенты			Учителя		
Ценность	М (ср. знач.)	5	Ценность	М (ср. знач.)	5
Защита семьи	5.67	1.11	Здоровье	6.01	1.03
Здоровье	5.51	1.53	Защита семьи	6.00	1.03
Настоящая дружба	5.50	1.11	Мир на земле	5.47	1.51
Смысл жизни	5.48	1.53	Верность	5.37	1.16
Самоуважение	5.26	1.53	Смысл жизни	5.31	1.42
Независимость	5.26	1.43	Ответственность	5.31	1.42
Интеллект	5.26	1.15	Интеллект	5.31	1.42
Верность	5.21	1.18	Социальный порядок	5.27	1.38
Достижение успеха	5.21	1.18	Национальная безопасность	5.21	1.50
Свобода	5.16	1.38	Честность	5.26	1.16
Внутренняя гармония	5.10	1.38	Настоящая дружба	5.12	1.16
Зрелая любовь	5.10	1.66	Уважение старших	5.06	1.34

Выбор собственных целей	5.06	1.29	Внутренняя гармония	4.90	1.66
-------------------------	------	------	---------------------	------	------

средние значения наиболее предпочитаемых ценностей двух обследованных групп.

Анализ ценностей, наиболее предпочитаемых респондентами двух групп показывает, что в обеих группах можно выделить блок повторяющихся, неизменных ценностей (защита семьи, здоровье, настоящая дружба, верность, интеллект, смысл жизни, внутренняя гармония). Эти ценности можно отнести к базовым ценностям русской культуры, транслирующимся из поколения в поколение. Интересно, что они попадают в разные блоки ценностей по Шварцу (ценности Консерватизма и Гармонии)

Наряду с этим выделяются ценности, которые более предпочитаемы одной из групп и не встречаются в списке приоритетных в другой. Так, группа учителей предпочитает такие ценности, как мир на земле, ответственность, социальный порядок, национальная безопасность, честность, уважение старших. В группе студентов более предпочитаемыми оказываются такие ценности, как самоуважение, независимость, достижение успеха, свобода, зрелая любовь, выбор собственных целей. Нетрудно заметить, что эти два блока ценностей отличаются тем, что в группе учителей доминируют ценности коллективистской направленности, служащие установлению и поддержанию группового единства и групповой гармонии (по Шварцу, это ценности Консерватизма и Равноправия). Для студентов, напротив, более значимы ценности индивидуалистической направленности, служащие личностному росту и развитию (по Шварцу, это ценности Мастерства, Автономии и Равноправия).

Трудно сказать, являются ли выявленные различия в ценностных приоритетах следствием внутренней трансформации ценностей культуры или результатом влияния возрастных различий. Даже если верно последнее предположение и отмеченные различия - это следствие значимости разных аспектов жизни в разные возрастные периоды, мы можем высказать идею, что данные блоки ценностей в равной степени важны для русской культуры, и что люди разного возраста реализуют различные социальные идеи, которые присутствуют в культуре (идею консерватизма, сохранения и идею изменения и развития).

Далее в табл. 2 мы выделили блоки ценностей, наименее предпочитаемых двумя группами наших респондентов.

В наименее предпочитаемых ценностях у обеих групп наблюдается большая согласованность. Как можно видеть, в наибольшей степени отвергаются ценности двух крайних полюсов: на одном - власть, влияние, авторитетность, отвага (дерзость), потакание себе (ценности Иерархии и Автономии), а на другом - ценности противоположного смысла: довольство своим местом в жизни, скромность, благочестие, единство с природой (ценности Иерархии и Гармонии). От-вержение первой группы ценностей довольно предсказуемо для русской традиционной (коллективистской по сути) культуры. Это ценности, противоположные ценностям групповой гармонии,

стр. 79

Таблица 2. Наименее предпочитаемые ценности

Студенты			Учителя		
Ценность	М (ср. знач.)	?	Ценность	М (ср. знач.)	?
Власть	2.09	2.12	Власть	1.07	1.97
Довольство своим местом в жизни	2.13	2.32	Отвага (дерзость)	1.85	1.75

Благочестие	2.21	1.90	Потакание себе	2.44	2.03
Скромность	2.28	1.86	Довольство своим местом в жизни	2.54	2.21
Отвага(дерзость)	2.57	1.80	Влияние	2.58	1.81
Уважение традиций	2.82	1.74	Благочестие	2.59	2.11
Единство с природой	2.88	1.93	Разнообразие жизни	2.68	1.59
Умеренность	2.95	1.79	Интересная жизнь	2.87	1.89
Творчество	3.01	1.82	Авторитетность	3.06	1.96
Потакание себе	3.06	1.96	Удовольствие	3.25	1.77
Равенство	3.21	1.73	Единство с природой	3.33	1.83
Влияние	3.22	1.75	Скромность	3.52	1.74
Авторитетность	3.39	1.94	Наслаждение жизнью	3.53	1.94

разрушающие ее. Однако, описывая русский национальный характер в прошлом, А. С. Солженицын, например, считал большим недостатком:

"...вековое отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности; отсутствие стремления к власти: русский человек сторонился власти и презирал ее как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов; в противоречие тому - жажда сильных и праведных действий правителя, жажда чуда; отсюда - наша губительно малая способность к объединению сил, к самоорганизации..." [13, с. 165]. К недостаткам же, по его мнению, относится и "всеизвестное (худо знаменитое) русское долготерпение" [13, с. 165].

Ему возражает Касьянова, проводящая анализ таких культурных ценностей, как терпение, страдание, смирение (которые являются орудием и результатом внутреннего делания, устроения души человека) в противовес деланию внешнему, или труду. Приводя слова Еп. Феофана "Дело - не главное в жизни, главное - настроение сердца, к Богу обращенное", она отмечает, что труду (и любому внешнему деланию) в системе ценностей русской культуры отводилось явно подчиненное место и его невозможно перевести в другой разряд, не нарушив всей системы. Восклицание поэта "Чем был бы хуже твой удел, когда б ты менее терпел?", обращенное к русскому народу, автор считает верхом непонимания своей культуры и пишет: "терпение для нас - не способ достигнуть лучшего удела, ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу других, мира вообще - это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения..." [6, с. 112].

Однако отвержение ценностей, казалось бы свойственных традиционной русской культуре (довольство своим местом в жизни, благочестие, скромность), довольно неожиданно и свидетельствует об изменениях в ценностно-мотивационном блоке русской культуры. Если обратиться к описаниям русского национального характера в прошлом, можно встретить характеристики подобные тем, что отметил А.С. Солженицын: "Доверчивое смирение с судьбой... непогоня за внешним жизненным успехом, непогоня за богатством, довольство умеренным достатком" [13, с. 161]. Сейчас нашими современниками это отвергается. Отвержение благочестия (эта ценность расшифровывается так: хранение веры, следование религиозным убеждениям) неудивительно - чтобы считать его ценностью, руководящим принципом жизни, надо вырасти в благочестивой христианской семье, чем мало кто может похвастаться. Традиции благочестия в нашей стране были жестко прерваны и возродятся ли они хотя бы наполовину - большой вопрос.

Таким образом, можно сказать, что в ряду ценностей русской культуры к концу XX века наблюдаются серьезные изменения, затрагивающие ключевые основы русского национального характера. Если посмотреть на межгрупповые различия в отвергаемых ценностях, то можно увидеть тенденцию,
стр. 80

Таблица 3. Сравнительные данные по блокам ценностей (типам мотивации, по Шварцу), полученные в странах Западной и Восточной Европы и в России

Блоки ценностей	Учителя			Студенты		
	Восточ. Европа	Западная Европа	Россия	Восточ. Европа	Западная Европа	Россия
Консерватизм	4.15	3.51	4.38	3.83	3.32	3.71
Иерархия	2.19	1.28	3.05	2.23	2.01	3.10
Гармония	4.24	4.30	4.28	4.11	4.05	3.69
Равноправие	4.74	5.35	4.93	4.63	5.21	4.27
Интеллектуальная автономия	4.15	4.60	4.05	4.23	4.61	4.65
Аффективная автономия	3.13	3.76	2.95	3.78	4.23	3.98
Мастерство	3.84	3.98	3.98	4.22	4.27	4.43

выявленную ранее. Молодые отвергают ценности коллективизма: уважение традиций, умеренность, равенство, а люди постарше - ценности индивидуализма: разнообразие жизни, интересная жизнь, наслаждение жизнью, удовольствие. При этом довольно неожиданным является то, что для наших студентов творчество (изобретательность, уникальность, неповторимость) не является значимой ценностью, хотя эта ценность - в ряду значимых ценностей индивидуалистической культуры.

Когда Шварц в 1992 г. проводил исследование в Санкт-Петербурге, он выявил, что Россия по таким блокам ценностей, как Равноправие, Мастерство, Интеллектуальная и Аффективная автономии, занимает последнее место в ряду стран Западной и Восточной Европы, а по ценностям Консерватизм, Иерархия и Гармония - первое. Мне было интересно посмотреть, отличаются ли данные, полученные семь лет спустя, от данных Шварц, и каким образом - т.е. как изменились ценности русской культуры за эти очень важные для России годы. Для этого я сопоставила в одной таблице средние данные стран Восточной Европы (9 стран), Западной Европы (11 стран), полученные в 1992-1996 гг., и России (1999 г.) по двум группам (учителя и студенты) - см. табл. 3.

Согласно данным Шварца 1992-1996 гг., жители стран Восточной Европы уступали представителям стран Западной Европы в Мастерстве (амбициозность, успех, смелость, компетентность), Интеллектуальной автономии (любопытность, широта ума, творчество) и Аффективной автономии (стремление к наслаждению, разнообразной и интересной жизни); при этом показатели России по данным блокам ценностей были одними из самых низких. Сейчас же мы видим, что по Мастерству и Интеллектуальной автономии наши студенты обогнали не только восточноевропейских, но и западноевропейских сверстников, и даже наши учителя сравнялись по ценностям Мастерства с западноевропейскими коллегами. В ценностях Аффективной автономии наши студенты превысили средние показатели восточноевропейских стран, но не догнали Западную Европу.

Далее, Шварц и Барди в своей статье отмечали, что ценности Консерватизма и Иерархии выше у представителей стран Восточной Европы, а ценности Равноправия -

ниже [27]. Согласно нашим данным, ценности Иерархии за эти годы возросли у студентов и учителей, ценности Консерватизма и Равноправия возросли у российских учителей, но снизились у студентов.

Если сравнивать выборки российских учителей и студентов между собой, можно наблюдать две тенденции в изменении мотивации:

А) снижение у молодого поколения таких типов мотивации, как Консерватизм, Равноправие, Гармония;

Б) рост таких типов мотивации, как Мастерство, Иерархия, Интеллектуальная и Аффективная автономии.

Согласно мнениям западных ученых, ценности Равноправия и Автономии важны для поддержания демократии, поскольку являются ценностной и моральной базой социальной ответственности. По данным Шварца, в Восточной Европе эти ценности развиты слабо. Наши исследования показали, что ценности Равноправия в молодом поколении россиян действительно падают, но ценности Автономии (особенно. Интеллектуальной) растут и даже превышают средние данные по Западной Европе.

Ценностной базой свободного предпринимательства являются ценности Мастерства и Автономии, и согласно данным нашего исследования

стр. 81

средние данные по этим блокам ценностей (или типам мотивации, по Шварцу) у российских студентов выше, чем у их сверстников в странах Восточной и Западной Европы (по ценностям Мастерства даже наши учителя догнали средние показатели стран Западной Европы).

Более сложная картина с ценностями Равноправия. Сравнительно низкая ценность Равноправия (особенно у студентов), полученная в нашем исследовании, согласуется с данными исследования отношения российских старшеклассников из семей с разным уровнем дохода к национальной политике [12]. Было выявлено, что для школьников из высокообеспеченного слоя оказывался ценностно значимым сам принцип социальной иерархии (т.е. неравенства), для них характерна поддержка уже сложившейся социальной иерархии (лояльность к центральной власти). В сфере национальной политики, например, для школьников из высокообеспеченного слоя все менее значимым становится принцип "равноправия всех наций и народностей" и все более значимым выступает принцип "примата интересов национального большинства".

Школьники из семей с низким уровнем доходов в этом исследовании были склонны отрицать сам принцип иерархии и были более критичны к центральной власти, но при этом они в большей мере поддерживали силовой способ решения национальных конфликтов, считали, что существующая национальная политика ведет к ущемлению интересов коренного населения, требуя введения жестких ограничений на въезд иммигрантов из стран СНГ. Автор исследования сделал вывод, что у школьников из малообеспеченного слоя формируется достаточно сложная и конфликтная структура сознания: за внешней декларацией идеологии равенства стоит целый комплекс защитных реакций, предполагающий демонстрацию силы и закрытость, что также является признаком значимости ценности и неравенства.

В нашем исследовании ценность Иерархии у студентов в сравнении с учителями возрастает, а ценность Равноправия резко падает при сохранении значимых отличий не только от Западной, но и Восточной Европы. В сочетании с заметным ростом ценностей Мастерства и Интеллектуальной автономии это свидетельствует о том, что молодое поколение россиян готово "зарабатывать деньги своим собственным умом" и готово к социальному неравенству в доходах, т.е. стремится к индивидуальному

богатству. Следовательно, России в ближайшее время предстоит пройти искушение богатством и неравенством. Готовы ли мы к этому, есть ли аналогии в прошлом и как вообще русская традиционная культура решает проблему личного богатства?

Об этом хорошо написано в статье М.М. Громыко "Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX века в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики": "Трудно богатому войти в Царство Небесное - эти слова из Евангелия (Мф., 19, 23) знал каждый русский человек. Трудно - но возможно. От человека, оказавшегося по своей ли воле или в силу обстоятельств богатым, требовались особые усилия на пути благочестия... Богатство, сочетаемое с щедрыми пожертвованиями в храмы и монастыри, с личным молитвенным подвигом, вызывало неизменную положительную оценку в глазах основной массы русских людей. Большое значение придавали при этом источникам богатства - какими способами оно было изначально накоплено. Человек, обнищавший из-за своей лени, не вызывал сочувствия; предпочтение отдавали тому, кто разбогател в результате своего трудолюбия. "Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных - обогащает", "собирающий во время лета - сын разумный, спящий же во время жатвы - сын беспутный" - притчи Соломона были едва ли не самой популярной книгой Ветхого Завета в народе".

Но при этом (и это очень важно помнить и понимать) русские крестьяне никогда "не забывали, что доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство - от Господа". Правильная установка была такая: "человек не должен сам стремиться к богатству, не должен заботиться о приобретении его: он трудолюбиво и разумно выполняет свое дело, а Господь, если должно, пошлет ему богатство, и тогда-то нужно, не надмеваясь (не гордясь) ни в коем случае явившимся богатством, употреблять его на добрые дела..." Эти люди стремились в своей жизни познать и исполнить волю Божию о себе (не это ли называется в современной психологии высшей потребностью в самоактуализации? - Н.Л.). Они услышали и исполнили в своей жизни принцип "Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам". "И прилагалось. Приходило ли богатство, уходило ли - не это было для них главным. "Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе". Народ в массе своей хорошо различал богатых, живущих по-Божьи, и эгоистичное богатство, ставшее самоцелью, относясь к первым благожелательно, а ко вторым - с неприязнью и даже враждебно. Важно не то, богат ты или беден, а благочестив ли. Нечестивец может быть и бедным" [4].

Как показывают исследования кросс-культурной психологии, во всех культурах большая ценность и ожидание богатства негативно коррелируют с успехом и благосостоянием, если деньги -

стр. 82

основной мотив поведения личности. Оказалось также, что поведенческие отклонения и преступления выше среди материалистов [9]. Д. Маккле-ланд отмечает следующий интересный факт: для бизнесменов, отличающихся выраженной потребностью в достижении цели, деньги сами по себе редко означают большую ценность. Гораздо чаще они важны как показатель успеха [7]. Это -объективный закон. В нашей культуре он приписан чуть ли не в хромосомах.

Как наши респонденты относятся к богатству? Согласно нашим данным, ценность благосостояния (деньги, материальное благополучие) характеризуется средними значениями (4.65 - у студентов и 4.56 - у учителей), т.е. в диапазоне "важна".

Интересно посмотреть, какие факторы лежат в основе предпочтения тех или иных ценностей нашими респондентами. Мы провели факторный анализ полученных данных по двум группам отдельно (методом главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу var-max в программе STATISTIKA).

В группах студентов и учителей выделилось по 5 основных факторов, описывающих соответственно 56 и 63% дисперсии. Есть смысл описывать выделенные факторы параллельно для демонстрации групповых сходств и отличий, причем здесь мы ограничимся описанием только первых двух факторов. В фактор 1 у студентов (вес - 8.13) вошли такие переменные: вежливость (0.64), уважение традиций (0.61), обязательность (0.61), социальный порядок (0.60), уважение родителей, старших (0.60), социальная справедливость (0.58), полезность (0.54).

В фактор 1 у учителей (вес - 11.13) вошли следующие переменные: духовная жизнь (0.66), любознательность (0.63), творчество (0.59), единство с природой (0.59), мир прекрасного (0.55), умение прощать (0.54), благочестие (0.52). Как нам кажется, в том и другом случае первый фактор - это Культура, только в случае со студентами - ее нормативное лицо, предписывающее, что и как надо делать, а в случае с учителями - ее суть (требования культуры, пропущенные через сердце и принятые личностью как свое, родное и осмысленное). Таким образом, несмотря на то, что в этот фактор вошли ценности, принадлежащие к наименее предпочитаемым, именно они сформировали главный фактор, лежащий в основе ценностно-мотивационных предпочтений. И фактор этот - Культура (в значении нормативность у студентов и в значении универсализм у учителей).

Здесь уместно вспомнить, что по блоку гармония или Универсализм (духовная жизнь, творчество, мудрость, зрелая любовь, единство с природой, любовь к прекрасному) страны Восточной

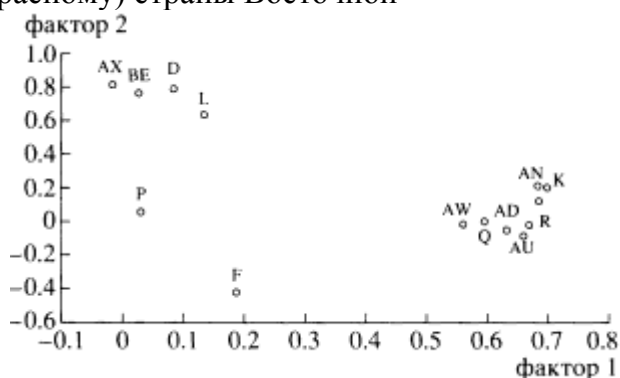

Рис. 1. Расположение избранных ценностей в пространстве факторов 1 (культура) и 2 (удовольствие) у студентов.

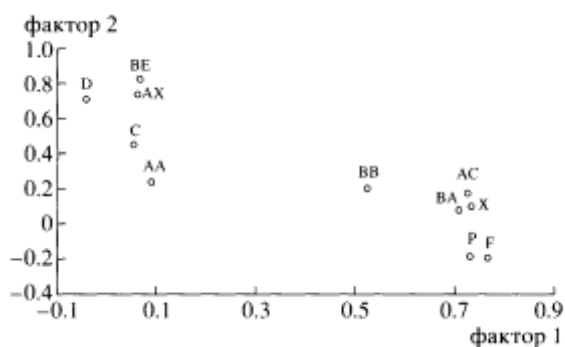

Рис. 2. Расположение избранных ценностей в пространстве факторов 1 (культура) и 2 (удовольствие) у учителей.

Европы (и наши учителя) не уступают странам Западной Европы. Об этом хорошо написал В. Шубарт, прибалтийский немец, который в своей книге "Европа и душа Востока" противопоставил друг другу два типа человека: прометеевский, героический человек и иоанновский, мессианский человек (т.е. следующий идеалу, данному в Евангелии от Иоанна). Человек прометеевского типа видит в мире хаос, который он должен оформить своей организующей силой; он полон жажды власти; он удаляется все дальше и дальше от Бога и все глубже уходит в мир вещей. Таковы "романские и германские народы современности". Иоанновский, мессианский человек чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе. Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроение примирения и любви. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире же - не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю,

стр. 83

которую нужно осветить и освятить. Им движет чувство некоей космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе, и которое хочет восстановить в раздробленном окружающем. В иоанновскую эпоху центр тяжести перейдет в руки тех, кто стремится "к сверхземному в качестве постоянной черты национального характера, а таковыми являются славяне, в особенности русские. Огромное событие, которое сейчас подготавливается, - есть восхождение славянства, как ведущей культурной силы" [10, с. 9-Ю].

Рассмотрим второй фактор. Во второй фактор у студентов (вес - 5.09) вошли такие переменные: наслаждение жизнью (0.70), удовольствие (0.69), благосостояние (0.61), потакание себе (0.59), духовная жизнь (-0.47). У учителей второй фактор (вес - 4.31) составили переменные: удовольствие (0.74), наслаждение жизнью (0.71), власть (0.66), авторитетность (0.4), потакание себе (0.57). Этот фактор можно назвать фактором Эгоцентризма. Показательно, что для студентов в этот фактор входит ценность благосостояния и с отрицательным весом - духовная жизнь, а для учителей - власть и авторитетность. Обычно первый и второй факторы ортогональны друг другу. На рис. 1 и 2 представлен график 1-го и 2-го факторов групп студентов и учителей.

Таким образом, можно сделать вывод, что два первых и самых мощных фактора, определяющих семантическое пространство ценностно-мотивационной структуры обеих групп респондентов, - это Культура и Эгоцентризм. Отличия заключаются в том, что культура для студентов - это скорее внешнее и нормативное понятие. На нормативный и репрессивный характер русской культуры указывает и Касьянова [6]. Для учителей культура - это скорее интериоризованное и обогащенное личностным смыслом понятие, близкое к понятию Универсализм у Шварца.

Интересно, что у Шварца Универсализму противостоит Мастерство, а в нашем исследовании - Эгоцентризм (у студентов сюда входит благосостояние, а у учителей - власть и авторитетность). Вхождение указанных ценностей в блок, противостоящий культуре (и оцениваемый в целом негативно) говорит о том, что в семантическом поле русской культуры ценности власти и благосостояния слиты с такими негативно оцениваемыми ценностями, как удовольствие, наслаждение жизнью и потакание себе.

В целом же структура ценностей русских укладывается в классическую схему Шварца, где одна из осей имеет два полюса: Акцент на других - Акцент на себе [31].

3. ВЫВОДЫ

I. Сравнение результатов исследований ценностей разными авторами в разных культурах и особенностей их интерпретации показывает, что для понимания культурных различий в ценностях возможны два пути:

а) разработка культурно-релевантного метода изучения ценностей, как это сделал М. Бонд для определения таких ценностей, которые наиболее полно вскрывают специфику данной культуры. (Бонд разработал инструмент, изначально базирующийся больше на культуре Востока, чем на культуре Запада. Попросив китайских ученых определить ценности, особенно важные в китайской культуре, он разработал вопросник китайских ценностей (CVS), который позволил ему выделить уникальный фактор - "Конфуцианское трудолюбие", который коррелировал с показателями экономического роста в странах Тихоокеанского региона, предсказав их экономический рывок в конце 80-х гг.) [15].

б) привлечение данных об истории, этногенезе, религии, политических и социальных системах исследуемой культуры при использовании универсальных методов для более полной интерпретации полученных различий.

II. Оценивая степень валидности методов и подходов к изучению ценностей в кросс-культурной перспективе, следует сделать предварительный вывод: чрезвычайно трудно добиться сходства ценностей в опросниках, переводимых на другие языки, поскольку при переводе всплывают значительные семантические различия в содержании ценностей и возникают сомнения в универсальности современных методов изучения ценностей и их пригодности для разных культур. Далее, в основе любого метода измерения ценностей, особенно на индивидуальном уровне, лежит та или иная концепция личности, которая в большинстве случаев несет на себе ярко выраженный "прозападный" уклон. Это в полной мере относится и к интерпретации полученных блоков ценностей, лежащих в основе типов мотивации, и даже -названия для осей измерения ценностей (основных факторов), которые западные исследователи считают универсальными для всех культур, но у нас это вызывает сомнения.

III. Осознавая важность исследования ценностей в современной России для понимания как историко-культурных основ этих ценностей, так и векторов их изменения в последнее десятилетие, считаем возможным предложить следующие направления адаптации и валидизации методов исследования ценностей в России:

а) унификация названий и содержания ценностей опросника Шварца для применения его на территории России, поскольку в настоящий

стр. 84

момент каждый исследователь переводит его самостоятельно, и различия в названиях ценностей затрудняют сравнение полученных данных;

б) для дополнения к данному опроснику рекомендуется провести работу по сбору ценностей, релевантных русской культуре и отсутствующих в опроснике Шварца, с тем, чтобы включить их в опросник и посмотреть, изменится ли от этого структура базовых культурных ценностей;

в) для осмысления полученных культурных различий в ценностях россиян и представителей других культур необходимо привлекать данные из истории, этнографии, религиоведения, политологии и социологии с тем, чтобы содержание базовых ценностей и их трансформация в период радикальных общественных изменений получили глубокую и адекватную интерпретацию, которую по-настоящему может дать лишь исследователь, принадлежащий к данной культуре.

IV. По мнению зарубежных авторов, трудно ожидать, что большие изменения, сопровождающие социоэкономическое развитие, вызовут изменения в структуре ценностей. Однако, по-нашему мнению, в культурах, переживающих такие перемены, возможны значительные изменения в значимости отдельных ценностей в те или иные исторические периоды.

В нашем исследовании анализ наиболее предпочитаемых ценностей позволил выделить блок повторяющихся, неизменных ценностей, которые можно отнести к базовым ценностям русской культуры, транслирующимся из поколения в поколение (ценности Консерватизма и Гармонии, по Шварцу). Факторный анализ показал, что два первых и самых мощных фактора, определяющих семантическое пространство ценностно-мотивационной структуры обеих групп респондентов - это Культура и Эгоцентризм. Отличия заключаются в том, что культура для студентов - это скорее внешнее и нормативное понятие, а для учителей - понятие интериоризованное и обогащенное личностным смыслом. Интересно, что у Шварца универсализму противостоит Мастерство, а в нашем исследовании - Эгоцентризм (у студентов сюда входит благосостояние, а у учителей - власть и авторитетность). Вхождение указанных ценностей в блок, противостоящий культуре (и оцениваемый в целом негативно) говорит о том, что в семантическом поле русской культуры ценности власти и благосостояния слиты с такими негативно оцениваемыми ценностями, как удовольствие, наслаждение жизнью и потакание себе. В целом же главная ось измерения ценностей русских укладывается в классическую схему Шварца, где одна из осей имеет два полюса: Акцент на дру-гих-Акцент на себе. Наряду с этим можно наблюдать две тенденции в изменении мотивации:

А) снижение у молодого поколения таких типов мотивации, как Консерватизм, Равноправие, Гармония;

Б) рост таких типов мотивации, как Мастерство, Иерархия, Интеллектуальная и Аффективная автономии.

Это означает, что для молодых поколений россиян значимыми мотивами поведения являются стремление к достижению личного успеха, выбор собственных целей, независимость, благосостояние и установка на социальное неравенство. Это то, с чем России предстоит жить ближайшие десятилетия. Это объективный процесс психологической адаптации к жесткому миру конкуренции, в который мы все вместе уже вступили. Нас ждут на этом пути и культурные потери и приобретения. В целом это напоминает процесс ак-культурации этнических меньшинств в доминирующем обществе, когда этим группам дается совет расстаться с теми культурными чертами, которые ценны, но неадаптивны. Какие черты русской культуры при адаптации к нормам и меркам западного мира потеряем мы - можно только догадываться.

Главное - помнить и держать в уме дальние, высокие цели, а не сиюминутные. В типологической модели личности отечественного психолога Б. С. Братуся приводятся описательные характеристики типа "перестроечной личности", которому, по мнению автора, свойственно переходное потребностно-мотивационное состояние: есть желание, но нет предмета, ему отвечающего. (То есть все чего-то страстно хотят, но не могут сформулировать, чего же). Очень важно, считает автор, не ошибиться в выборе этого "предмета", определяя ход развития России, и советует, по примеру Толстого, "братъ выше", ибо жизнь "снесет": "... для достижения реального и возможного необходимо стремиться к идеальному и невозможному...". Пример он приводит следующий: французская революция провозгласила свободу, равенство и братство, а в результате получили растиньяков. Что же в итоге получим мы, - спрашивает автор, если сознательно и прямым ходом правим к растиньякам? [3].

И еще об одном хочется сказать: в мировом масштабе пересиливает психология охотника (первичная основа индивидуализма) над психологией земледельца (основа коллективизма). Это неизбежно отзовется кризисом хищнического отношения к Земле, что мы уже и наблюдаем. Поэтому в ближайшее время именно коллективистская культура и психология должны сказать свое веское слово, и человечество, чтобы не

погибнуть, должно сменить психологию растраты на психологию сбережения. И в кросс-культурной психологии уже есть доказательства того, что
стр. 85

экономическое развитие совместимо с коллективистской психологией [20].

Завершая данную работу, следует отметить, что изучение системы ценностей и ее трансформации в современной России является едва ли не самой важной проблемой отечественной этнической и кросс-культурной психологии, поскольку именно в этом направлении исследований можно попытаться найти связь между прошлым и будущим русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М: Аспект Пресс, 1998. С. 363.
2. Бобнева М.И., Дорофеев Е.Д. Изменение ценностных систем личности в период преобразования общества // Ценностное сознание личности в период преобразования общества / Ред. Е.Д. Дорофеев, Л.А. Седова. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 32-46.
3. Брату съ Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М., 1994.
4. Громыко ММ. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX века в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. N 2.
5. Знаков В.В. Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции // Этническая психология и общество / Ред. Н.М. Лебедева. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. С. 119-126.
6. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Изд-во Института национальной модели экономики, 1994.
7. Кричевский РЛ. Если Вы - руководитель. М.: "Дело", 1998.
8. Лебедева Н.М., Павелко Е.В. Исследование преемственности культуры у русских на современном этапе развития // Ежегодник Российского Психологического Общества. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998. Т. 4. Вып. 1. С. 99-100.
9. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Изд-во Ключ-С. 1999.
10. Лосский Н.О. Характер русского народа. "Посев", 1957.
11. ПочебутЛ.Г. Психология и ценностные ориентации русского народа // Этническая психология и общество / Ред. Н.М. Лебедева. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. С. 115-119.
12. Собкин В.С. Национальная политика глазами старшеклассника. Этнос. Идентичность. Образование. М., 1998.
13. Солженицын А. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998.
14. Хащенко В.А. Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях разных форм собственности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Ред. Журавлев А.Л., Шорохова Е.В. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. С. 107-122.
15. Bond M.H. Finding universal dimensions of individual variation in multi-cultural studies of values: The Rokeach and Chinese value surveys // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. V. 55. P. 1009-1115.
16. Bond M. Chinese values / Ed. M.H. Bond. Handbook of Chinese Psychology. Hong Kong: Oxford Univesity Press, 1996.
17. Diamond L., Linz. J., Upset S.M. (Eds.) Politics in developing countries, comparing experiences with democracy. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1990.

18. Hofstede G. Cultures consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills: Sage, 1980.
19. Hofstede G., Bond M.H. The Confucius connection: from cultural roots to economic growth // *Organizational Dynamics*, 1988. V. 16. P. 4-21.
20. Kagitcibasi G. Whatever happened to Modernization? // *Bulletin of Cross- Cultural Psychology*. 1998. V. 32. N4. P.8-11.
21. Kluckhohn C., Strodtbeck F .L. Variations in value orientations. Evanston, IL: Row Peterson, 1961.
22. Rokeach M. The nature of human values. N.Y., 1973.
23. Schwartz S.H. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / Ed. M.P. Zanna. *Advances in experimental social psychology*. Orlando, FL: Academic. 1992. V. 25. P. 1-65.
24. Schwartz S.H. Comparing value priorities across nations. Invited address at 24 Congress of the Interameri-can Society of Psychology. Santiago, Chile. 1993. July.
25. Schwartz S.H. Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values / Eds U. Kim, H.C. Trian-dis, G. Yoon. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Thousand Oaks, CA: Sage. 1994. P. 85-119.
26. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // *J. of Social Issues*. 1994. V. 50. P. 19-45.
27. Shwartz S.H., Bardi A. Influences of Adaptation to Communist Rule on Value Priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. V. 18. P. 385-410.
28. Schwartz S.H., Bilsky W. Towards a psychological structure of human values // *J. of Personality and Social Psy-cholohy*. 1987. V. 53. P. 550-562.
29. Schwartz S.H., Bilsky W. Toward a theory of the universal structure and content of values: Extentions and cross-cultural replications // *J. of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 58. P. 878-891.
30. Schwartz S.H., Ros At. Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the individualism - collectivism cultural dimension//*World Psychology*. 1995. V. 1. P.91-122.
31. Smith P.B., Shchwartz S. Values // Eds Berry et al. *Handbook of Cross- Cultural Psychology*. 2nd ed. Boston: Al-lyn and Bacon. 1997. V. 3. P. 77-119.
32. Triandis H.C., McCusker C., Betancourt H., Iwao S., Le-ung K. et al. An emic-etic analysis of individualism and collectivism // *J. of Cross-Cultural Psychology*. 1993. V. 24. P.366-383.
33. Triandis H.C. *Culture and Social Behavior*. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1994.
34. Williams R.M. Values // Ed. E. Sills. *International encyclopedia of the social sciences*. N.Y.: MacMillan, 1968. P.283-287.
стр. 86

Гриценко В.В. Влияние культурных различий на адаптацию русских переселенцев из стран ближнего зарубежья в России⁶

Автор: В.В. Гриценко. Канд. истор. наук, доцент кафедры психологии филиала Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, Балашов

⁶ Гриценко В.В. Влияние культурных различий на адаптацию русских переселенцев из стран ближнего зарубежья в России /В.В. Гриценко // *Психологический журнал*, 2000. №1. С. 78-86.

Представлены основные результаты исследования адаптации русских вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в Волгоградской и Саратовской областях. Показаны социокультурные различия между русскими в России и локальными группами русского населения, длительное время проживавшими за пределами основной этнической территории. Прослежено влияние культурных различий, обусловленных определенной аккультурацией русских, на процесс адаптации иммигрантов в новых жизненных условиях, на их интеграцию с русскими в России.

Ключевые слова: социокультурная дистанция, культурные заимствования, аккультурация.

Массовая вынужденная миграция из стран СНГ в Россию предполагает решение важной проблемы адаптации иммигрантов к новым социокультурным условиям. Как свидетельствуют статистические данные, в миграционном потоке, направляющемся в Россию из стран ближнего зарубежья, наибольшую долю составляют представители славянских национальностей, преимущественно русские (от 70 до 90% в разных районах) [9, с. 25]. Данное обстоятельство, на первый взгляд, является благоприятным фактором для "вживаемости" их в среду русского населения, этнически однородного на большинстве территорий Российской Федерации. Однако специфика миграционных процессов из постсоветских государств состоит в том, что среди мигрантов преобладают люди, жившие на прежнем месте длительное время, часто с рождения или детства. Кроме того, мигрирующее русскоязычное население является неоднородным по районам "выхода", а поэтому в большей или меньшей степени оно может выступать в качестве носителя культур, традиций, обычаев народов тех регионов, откуда они эмигрируют. Следовательно, за принадлежностью к русской национальности может скрываться несоответствие между ожиданиями и реальными проявлениями этнических, культурных, а иногда и религиозных черт в поведении, что, в свою очередь, может выразиться в нежелательных социальных действиях, особенно в местах массового вселения мигрантов.

То есть, несмотря на принадлежность к общему материнскому этносу - русскому, между русскими - а это и вынужденные мигранты из постсоветских государств, и коренные жители принимающей территории - все же существует определенная социокультурная дистанция. Под социокультурной дистанцией понимается субъективный феномен "отдаления" от других из-за истинного или мнимого различия в образе жизни, системе ценностей и установок, взглядов и оценок и т.п. Эти социокультурные различия обусловлены прежде всего определенной аккультурацией русских переселенцев к культуре тех народов, в среде которых они длительное время проживали до переезда в Россию.

Возможность более глубокого понимания социокультурных ориентации, степени изменений ценностных структур сознания русских переселенцев, обусловленных их аккультурацией, на мой взгляд, предоставляет теория и практика психологического измерения культур. В кросскультурной психологии и психологической антропологии известны психологические измерения культур по такому признаку, как индивидуализм-коллективизм и отнесение стран к культурам коллективистского или индивидуалистского типа [18]. В работе Б.З. Докторова показано социокультурное своеобразие России в европейском социокультурном пространстве и ее расположение в диапазоне индивидуализм-коллективизм ближе к полюсу коллективизма, а в диапазоне шкалы "Открытость переменам-сопротивление переменам" ближе к полюсу открытости [5]. Признак индивидуализм-коллективизм настолько всеобъемлющ и универсален, что культуры,

отнесенные к одному и тому же типу, например коллективистскому, могут отличаться друг от друга по ряду параметров. Не только страна, культура, но и любая этническая группа или отдельные ее представители могут найти свое место в этом континууме от полюса индивидуализма до полюса коллективизма. В нашей стране широкомасштабные психологические измерения культурного своеобразия народов только начинают осуществляться. В этом направлении особенно выделяются исследования сектора социально-психологических проблем Института этнологии и антропологии АН РАН под руководством Л.М. Дробижевой. Получены интересные данные об особенностях различий коллективистских культур русского и титульных народов ряда республик Российской Федерации, о влиянии этих особенностей на межэтнические отношения в республиках, на формирование новых идентичностей народов России [6].

Цель нашего исследования - выявление социокультурных различий между группами местного и мигрирующего населения и их влияния на процесс адаптации вынужденных переселенцев в России. Основные задачи заключались в изучении 1) культурных заимствований вынужденных мигрантов от тех народов, в среде которых они проживали до переезда на историческую Родину; 2) степени близости ценностных структур сознания мигрантов и населения принимающих территорий России. Изучение социально-культурного своеобразия двух групп русского этноса поможет выявить диапазон адаптивности возвращающихся соотечественников к новым жизненным условиям и их интеграции с русскими в России.

МЕТОДИКА

Основным источником для написания данной статьи послужили результаты социально-психологического исследования вынужденных мигрантов, осуществленного автором осенью-зимой 1997-1998 гг. в Волгоградской и Саратовской областях, отличающихся среди административных единиц РФ довольно высокими показателями по плотности размещения и абсолютной численности вынужденных переселенцев. Объектом исследования выступили 120 русских переселенцев из стран ближнего зарубежья, в большинстве своем из Казахстана, государств Средней Азии и Закавказья, соответствующих по образовательному и возрастному уровням, по социально-профессиональному статусу генеральной совокупности всех прибывших вынужденных переселенцев на территорию исследуемых областей, а также 120 местных жителей русской национальности, уроженцев этих областей, составивших контрольную группу нашего исследования. Контрольная группа наряду с национальной принадлежностью была также выравнена с экспериментальной по основным социально-демографическим показателям: полу, возрасту, образованию, социально-профессиональному статусу, типу поселения. Исследование проводилось в Волгоградской области в городах Волгограде, Волжском, Михайловке, Камышине, поселке Краснооктябрьский, селе Верхнепогромное; в Саратовской - в городах Саратове, Энгельсе, Балашове, селах Клецевка и Букатовка.

Сбор информации осуществлялся посредством полустандартизованного интервью, вопросы которого были направлены на выяснение наличия и степени выраженности культурных заимствований у русских переселенцев от тех народов, в среде которых они проживали до возвращения на этническую родину, их установок на интеграцию с русскими в России и др. Достоверность данных интервью определялась с помощью критерия согласия Пирсона (χ^2).

Степень близости ценностных структур сознания мигрантов и населения принимающих территорий изучалась также с помощью методического инструментария "Культурно-ценностный дифференциал" (КЦД), разработанного Г.У. Солдатовой, И.М. Кузнецовым и С.В. Рыжовой [11]. В пределах психологической универсалии индивидуализм-коллективизм данная методика направлена на измерение групповых ценностных ориентации в четырех сферах жизненной активности. Это ориентации: на группу, на изменения, друг на друга и на власть.

Шкала "Ориентация на группу-на себя" рассматривается на основе таких параметров, как внутригрупповая поддержка (взаимовыручка-разобщенность), подчиненность группе (подчинение-самостоятельность) и традиционность (верность традициям-разрушение традиций). Ориентация на изменения изучается в диапазоне открытость-закрытость переменам по параметрам: открытости-закрытости культуры (открытость-замкнутость), ориентации на перспективу (устремленность в будущее-в прошлое), степени риска (склонность к риску-осторожность). Ориентация друг на друга анализируется в диапазоне направленность на взаимодействие-отвержение взаимодействия по параметрам: толерантности-интолерантности (миролюбие-агрессивность), эмоциональности (сердечность-холодность) и мотивации достижения (уступчивость-соперничество). Ориентация на власть исследуется в диапазоне сильный-слабый социальный контроль по параметрам: подчинения запретительным и регулирующим стандартам общества (дисциплинированность-своеволие, законопослушность-анархия) и значимость авторитета (уважение власти-недоверие к власти).

Методика состоит из 24 качеств, которые испытуемые оценивали по 4-балльной шкале в соответствии с вопросами: "Насколько характерны следующие качества для вынужденных переселенцев?", "Насколько характерны следующие качества для коренных жителей Саратовской (или Волгоградской) области?".

Степень выраженности качества определяется через коэффициент выраженности, принимающий значение от 0 до 100. Выраженность качества, получаемая на основе опроса мнения в четырех категориях, приводится к коэффициенту по следующей формуле:

$$K = 1/6[300 - 3k_1 - k_2 + k_3 + 3k_4],$$

где k_1 - качество не выражено, k_2 - качество выражено слабо, k_3 - качество выражено средне, k_4 - качество выражено в полной мере(1).

В статье используются некоторые результаты, полученные с помощью Опросника уровня субъективного контроля [1] и широко известного в психологической практике Шестнадцатифакторного личностного опросника Кеттела [16].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Проживание в отрыве от основной этнической территории не могло не отразиться на образе жизни локальных групп русского этноса. Русскими перенимались образцы типичного для коренных

1 Более подробное описание методики "Культурно-ценностный дифференциал", а также процедуру математической обработки см. в работе Г.У. Солдатовой "Психология межэтнической напряженности". М., 1998. С. 195- 197.

народов поведения, усваивались их нормы, правила. Когда принималось решение о переезде в Россию, исследуемые нами мигранты подозревали о наличии определенной социокультурной дистанции между собой и русскими в России, но, пожалуй, только тогда, когда осуществили этот переезд, они осознали, как велика эта

дистанция. И теперь, проживая на территории Волгоградской или Саратовской области и сравнивая себя с коренными жителями этих областей, переселенцы ощущают влияние "чужой" культуры на своем поведении, быте и системе жизнеобеспечения. 110 опрошенных нами мигрантов (91.7%) указали на наличие у себя различий по сравнению с местным населением в манере поведения, отношениях в семье, к работе, в пищевом рационе, являющихся следствием межэтнического общения с представителями титульных народов тех стран центральноазиатского или закавказского региона, откуда они приехали. По их мнению, русские, не одно поколение прожившие в тесном соседстве с казахами, узбеками, азербайджанцами или другими среднеазиатскими или закавказскими народами, заимствовали от них в большей степени элементы поведенческой культуры, а именно: восточное гостеприимство, вежливость, учтивость, уважение к старшим, трудолюбие, терпимость к чужим обычаям и обрядам, отсутствие тяги к спиртному и сквернословью. Аналогичные результаты были получены другими учеными при исследовании вынужденных переселенцев в других областях России [8, 13, 14].

Отличительные особенности русских мигрантов из Средней Азии или Закавказья оказываются замеченными также представителями местного русского населения. Так, каждый пятый коренной житель Волгоградской области и каждый шестой - Саратовской, принимавшие участие в нашем исследовании и утвердительно ответившие на вопрос об имеющихся различиях между русскими "здесь" и русскими-приезжими, подчеркнули, что переселенцам более близка культура того народа, среди которого они жили до переезда в Россию; имеющиеся у них особенности носят национальный отпечаток тех республик, откуда они приехали, и проявляются во всем: в манере их поведения, характере, речи, даже физическом облике [4]. При этом среди сельского постоянного населения число лиц, указавших на имеющиеся различия между приезжими и местными жителями (15 чел.), почти вдвое больше, чем среди горожан (8 чел.).

На вопрос "Хотели бы вы сохранить эти заимствования?" 88 опрошенных нами мигрантов (73.3%) ответили утвердительно, 15 чел. (12.5%) затруднились сказать что-либо по этому поводу, остальные 17 чел. (14.2%) ответили отрицательно. Если учесть, что в эту группу ответов попали и те 10 респондентов (8.3%), которые посчитали, что они ничего не заимствовали от культуры живших по соседству народов, то процент резко негативного отношения к культурным заимствованиям становится еще меньше. То есть у большинства наших мигрантов существует в целом положительное отношение к культуре тех народов, в среде которых они проживали; больше 3/4 переселенцев имеют устойчивую установку на сохранение культурных заимствований. Эти данные мы попытались сравнить с тем, каковы установки или аккультурационные стратегии [15] у мигрантов во взаимодействии с русскими в России, предложив им ответить на следующий вопрос: "Стремитесь ли Вы к укреплению и расширению взаимоотношений с местным населением?". Большинство интервьюируемых (71 чел., или 59.2%) из тех, кто положительно ответил на предыдущий вопрос, показали наличие установки на развитие и укрепление контактов с местным населением, т.е. готовность к интеграции при обязательном условии сохранения заимствований от культуры тех народов, в среде которых они проживали до возвращения на этническую родину. У 17 респондентов (14.2%) четко проявилась установка на изоляцию от местного населения. Сюда попали в основном лица старшего и предпенсионного возраста (40-60 лет) независимо от пола, типа поселения и длительности проживания в России. Данные интервью также свидетельствуют о том, что люди этого возраста очень болезненно переживают утрату всего того, что составляло смысл их жизни: любимую работу, близких друзей, привычный образ жизни. Они часто уходят в

область воспоминаний о прошлой благополучной жизни. Мы считаем, что именно для этих людей в первую очередь нужна квалифицированная помощь психолога. Без такой помощи проблему интеграции многие из них будут решать в течение всей оставшейся жизни, и, наиболее вероятно, что она полностью исчезнет только с уходом из жизни данного поколения людей.

Еще у 32 респондентов (26.6%) обозначилась ассимиляционная стратегия. К ним мы отнесли всех, кто стремится к налаживанию широких взаимоотношений с коренным населением, но при этом отрицательно относится к сохранению культурных заимствований от центральноазиатских и закавказских народов (7 чел., или 5.8%), затрудняется ответить о важности и необходимости для себя сохранить эти заимствования (15 чел., или 12.5%) и, наконец, категорически отвергает у себя их наличие (10 чел., или 8.3%). В эту категорию вошли преимущественно лица молодых возрастов (18-30 лет).

И все же, несмотря на довольно высокий процент лиц, указавших на наличие у себя культурных заимствований от тех народов, в среде которых они жили до переезда в Россию, отметим, что аккультурация русских к культуре центрально-азиатских

стр. 80

и закавказских народов в первую очередь произошла в заметной внешне поведенческой сфере: материально-бытовой культуры (прежде всего, кухне) и соционормативной (некоторые элементы поведения). В то же время внутренней ментальной сферы аккультурация коснулась в меньшей степени: заимствования во внутренне культурных чертах (религии, морали, психологических особенностях) отмечаются очень редко.

Заимствования во внешне культурных чертах обычно оцениваются позитивно в любых межкультурных контактах, так как носят добровольный и осознанный характер (в отличие от заимствований во внутренне культурных чертах) [7], что подтвердилось и в нашем исследовании.

Отсутствие у переселенцев внутренне культурных заимствований от культуры народов тех стран, с которыми они вступали в относительно длительные (на протяжении 1-2 поколений) межкультурные контакты, связано в первую очередь с тем, что русские, за редким исключением, не владеют языками этих народов - основным средством ретрансляции культуры любого народа. Все социально-культурное своеобразие жизни того или иного народа находит свое выражение в языке, особенностях семантики языковых единиц, специфики их употребления. Именно в языке отражены представления о мире носителей языка, специфические черты их образа жизни и мыслей. Незнание языка титульных народов большинством русских не позволяло им освоить традиционные способы их мышления и действий, составляющих своеобразие культуры этих народов, проникнуть в глубинные структуры их психологии, приобщиться к инациональным ценностям.

Наряду с владением инациональным языком многообразному и адекватному действительности представлению о другом народе способствует приобщение и к принадлежащим ему видам духовной культуры. Насколько национальные культуры повлияли на наших респондентов, можно судить и по их ответам на вопросы интервью о наиболее выдающихся деятелях культуры, о литературных, музыкальных и т.п. вкусах.

Опрошенные нами мигранты называли среди выдающихся деятелей прежде всего деятелей собственной русской (или советской) культуры (282 имени, что составило 75.2% от числа всех названных имен деятелей культуры), затем - зарубежной (71 имя, или 18.9%). И только 22 чел., или 5.9%, из всех перечисленных деятелей культуры

составляли представители других национальных культур. Почти все названные инонациональные выдающиеся деятели культуры (17 чел.) относились к группе писателей, 3 чел. - к группе композиторов, и по одному - к группе художников и ученых. Эти данные свидетельствуют о том, что среди разных видов духовной инонациональной

Таблица 1. Музыкальные вкусы вынужденных мигрантов и коренных жителей Волгоградской и Саратовской областей (%)(*)

Предпочитаемая музыка	Мигранты		Коренные жители	
	город	село	город	село
Русская народная	56	77	68	80
Народная титульных национальностей бывших союзных республик	14	17	0	6
Симфоническая, классическая	28	17	18	9
Легкая, эстрадная	60	54	71	57

* Сумма процентов не равна 100, так как этот вопрос не был альтернативным.

культуры наибольшее влияние на наших респондентов имела литература, однако оно было весьма незначительным.

В сфере музыкальной культуры, в которой традиционные вкусы, по данным многолетних исследований этносоциологов Института этнографии АН СССР под руководством Ю.В. Арутюняна, сохраняются довольно хорошо [12], мы получили результаты, приведенные в табл. 1.

Примерно каждый шестой переселенец продемонстрировал интерес к народной музыке титульного народа, в среде которого он проживал до момента переезда в Россию, но одновременно эти люди указывали и на наличие ориентации на свою, русскую, народную музыку. Заметим, что, кроме направленности на народную музыку титульных этносов, ориентации в музыкальной культуре между группами приезжего и местного населения в основном совпадают. У переселенцев, как и у местных жителей, велик интерес к русской народной музыке и профессиональной (эстрадной и симфонической). Причем если у большинства исследуемых представителей как приезжего, так и местного населения в городе профессиональная музыка (в первую очередь легкая, эстрадная) заметно популярнее традиционно-бытового слоя, то на селе русская народная музыка наряду с профессиональной сохраняет более устойчивые позиции как среди постоянного населения исследуемых сел, так и у поселившихся там вынужденных мигрантов: различия между уровнями популярности этих двух музыкальных слоев не очень значительны.

Таким образом, судя по результатам интервью, степень приобщения русских переселенцев к духовной культуре и языку наций, давшим название республикам, невелика. Безусловно, такое явление имело свои объективные и субъективные причины. Среди них можно назвать: интенсивное внедрение русского языка во все сферы общественной жизни бывших союзных республик, широкое распространение его у титульных

стр. 81

Таблица 2. Коэффициенты выраженности отдельных качеств, полученных по методике "Культурно-ценностный дифференциал" (%)(*)

Качество	Коренные о себе	Мигранты о коренных	Коренные о мигрантах	Мигранты о себе
Ориентация на группу-на себя				

Взаимовыручка	46	56	48	75
Разобщенность	46	64	49	44
Подчиненность	48	56	38	53
Самостоятельность	57	51	59	71
Верность традициям	57	77	52	82
Разрушение традиций	28	20	26	16
Ориентация на изменения				
Открытость	53	40	48	60
Замкнутость	38	53	55	47
Устремленность:				
в будущее	57	51	56	53
в прошлое	40	53	48	66
Склонность к риску	51	37	46	55
Осторожность	60	62	68	82
Ориентация друг на друга				
Миролюбие	71	58	63	76
Агрессивность	48	58	47	44
Сердечность	58	49	58	71
Холодность	41	58	43	47
Уступчивость	49	33	48	56
Соперничество	62	69	54	36
Ориентация на власть				
Дисциплинированность	43	47	56	82
Своеволие	53	62	48	29
Законопослушность	55	56	56	75
Анархия	28	33	32	6
Уважение власти	47	35	47	64
Недоверие к власти	68	78	59	67

* Процент показывает степень выраженности качеств в исследуемых группах (или уровень групповой согласованности). Высокостереотипными считаются характеристики, превысившие 70%-ную планку внутригрупповой согласованности.

этносов, а в связи с этим недооценка частью русского населения их языка и культуры. Особенности расселения и занятости русских (они, как правило, жили в крупных, в значительной своей части столичных городах, работали чаще всего на больших промышленных предприятиях или в учреждениях, где представители титульных этносов составляли обычно меньшинство) также никак не стимулировали процесс их приобщения к национальным ценностям и самобытности титульных народов этих республик [10]. Здесь мы лишь констатируем, что у определенной части переселенцев имеется ориентация на духовную культуру другого народа. Но эта направленность, как мы видим, не является преобладающей и ярко выраженной, чтобы можно было говорить о той или иной мере этнокультурной дестабилизации переселенцев, за которой, вероятно, последует нарушение их позитивной этнической идентичности.

Перейдем теперь к анализу различий в ценностных структурах сознания русских переселенцев, обусловленных их аккультурацией, степени их совпадения с местными русскими принимающих территорий и возможностей их влияния на процесс взаимодействия двух групп русского этноса, опираясь на результаты, полученные по методике "Культурно-ценностный дифференциал" (см.табл.2).

Оценивая результаты по шкале "Ориентация на группу-на себя", можно сказать, что мигранты в большей степени ориентированы на группу, нежели местное население, так как в Мы-образах мигрантов высокостереотипным для них оказалось качество верность традициям. Они реже, по сравнению с местными русскими, оценивают свою группу как разобщенную и чаще рассчитывают на поддержку и помощь со стороны таких же переселенцев, как они сами. Правда, здесь встает новый вопрос: что в большей степени определяет уверенность получить эту помощь и внутригрупповую поддержку: культурная общность или, может быть, общность судьбы? Интересно отметить, что мигранты проецируют и на местных жителей большую выраженность качеств верность традициям и взаимовыручка, по сравнению с тем, как эти качества коренные жители обнаруживают у самих себя.

Одновременно с высокой степенью выраженности в группе переселенцев качеств верность традициям (82%) и взаимовыручка (75%) ею обладает и самостоятельность (71%). То есть наряду с высокой ориентацией на группу, ее поддержку мигранты ни в коей мере не являются зависимыми от группы, ее влияния и согласия, а, скорее всего, наоборот, они предпочитают все делать сами: принимают решения, добиваются его исполнения, несут ответственность. В подтверждение сказанного заметим, что, согласно данным нашего исследования, 72 переселенца (60%) - это лица с интернальным локусом контроля. Они полагают, что происходящие с ними значимые события есть результат их собственной деятельности, а не внешних сил - случая, других людей и т.д. Интерналы, в отличие от экстерналов, менее склонны подчиняться давлению других [17]. То есть большей части исследуемых нами мигрантов конформное и уступчивое поведение не присуще.

Этот вывод подкрепляется также другими данными, выявленными с помощью психологической

стр. 82

методики - Личностного опросника Кеттела. По данному тесту 78 чел. (65% из подвергшихся тестированию мигрантов) получили высокие показатели по фактору Q2 самостоятельность-зависимость от группы. Таким образом, люди, имеющие высокие показатели по этому фактору, независимы, самостоятельны, инициативны.

Ориентация на изменения в соответствии с "Культурно-ценностным дифференциалом" изучалась нами в диапазоне открытость-сопротивление переменам. Судя по результатам КЦД, мигранты на уровне восприятия своей группы продемонстрировали несколько большее сопротивление переменам, чем местные жители исследуемых областей, благодаря тому, что в Мы-образах высокоактуальными оказались осторожность (82%) и устремленность в прошлое (66%). Одновременно с этим респонденты-мигранты указали на выраженность у себя таких качеств, как склонность к риску (55%), устремленность в будущее (53%) и открытость (60%). По результатам теста Кеттела 74 чел. (62%) получили высокие или очень высокие показатели по фактору Q1 радикализм-консерватизм. Это означает, что на личностном уровне среди мигрантов ниже доля лиц, признающих себя консервативными и нетерпимыми к новым мнениям и идеям, чем тех, кто считает себя способным по-новому взглянуть на вещи. Нам кажется, что наличие у большинства мигрантов на фоне личностной характеристики, присущей индивидуалистам, таких проявлений

коллективистского типа, как осторожность и устремленность в прошлое, менее всего объясняется их культурной обусловленностью; скорее всего, причина здесь - в изменении социальной ситуации и условиях жизни этих людей. Неопределенность и жизненная неустроенность нынешнего положения, возможно, заставляет многих из них проявлять излишнюю осторожность к каким-либо изменениям и новаторствам. Нестабильность в настоящем и отсутствие перспектив в улучшении своего положения в ближайшем будущем, вероятно, заставляет их искать какую-то опору и ориентиры в прошлой жизни, где они чувствовали себя намного увереннее и комфортнее. Жизнь изрядно потрепала этих людей. В последние годы им многое пришлось перенести и столкнуться с различными трудностями, требующими максимальной самомотивации. Вынужденные мигранты затратили титанические усилия еще в местах выезда на получение российского гражданства, продажу жилья, вывоз имущества, а затем и в России - на получение прописки (или регистрации), на поиск жилья и работы при почти полном отсутствии информации, денежных трудностях, бюрократических препонах и т.д. [3]. Поэтому не исключено, что некоторые из них устали от кардинальных изменений в своей жизни и жизни страны. Скорее всего, они открыты реформам, но не радикальным переменам. В пользу этого свидетельствуют другие данные интервью, подтверждающие ориентацию мигрантов на изменения и возрождение России. Они называли в основном условия "реформаторского комплекса": "развитие рыночной экономики, экономическая самостоятельность", "поддержка частной собственности", "всестороннее развитие свобод, прав человека".

Отметим еще один интересный аргумент, подтверждающий в данном случае ситуационность факторов, определяющих ориентацию на изменения у переселенцев. По этой шкале выявлены значимые различия между переселенцами-жителями областных центров - Волгограда и Саратова - и переселенцами, проживающими в сельской местности и малых городах Волгоградской и Саратовской областей. Мигранты, проживающие в крупных промышленных городах, продемонстрировали почти в два раза ниже степень закрытости и осторожности, чем переселенцы, расселенные в небольших замкнутых консервативных общинах сел и патриархальных малых городах.

Результаты, полученные по шкале "Ориентация друг на друга", говорят о том, что на уровне образов перцепции мигранты (по сравнению с коренными жителями) оказались более настроенными на взаимодействие. Как видно из данных табл. 2, они назвали большую степень выраженности у себя качеств, способствующих лучшему пониманию друг друга и взаимодействию: миролюбия, сердечности и уступчивости и меньшую степень выраженности качеств, препятствующих этому взаимодействию и взаимопониманию: агрессивности, холодности и соперничества. Надо сказать, что обе группы завышают выраженность у себя качеств, направленных на взаимодействие, и занижают их в другой группе и, наоборот, минимизируют у себя выраженность качеств, направленных на отвержение этого взаимодействия, и преувеличивают их у других. Особенно велика разница между представлениями о себе и других о нас для группы коренных жителей, выявленная при оценке степени выраженности таких качеств, как холодность, уступчивость и соперничество, а для группы мигрантов - при оценке соперничества, миролюбия и сердечности. Другими словами, мигранты считают коренных жителей менее уступчивыми, в большей степени склонными к соперничеству и холодными, чем коренные жители думают о себе сами. А коренные жители воспринимают мигрантов менее миролюбивыми и сердечными, но зато наиболее склонными к соперничеству, чем это присутствует в самопредставлениях мигрантов. То есть каждая из исследуемых групп переоценивает свой вклад в налаживание и развитие нормальных отношений с представителями другой группы и

недооценивает вклад в это дело "чужой" группы, а значит, может перекладывать на нее ответственность в случае неудачи и
стр. 83

конфликтов, возникающих при взаимодействии. Очевидно, здесь мы имеем рассогласование в образах на уровне конфликта между притязаниями членов той или другой группы к проявлению определенных качеств у представителей своей и "чужой" группы.

Теперь сравним результаты, полученные по шкале "Ориентация на власть". В структуре ценностных ориентации мигранты показали большую зависимость от социального контроля. Они отметили у себя большую выраженность качеств дисциплинированность (82%) и законопослушность (75%), в то время как коренные жители указали на выраженность у себя этих качеств на уровне 43 и 55%. Коренные жители также отметили у мигрантов большую выраженность этих качеств, особенно дисциплинированность (56%). А вот качество уважение власти и мигранты, и коренные жители приписали как ингруппе, так и аутгруппе в меньшей степени по сравнению с качеством недоверие к власти. Причины недоверия к власти, я думаю, общеизвестны. Снижение производства и рост безработицы, задержки в выплате зарплат и пенсий, "операции" с приватизацией, рост инфляции и постоянное ухудшение жизненного уровня надолго подорвали авторитет власти у тех и у других. Тем не менее у мигрантов меньше неопределенности в восприятии своей группы в структуре властных отношений. В целом, они чаще, чем коренные русские, оценивают членов своей группы как дисциплинированных и уважающих власть, что, возможно, подтверждает их коллективистскую направленность. Но нельзя сбрасывать со счетов и ту непростую социально-психологическую ситуацию, в которой они оказались и которая по-разному складывается на местах. Эту ситуацию часто и местные, и приезжие маркируют так: "В чужой монастырь со своим уставом не ходят". Естественно, что в таких условиях вхождения "в чужой монастырь" проявление у части переселенцев большей уступчивости (по сравнению с местным населением) является, пожалуй, наиболее адекватным и вполне "нормальным" способом поведения.

Эти качества вошли в число высокостереотипных у тех, у кого в душе еще теплится надежда и вера на помощь в решении своих проблем со стороны властных структур, и у тех, кто находится в полукрепостной зависимости от руководителей предприятий в малых городах патриархального типа или руководителей хозяйств в сельской местности. Так, наибольшее число законопослушных и уважающих власть отмечено в среде вынужденных мигрантов, поселяющихся в сельской местности.

В то же время наличие качества дисциплинированность у большинства наших мигрантов мы не стали бы выводить только из их проколлективистской ориентации. Напротив, их стремление к праву, такому порядку, при котором каждый член общества был бы в равной степени защищен законом и ответственностью перед ним, скорее, присуще западной, индивидуалистической ориентации на власть [2]. О том, что последнее утверждение имеет место, говорит наличие у многих исследуемых по тесту Кеттела вынужденных переселенцев качеств, принадлежащих в большей степени индивидуалисту, нежели коллективисту: самостоятельность и независимость, высокий внутренний самоконтроль и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе данных интервью, результатов психологического измерения социокультурного своеобразия и психодиагностического тестирования групп русского приезжего и русского постоянного населения исследуемых областей можно сделать следующие выводы.

У большей части исследуемых нами мигрантов (88 чел., или 73.3%) наблюдаются осознанные установки на сохранение у себя культурных заимствований от "восточных" народов тех стран, в среде которых они длительное время проживали до переезда в Россию. Однако эти культурные заимствования от иноэтничного окружения на прежнем месте жительства в большей степени проявляются в поведенческой бытовой сфере наших переселенцев и гораздо меньше - в психологической, духовной, что свидетельствует о "близости культур" контактирующих групп русских мигрантов и групп местного русского населения.

По многим параметрам у представителей исследуемых групп отмечается близость самопредставлений, что может выступать важнейшей основой для понимания и обоюдного согласия, развития интеграционных тенденций между двумя группами русского этноса.

Так, в представлениях о себе у коренных жителей и приезжих определилось согласие в ориентациях на группу. И местные жители, и переселенцы рассчитывают на внутрigrупповую поддержку и помощь, считают себя приблизительно одинаково внутренне сплоченными.

В то же время ярко выраженное у мигрантов стремление "рассчитывать на себя" в решении своих проблем говорит о том, что эти люди не будут слепо подчиняться групповому поведению и следовать за большинством в конфликтных ситуациях. Этот факт является важной психологической основой для межгруппового баланса, особенно в районах с наибольшей плотностью проживания переселенцев.

Неопределенность и ценностная дезориентация во многих сферах жизненной активности обусловила у вынужденных мигрантов большую

стр. 84

закрытость для перемен. Однако эти данные неоднозначны. Осторожность в отношении к радикальным переменам тесно связана с типом поселения вынужденных мигрантов: по мере укрупнения и индустриализованности населенных пунктов у мигрантов усиливается ориентация на изменения.

Имеются также совпадения ценностных структур приезжего и "аборигенного" населения в ориентациях на взаимодействие. При этом на уровне образов перцепции, опираясь на наши данные, переселенцы более настроены на взаимодействие. Поскольку от самих мигрантов в большей степени будет зависеть успешное развитие межгрупповых отношений, высокий настрой у них на взаимодействие является весьма положительным фактором. Настораживает только один факт: переоценка каждой из исследуемых групп своего вклада в налаживание и развитие нормальных отношений с представителями другой группы и недооценка этого вклада "чужой" группы. Подобное рассогласование в образах чревато возникновением конфликтов и разногласий в процессе взаимодействия.

По измерению "сильный-слабый социальный контроль" мигранты демонстрируют образ дисциплинированного, законопослушного, предсказуемого гражданина, что может быть объяснено по-разному, но в любом случае при взаимодействии с другими людьми имеет положительный эффект.

Таким образом, имеющиеся социокультурные отличия вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья, обусловленные их аккультурацией к культуре тех народов, в среде которых они проживали до переезда на историческую Родину, будут, скорее всего, помогать их адаптации к новым социокультурным условиям жизни в России. Желание мигрантов сохранить культурные заимствования свидетельствует о том, что у них нет цели и потребности "раствориться в местной среде" или ассимилироваться. Наоборот, они стремятся идти по пути интеграции -

налаживания и укрепления широких взаимоотношений с местным населением принимающих территорий и одновременно сохранения и поддержания своих культурных особенностей и своеобразия. Поэтому определенное время вынужденные мигранты стремятся культивировать различия у себя, так как именно эти различия на первых порах будут играть для них важную роль по ослаблению культурного шока и выступать живительным источником для поддержания позитивной групповой идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.: Смысл, 1993.
2. Братусь Б.С. Психологический тип личности в русской и советской культурах // Психология и психоанализ характера. Хрестоматия. Самара, 1997. С. 155-164.
3. Витковская Г.С. За кого голосуют вынужденные переселенцы? // Миграция. 1997. N 3. С. 26-30.
4. Гриценко В.В. Особенности менталитета вынужденных русских мигрантов из стран Средней Азии и Казахстана // Российское сознание: психология, культура, политика. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. С. 272-275.
5. Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социолог, журнал. 1994. N 3. С. 4-19.
6. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: ИЭА РАН, 1996.
7. Лебедева Н.М., Безпятюк К.Н. Миграция на родину (опыт этнопсихологического исследования адаптации крымских татар в Крыму) // Духовная культура и этническое самосознание. М.: ИЭА РАН, 1993. Вып. 2. С. 83-107.
8. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора. М.: ИЭА РАН, 1995.
9. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 1996.
10. Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологического исследования / Отв. ред. С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1994.
11. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
12. Социально-культурный облик советских наций // Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
13. Степанов В.В., Сусоколов А.А. Русские ближнего зарубежья. Проблемы адаптации в российской деревне // Российский этнограф. М.: ИЭА РАН, 1993. N 9.
14. Филиппова Е.И. Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М., 1997. С. 134-150.
15. Berry J.W. Immigration, Acculturation and Adaptation. Ontario, 1996.
16. Cattell R.B., Eber H.W., Tatsuoka M. Handbook for the sixteen personality factor Questionnaire (16 PF). Champaign, Illinois: Institute for Personality and Ability Testing, 1970.
17. Crown P.O., Liverant S. Conformity under varying conditions of personal commitment // Abnormal and Social Psychology. 1963. V. 66. P. 547-555.
18. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in Morle-related values. Beverly Hills, Calif., Sage, 1984.

стр. 85

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России⁷

Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко

**Докт. психол. наук, зав. отделом этносоциологии и этнопсихологии Ин-та этнологии и антропологии РАН, Москва*

*** Аспирант ф-та психологии ГУГН, м.н.с. отдела этносоциологии и этнопсихологии, там же*

Представлены результаты социально-психологических исследований этнической толерантности-интолерантности в четырех поликультурных регионах России: Ростовской области, Поволжье, Республике Башкортостан и Карачаево-Черкесии. На эмпирическом материале 16 этнических групп выявлены и описаны четыре стратегии межгруппового взаимодействия в условиях поликультурности: а) *сохранения своей культуры и принятия "чужих"*; б) *поиска и защиты своей культурной определенности*; в) *разделения по этническому и конфессиональному признакам*; г) *поиска социального включения*. Проводится кросскультурное сопоставление стратегий межгруппового взаимодействия разных этнических и конфессиональных групп в зависимости от особенностей их этнической идентичности и уникальной региональной ситуации межэтнического взаимодействия. Предлагается новый взгляд на процессы межгрупповой интеграции и дифференциации с точки зрения системного подхода.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая толерантность-интолерантность, социально-психологические установки, социально-психологические факторы этнической толерантности, стратегии межкультурного взаимодействия.

ВВЕДЕНИЕ

В 90-е годы XX столетия проблема межкультурных контактов и их последствий, часто трагических, стимулировала особый интерес социальных психологов к изучению психологической природы межэтнического взаимодействия и этнической (этнокультурной) *толерантности и интолерантности*.

В социальной и кросскультурной психологии существует ряд теорий, объясняющих интолерантность в межгрупповом (межэтническом) взаимодействии. Это теория социальной идентичности, теории этноцентризма и мультикультурализма, теория управления тревогой/неопределенностью (Anxiety/Uncertainty Management). Ряд идей и положений для построения наших гипотез мы почерпнули из этих теорий и подходов.

Социальная категоризация и теория социальной идентичности. Согласно А. Тэджфелу [28], когда индивиды включены в межгрупповой контакт, их поведение определяется социальными идентичностями. Теория социальной идентичности основана на мотивации индивидов сохранять или изменять членство в группе, а также отношения своей группы с другими [8]. Основополагающее положение этой теории состоит в том, что индивиды хотят иметь позитивную самоконцепцию, включающую осознание принадлежности к группе с высоким статусом. Тэджфел полагает, что индивиды осуществляют социальную категоризацию, группируя людей важным для них способом и сравнивая свои группы с другими по ценным для них критериям.

⁷ Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России /Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко // Психологический журнал, 2003. №5. С. 31-44.

Одним из следствий процесса категоризации является развитие социальных идентичностей, которые включают в себя осознание индивидом своей принадлежности к группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, приписываемым этой принадлежности. Индивиды формируют позитивную социальную идентичность, когда воспринимают свою группу на вершине значимой для них иерархии ценностей, и негативную - когда их группа "проигрывает" по сравнению с другими по значимым для них критериям [28].

Теория управления тревогой/неопределенностью (Anxiety/Uncertainty Management). Согласно этой теории, эффективное межличностное и межгрупповое взаимодействие подвержено влиянию тревоги и неуверенности, испытываемым при общении с другими людьми. Тревожность побуждает людей предсказывать и объяснять чувства, установки и поведение других [16]; она вызы-

Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект N 02 - 06 - 00261a).

стр. 31

вается неуверенностью и проистекает из ощущения трудностей, напряжения, озабоченности по поводу того, что может случиться, и основана на страхе возможных негативных последствий [27]. Установлено, что тревожность выше при общении с членами аутгрупп, чем при общении с членами ингрупп [21]. Способы сбора информации в целях уменьшения тревоги и неопределенности различаются в коллективистских и индивидуалистических культурах: члены индивидуалистических культур ищут информацию, основанную на личностных характеристиках незнакомых людей, а члены коллективистских культур - на групповых. Акцент на личностных характеристиках побуждает людей из индивидуалистических культур искать личностное сходство с представителями аутгрупп, а сосредоточение на групповых характеристиках приводит представителей коллективистских культур к поиску групповых сходств при контакте с членами аутгрупп, что не всегда гарантирует успех [22].

Роль этнической идентичности. В исследованиях Д. Берри и М. Плизента по этнической толерантности было установлено, что только уверенность в собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или участия в совместной деятельности [13]. Дальнейшие исследования этого вопроса [1, 2] позволили вывести социально-психологический закон связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью: в норме для группового (этнического) сознания характерна тесная внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью; в неблагоприятных социально- исторических условиях данная связь может распасться или становиться обратной. При возникновении этнической интолерантности в действие вступают механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней и толерантности.

Помимо позитивности-негативности этнической идентичности, на наш взгляд, важной характеристикой этнической идентичности является ее определенность (четкость) - неопределенность (нечеткость, амбивалентность). В кросс-культурной психологии рассматривают две основные модели этнической идентичности. В *линейной биполярной модели* развитие идентичности предполагается как движение в направлении одного из двух полюсов: идентификация со своей группой (поддержание позитивной или принятие негативной этнической идентичности) и с доминантной группой (ложная идентичность, которая встречается у маленьких детей, и измененная

в результате свободного выбора идентичность). Однако следует согласиться с Т. Г. Стефаненко [4], что в реальности люди имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя с двумя, а иногда и более, релевантными группами. Учитывая возможность подобной ситуации, Дж. Берри была предложена *модель двух измерений этнической идентичности*. Она включает четыре типа этнической идентичности, при которых связи с двумя группами могут сосуществовать относительно независимо друг от друга [10]:

моноэтническая идентичность, совпадающая с официальной этнической принадлежностью;

моноэтническая идентичность с чужой этнической группой, которая возможна в случаях, когда в полиэтничном обществе чужая группа расценивается как имеющая более высокий экономический, социальный и другие статусы, чем своя;

биэтническая идентичность, подразумевающая сильную, хотя и разного уровня идентификацию с двумя группами;

маргинальная этническая идентичность.

Говоря о "неопределенности" (нечеткости, амбивалентности) этнической идентичности, мы имеем в виду скорее маргинальную, а не биэтническую идентичность. Ее отличие в том, что индивиды с маргинальной идентичностью "балансируют" между двумя культурами, не овладевая нормами и ценностями ни одной из них. Подобные маргиналы, путаясь в идентичностях, часто испытывают внутриличностные конфликты, симптомами которых могут являться тревога, неуверенность, беспомощность, что в согласии с теорией управления тревожностью/неопределенностью может привести к негативным межэтническим установкам и стереотипам, т.е. этнической интолерантности.

Цель исследования: изучить социально-психологические факторы, влияющие на этническую толерантность-интолерантность в межкультурном взаимодействии и построить типологию стратегий межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России.

Предмет исследования: социально-психологические характеристики этнической идентичности и этнической толерантности-интолерантности в поликультурных регионах России.

Объект исследования: представители 16 этнических групп в 4 поликультурных регионах России.

Гипотезы исследования:

1. Характеристики этнической идентичности: *валентность* (позитивность-негативность) и *четкость* (определенность-неопределенность) связаны с показателями этнической толерантности-интолерантности в межкультурном взаимодействии.

стр. 32

2. Проявление этнической толерантности-интолерантности в межкультурном взаимодействии в поликультурных регионах России зависит от *уровня воспринимаемой дискриминации* и *уровня религиозности*.

3. Факторы, вызывающие этническую интолерантность, взаимосвязаны с активизацией определенных стратегий и установок в межкультурном взаимодействии: уменьшение-увеличение социальной дистанции с контактирующими группами; формирование установки на поддержание своей культуры; разделение по этническому и/или религиозному признаку.

4. Разные группы могут выбирать различные варианты стратегий межкультурного взаимодействия в поликультурных регионах России; эти стратегии будут во многом определяться степенью валентности и четкости их этнической идентичности.

МЕТОДИКА

Выборка. В исследовании принимали участие 1248 респондентов, проживающих в следующих регионах России: Южный Федеральный округ (Ростовская область), Республика Башкортостан, Поволжье (город Самара), Северный Кавказ (Карачаево-Черкесия)². Этнический состав выборки по регионам представлен в табл. 1. Возраст респондентов - от 22 до 63 лет. Образование - среднее, среднее специальное и высшее. Опрос проводился в Карачаево-Черкесии - 1999- 2000 гг., Башкирии и Поволжье - 2000 - 2001 гг., Южном Федеральном округе - 2002 г.

Инструментарий и процедура опроса. Респондентам предлагалось заполнить анкету, которая содержала разработанные в соответствии с целями исследования шкалы, а также модификации известных методик. Ниже дается краткое описание показателей и основных методик, использованных в исследовании.

1. *Валентность этнической идентичности.* Показателями служили чувства, связанные с этничностью, и степень позитивности или негативности автостереотипов.

1.1. Чувства, связанные с этничностью: респонденту нужно было с помощью шкалы от 1 до 5 указать, какое из чувств вызывает у него принадлежность к своей нации - а) гордость (5 баллов); б) спокойную уверенность (4 балла); в) никаких чувств (3 балла); г) обиду (2 балла); д) ущемленность, униженность (1 балл).

1.2. Валентность этнических автостереотипов оценивалась с помощью методики этнических стереотипов Д. Катца и К. Брели - "открытый" вариант. В зависимости от соотношения позитивных и негативных характеристик приписанные респондентом представителям иноэтнической группы качества кодировались следующим образом: 4 - 5 положительных качеств - 5 баллов; 3 положительных, 1 - 2 отрицательных - 4 балла; 2 положительных, 2 - 3 отрицательных - 3 балла; 1 положительное, 3 - 4 отрицательных - 2 балла; 5 отрицательных - 1 балл.

2. *Четкость или амбивалентность этнической идентичности* (для ее оценки использовалось два показателя):

2.1. Степень близости и понятности представителей других этнических групп для респондента оценивалась с помощью утверждения: "Я чувствую, что мне ближе и понятней представители другого народа, а не того, к которому я принадлежу".

2.2. Для оценки степени идентификации с представителями иной этнической группы респонденту предлагалось отметить, насколько он ощущает себя представителем соседней с ним этнической группы. (Например, удмуртам предлагалось утверждение: "Я ощущаю себя башкиром" и т.д.)

3. *Этническая толерантность-интолерантность* оценивалась комплексно с помощью ряда показателей: валентность гетеростереотипов, степень приемлемости представителей иноэтнических групп (по шкале социальной дистанции). Дополнительно использовалось утверждение, позволяющее оценить степень общей этнической толерантности-интолерантности респондентов: "Честно говоря, я предпочел бы не общаться с представителями некоторых народов".

4. *Установка на сохранение своей культуры* оценивалась с помощью блока утверждений, например: "Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции, образ жизни своего народа" или "Мне не нравится, что в нашей культуре и языке появилось слишком много чужеродного".

5. *Установка на дифференциацию по религиозному и этническому признакам* измерялась с помощью ряда утверждений, например: "Народам,

исповедующим одну религию, легче понять друг друга", "Я обращаю внимание на национальность человека, с которым знакомлюсь".

6. *Уровень воспринимаемой дискриминации* измерялся с помощью утверждения: "Меня крайне задевает, когда я слышу что-нибудь оскорбительное в адрес моего народа". Также задавался вопрос: "Приходилось ли Вам сталкиваться в повседневной жизни с такими формами поведения в отношении людей Вашей национальности: а) никогда не сталкивал-

Таблица 1. Состав выборки

Регион	Этническая группа	Число респондентов(<i>n</i>)	Всего по региону(<i>n</i>)
Ростовская область	Казачи*	144	451
	Русские Ростовской области	127	
	Турки-месхетинцы	75	
	Чеченцы	35	
	Украинцы	30	
	Армяне	40	
Республика Башкортостан	Башкиры	102	316
	Татары Башкирии	76	
	Русские Башкирии	84	
	Удмурты	54	
Поволжье (Самара)	Чуваши	35	127
	Татары Самарской области	92	
Северный Кавказ (Карачаево-Черкесия)	Черкесы	90	354
	Карачаевцы	90	
	Абазины	87	
	Ногайцы	87	
	Всего	1248	

* Следует отметить, что этнологи считают казаков субкультурной группой русских, сами же казаки, опрошенные нами, рассматривали себя как самостоятельную этническую группу.

² Исследование в Ростовской обл. проведено А. Н. Татарко, А. Н. Солдатенковым и С. А. Кордой; в Башкирии -А. А. Выскочил и А. Н. Татарко; в Поволжье (Самара и Самарская обл.) - Ю. А. Гагоровой; в Карачаево-Черкесии -Ф. М. Малхозовой и Н. М. Лебедевой.

стр. 33

Таблица 2. Корреляции между валентностью этнической идентичности и этнической толерантностью-интолерантностью

Валентность этнической идентичности	Показатели этнической толерантности-интолерантности к представителям иноэтнических групп	Корреляция по Кендаллу (τ)	Этнические группы, к которым принадлежали респонденты

Позитивная этническая идентичность (чувства, связанные этничностью, автостереотипы)	позитивный гетеростереотип культурно-близких народов:		
	украинцев	0.3***	русские Рост. обл.
	башкир	0.3*	татары Башкирии
	абазин	0.33***	черкесы
	ногайцев	0.3*	карачаевцы
	черкесов	0.5***	карачаевцы
	позитивный гетеростереотип культурно-далеких народов:		
	цыган	0.4*	украинцы Рост. обл.
	удмуртов	0.35*	татары Башкирии
	русских	0.4***	башкиры
	удмуртов	0.3***	башкиры
	русских	0.4***	карачаевцы
	уменьшение социальной дистанции с чеченцами	0.3***	русские Рост. обл.
	общая этническая толерантность	0.36*	украинцы Рост. обл.
	отрицание разделения по этническому признаку	0.3**	русские Башкирии
отрицание разделения по этническому признаку	0.58***	украинцы Рост. обл.	
Негативная этническая идентичность (чувства, связанные этничностью, автостереотипы)	увеличение социальной дистанции с цыганами	-0.3*	турки-месхетинцы
	увеличение социальной дистанции с украинцами	-0.3*	турки-месхетинцы
	увеличение социальной дистанции с чеченцами	-0.3*	турки-месхетинцы
	установка на разделение по этническому признаку	0.34*	чеченцы
	установка на разделение по религиозному признаку	0.54*	чеченцы

* Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.05$.

** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.01$.

*** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.001$.

ся с негативным отношением к себе на национальной основе; б) внешних признаков нет, но чувствую недоброжелательность; в) были затруднения в личном общении; г) были затруднения на бытовом уровне; д) испытывал(-а) ограничения в получении работы".

(Степень согласия со всеми вышеприведенными утверждениями, использованными в методиках, оценивалась респондентом по 5-балльной шкале от 1 - "абсолютно не согласен" до 5 - "абсолютно согласен".)

7. *Категориальная структура этнического сознания* оценивалась с помощью модифицированного семантического дифференциала [3,7]. Респондентов просили оценить выраженность определенного набора качеств у себя, своей этнической группы и иноэтнических групп-соседей по шкале от 0 до 5 баллов, где 0 - отсутствие качества, 5 - максимальная его выраженность. Качества, предлагавшиеся для оценки: *сплоченность, трудолюбие, сила, ум, религиозность, агрессия*. Помимо реальных этнических групп, живущих в регионе, респондентам также предлагалось оценить некие гипотетические группы: *народ, которым я восхищаюсь (народ-идеал), отвергаемый мною народ, народ-завоеватель, завоеванный народ*. Результаты шкалирования позволяли построить субъективные семантические пространства. Построение субъективных семантических пространств дает возможность получить своего рода "срез" структуры сознания в заданной методически области, а также обнаружить специфику отношения друг к другу у представителей различных национальностей.

8. *Уровень религиозности* оценивался с помощью вопроса "Насколько Вы религиозны?". Варианты ответа к вопросу представляли порядковую шкалу: совсем нет - 1 балл, средне - 2 балла, очень - 3 балла.

Способы обработки данных. Взаимосвязь между показателями выявлялась с помощью коэффициента корреляции рангов Кендалла (τ). Зависимость определенных показателей от уровней факторов оценивалась с помощью Н - критерия Крускала-Уоллиса, который является непараметрическим аналогом однофакторного дисперсионного анализа [6]. Предпочтение данному критерию перед дисперсионным анализом было отдано вследствие того, что параметры распределений зависимых переменных отличались от параметров нормального распределения. Данные, полученные посредством модифицированного семантического дифференциала, обрабатывались путем факторного анализа с помощью метода главных компонент с последующим вращением факторных нагрузок методом varimax. Далее осуществлялось расположение оцениваемых испытуемыми объектов (в данном случае это были этнические группы) в пространстве выделенных факторов. Для этого вычислялись факторные веса объектов шкалирования, а затем объекты располагались в факторном пространстве. При обработке данных использовались статистические пакеты Statistica 5.1 и SPSS 10.0.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В табл. 2 представлены результаты корреляционного анализа показателей валентности этнической идентичности (автостереотипов и чувств, связанных с этничностью) с показателями этнической толерантности-интолерантности.

Позитивность этнических автостереотипов и чувств, связанных с этничностью, положительно коррелирует с такими показателями, как: а) позитивные гетеростереотипы культурно-близких на-

стр. 34

Таблица 3. Корреляции между четкостью-амбивалентностью этнической идентичности и этнической толерантностью-интолерантностью

Четкость-неопределенность этнической идентичности	Показатели этнической толерантности-интолерантности к представителям иноэтнических групп	Корреляция по Кендаллу (τ)	Этнические группы, которым принадлежали
---	--	----------------------------	---

			респонденты
Четкая этническая идентичность	позитивный гетеростереотип удмуртов	0.36*	русские Башкирии
	позитивный гетеростереотип удмуртов	0.4**	татары Башкирии
	позитивный гетеростереотип русских	0.42**	чеченцы
	уменьшение социальной дистанции с армянами	0.3*	чеченцы
Неопределенная этническая идентичность	негативный гетеростереотип украинцев	-0.3*	гурки-месхетинцы
	негативный гетеростереотип чеченцев	-0.33***	казаки
	негативный гетеростереотип турок	-0.3*	казаки
	негативный гетеростереотип чеченцев	-0.54*	армяне
	увеличение социальной дистанции с татарами	-0.37**	башкиры
	увеличение социальной дистанции с удмуртами	-0.34*	башкиры
	увеличение социальной дистанции с русскими	-0.38**	башкиры
	установка на разделение по этнич. признаку	0.3***	удмурты
	установка на разделение по религиозн. признаку	0.4*	армяне

* Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.05$.

** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.01$.

*** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.001$.

родов; б) позитивные гетеростереотипы культурно-далеких народов; в) уменьшение социальной дистанции с культурно-далекими народами; г) отрицание разделения по этническому признаку; д) общая этническая толерантность.

В табл. 2 показаны значимые корреляционные связи между показателем негативной этнической идентичности (негативные чувства, связанные с этничностью) и следующими показателями этнической интолерантности: а) увеличение социальной дистанции с другими группами мигрантов в регионе; б) установка на разделение по этническому признаку; в) установка на разделение по конфессиональному признаку.

Таким образом, можно констатировать, что этническая толерантность-интолерантность в межкультурном взаимодействии в поликультурных регионах России взаимосвязана с валентностью этнической идентичности контактирующих групп: с одной стороны, чем более позитивна их этническая идентичность, тем более они склонны к толерантным установкам в межкультурном взаимодействии, к сближению с представителями инокультурных групп, к снижению значимости этнической принадлежности во взаимодействии. С другой стороны, чем негативнее компоненты этнической идентичности, тем более выражены установки на разделение по этническому и конфессиональному признаку, тем дальше социальная дистанция с другими низкостатусными группами (мигрантами) в регионе.

Далее рассматривалось, существует ли взаимосвязь между степенью четкости-амбивалентности этнической идентичности и этнической толерантностью-интолерантностью в межкультурном взаимодействии. Данную гипотезу (как и все последующие) мы проверяли на результатах исследований в двух поликультурных регионах из четырех: в Южном Федеральном округе ($n = 451$) и в республике Башкортостан ($n = 316$), результаты исследований по двум другим регионам проходят процедуру дополнительной обработки и унификации.

Значимые корреляционные связи показателей четкости этнической идентификации с показателями этнической толерантности-интолерантности представлены в табл. 3.

Из таблицы видно, что четкость этнической идентичности позитивно коррелирует с такими показателями этнической толерантности-интолерантности, как:

а) позитивные гетеростереотипы культурно-далеких групп; б) уменьшение социальной дистанции с культурно-далекими группами; в) уменьшение социальной дистанции с культурно-близкими группами.

Неопределенность этнической идентичности, в свою очередь, коррелирует с такими показателями этнической интолерантности, как: а) негативный гетеростереотип культурно-далеких народов; б) увеличение социальной дистанции с культурно-далекими народами; в) увеличение социальной дистанции с культурно-близкими народами; г) установка на разделение по этническому признаку; д) установка на разделение по конфессиональному признаку.

Итак, согласно данным, представленным в табл. 3, четкость (определенность) этнической

стр. 35

Таблица 4. Зависимость общей этнической интолерантности от воспринимаемой дискриминации и уровня религиозности

Фактор	Зависимая переменная	<i>H</i> -критерий	Уровень значимости	Этнические группы, которым принадлежали респонденты
Уровень воспринимаемой дискриминации	Общая этническая интолерантность	8.8	$p < 0.03$	казаки
		10.02	$p < 0.03$	русские Башкирии
Уровень религиозности	Общая этническая интолерантность	6.7	$p < 0.03$	казаки
		4.7	$p < 0.05$	татары Башкирии
		7.0	$p < 0.03$	русские Башкирии
		5.8	$p < 0.05$	турки-месхетинцы

идентичности позитивно связана с показателями этнической толерантности, а ее неопределенность (амбивалентность) - с показателями этнической интолерантности.

Далее с помощью *H*-критерия оценивалась зависимость общей этнической толерантности от уровней двух переменных-факторов (воспринимаемая дискриминация и религиозность), которые теоретически должны влиять на этническую интолерантность и поэтому закладывались в методику исследования в

качестве независимых переменных. Результаты анализа представлены в табл. 4. Согласно Н-критерию, от фактора **воспринимаемой дискриминации** действительно зависит этническая интолерантность казаков Ростовской области и русских Башкирии. Зависимость общей этнической интолерантности от фактора **религиозности** выявлена у казаков, татар и русских Башкирии.

Факторы, связанные с этнической интолерантностью и влияющие на нее, были прокоррелированы с другими переменными в целях выявления основных установок на межэтническое взаимодействие, демонстрируемых этническими группами в процессе адаптации к условиям поликультурности. Корреляционная связь дублировалась проверкой зависимости переменной от уровней фактора с помощью Н-критерия. Результаты представлены в табл. 5 и 6.

Таблица 5. Установки на межэтническое взаимодействие в зависимости от уровня воспринимаемой дискриминации

Наименование фактора	Установка	Корреляция по Кендаллу (τ)	H -критерий	Этническая группа (респонденты)
Уровень воспринимаемой дискриминации	увелич. социальной дистанции с армянами	-0.22**	7.62 ($p < 0.05$)	казаки
	увелич. социальной дистанции с турками	-0.3*	8.61 ($p < 0.03$)	
	увелич. социальной дистанции с армянами	-0.35*	не обнаружено	украинцы
	увелич. социальной дистанции с чеченцами	-0.35*	не обнаружено	
	увелич. социальной дистанции с цыганами	-0.3*	не обнаружено	русские ЮФО
	увелич. социальной дистанции с армянами	-0.3*	не обнаружено	
	увелич. социальной дистанции с русскими	-0.3*	не обнаружено	башкиры
	увелич. социальной дистанции с башкирами	-0.24*	не обнаружено	татары РБ
	уменьш. социальной дистанции с русскими	0.42**	8.5 ($p < 0.03$)	украинцы
	уменьш. социальной дистанции с казаками	0.3***	11.9 ($p < 0.01$)	турки
	уменьш. социальной дистанции с армянами	0.3*	9.2 ($p < 0.05$)	
	установка на поддержание своей культуры	0.3*	12.6 ($p < 0.01$)	русские ЮФО
	установка на поддержание своей культуры	0.5***	8.5 ($p < 0.03$)	украинцы
	установка на поддержание своей культуры	0.3**	не обнаружено	турки
	установка на поддержание своей культуры	0.3*	не обнаружено	башкиры

установка на поддержание своей культуры	0.46***	6.3 ($p < 0.05$)	удмурты
установка на поддержание своей культуры	0.3***	не обнаружено	русские РБ
дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3	8.8 ($p < 0.03$)	казаки
дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.34**	15.5 ($p < 0.003$)	турки
дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3*	13.2 ($p < 0.004$)	удмурты
дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3***	10.1 ($p < 0.03$)	русские РБ
дифференциация по этническому признаку	0.3*	не обнаружено	русские ЮФО
дифференциация по этническому признаку	0.45**	не обнаружено	армяне
дифференциация по религиозному признаку	0.36	не обнаружено	украинцы
дифференциация по религиозному признаку	0.3*	не обнаружено	чеченцы

* Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.05$.

** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.01$.

*** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.001$.

стр. 36

Таблица 6. Установки на межэтническое взаимодействие в зависимости от уровня религиозности

Наименование фактора	Установка	Корреляция по Кендаллу (τ)	H -критерий	Этническая группа (респонденты)
Уровень религиозности	Увелич. социальной дистанции с турками	0.3*	не обнаружено	казаки
	Увелич. социальной дистанции с цыганами	0.3*	9.8 ($p < 0.001$)	русские ЮФО
	Увелич. социальной дистанции с русскими	0.26*	не обнаружено	чеченцы
	Увелич. социальной дистанции с украинцами	0.35**	3.93 ($p < 0.04$)	
	Увелич. социальной дистанции с цыганами	0.36**	4.39 ($p < 0.04$)	
	Увелич. социальной дистанции с украинцами	0.3*	не обнаружено	казаки
	Увелич. социальной дистанции с армянами	0.35**	4.03 ($p < 0.04$)	чеченцы

Уменьш. социальной дистанции с казаками	0.51**	не обнаружено	украинцы
Уменьш. социальной дистанции с русскими	0.3*	не обнаружено	чуваши
Установка на поддержание своей культуры	0.3*	не обнаружено	турки
Установка на поддержание своей культуры	0.3**	не обнаружено	чеченцы
Установка на поддержание своей культуры	0.44***	не обнаружено	татары РБ
Установка на поддержание своей культуры	0.3**	не обнаружено	удмурты
Установка на поддержание своей культуры	0.3**	не обнаружено	татары Поволжья
Дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3*	5.9 ($p < 0.05$)	казаки
Дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3*	7.9 ($p < 0.01$)	русские ЮФО
Дифференциация по этнич. и религ. признакам	0.3*	не обнаружено	удмурты
Дифференциация по религиозному признаку	0.3**	13.45 ($p < 0.05$)	татары Поволжья

* Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.05$. ** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.01$.

*** Достоверность коэффициента корреляции $p < 0.001$.

Согласно данным табл. 5, фактор воспринимаемой дискриминации (чувствительность к оскорблениям по этническому признаку) способствует активизации следующих установок на межэтническое взаимодействие:

1) Изменение социальной дистанции: а) увеличение социальной дистанции с культурно-далекими народами (у казаков, русских ЮФО, украинцев, башкир); б) увеличение социальной дистанции с культурно-близкими народами (татары Башкирии); в) уменьшение социальной дистанции с культурно-близкими народами (украинцы); г) уменьшение социальной дистанции с культурно-далекими народами (турки-месхетинцы).

2) Установка на поддержание своей культуры (русские ЮФО, украинцы, турки-месхетинцы, башкиры, удмурты, русские Башкирии). Согласно H -критерию, от фактора воспринимаемой дискриминации зависит активизация установки на поддержание своей культуры (у русских ЮФО, украинцев, удмуртов).

3) Установка на разделение: а) по этническому и конфессиональному признаку (у казаков, турок-месхетинцев, удмуртов, русских Башкирии). Согласно $//$ -критерию, установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам зависит от уровня воспринимаемой дискриминации; б) по этническому признаку (русские ЮФО, армяне); в) по конфессиональному признаку (украинцы, чеченцы).

Второй фактор, уровень религиозности, способствует активизации следующих установок на межэтническое взаимодействие (см. табл. 6):

1) Изменение социальной дистанции : а) увеличение социальной дистанции с культурно-далекими народами (у казаков, русских ЮФО, чеченцев); б) увеличение социальной дистанции с культурно-близкими народами (у казаков); в) уменьшение социальной дистанции с культурно-близкими народами (украинцы, чувашаи). Согласно *H*-критерию, от уровня религиозности зависит увеличение социальной дистанции с культурно-далекими народами (у русских ЮФО и чеченцев).

2) Установка на поддержание своей культуры (у русских ЮФО, турок-месхетинцев, чеченцев, удмуртов, татар Башкирии, татар Поволжья).

3) Установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам (у казаков, турок-месхетинцев, русских ЮФО, татар Поволжья). Проверка зависимости данной установки от уровней фактора с помощью *//*-критерия позволяет сказать, что установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам в данном случае также зависит от уровня религиозности.

стр. 37

Таблица 7. Стратегии межэтнического взаимодействия в поликультурных регионах России

Характеристики этнической идентичности	<i>Позитивность</i>	<i>Негативность</i>
Четкость	1) Сохранение своей культуры и принятие "чужих"	3) Разделение по этническому и конфессиональному признакам и этническая интолерантность
	<i>Русские ЮФО, украинцы, русские РБ, татары РБ</i>	<i>Чеченцы</i>
	позитивные гетеростереотипы низкостатусных групп (<i>цыган, мигрантов- армян, удмуртов</i>)	позитивные гетеростереотипы высокостатусных групп (<i>русских, украинцев</i>)
	уменьшение социальной дистанции с другими группами	уменьшение социальной дистанции с высокостатусными группами (<i>казаками, армянами</i>)
	установка на поддержание своей культуры	установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам
	отсутствие установки на разделение по этническому признаку	высокий уровень религиозности
	общая этническая толерантность	общая этническая интолерантность
Амбивалентность (неопределенность)	2) Поиск и защита своей культурной определенности	4) Поиск социального включения
	<i>Казаки, армяне, башкиры, удмурты РБ</i>	<i>Турки-месхетинцы</i>
	позитивные стереотипы культурно-близких и негативные - культурно-далеких народов (ЮФО)	позитивные гетеростереотипы "неагрессивных" народов (<i>русские, украинцы, армяне, цыгане</i>)
позитивные стереотипы культурно-далеких и негативные - культурно-близких народов (РБ)		

	увеличение социальной дистанции с другими группами	уменьшение социальной дистанции со всеми группами
	установка на поддержание своей культуры	
	установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам	установка на поддержание своей культуры
	высокий уровень религиозности (<i>казаки</i>)	
	общая этническая толерантность (<i>армяне, удмурты, башкиры</i>)	снижение уровня религиозности

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ

Согласно данным нашего исследования в поликультурных регионах России, такие характеристики этнической идентичности, как позитивность и четкость, взаимосвязаны с показателями этнической толерантности, а такие характеристики, как негативность и амбивалентность, - с показателями этнической интолерантности. Показано, что этническая интолерантность может зависеть от уровня воспринимаемой дискриминации и уровня религиозности; выявлен ряд установок на межкультурное взаимодействие, демонстрируемых этническими группами. На основе этих результатов осуществлялось построение модели стратегий, реализуемых группами с разными характеристиками этнической идентичности. Для этого мы разделили обследованные нами этнические группы в двух регионах (ЮФО и РБ) на четыре категории в зависимости от сочетания показателей валентности и четкости идентичности. Затем в четыре сформированных квадранта были помещены наиболее часто демонстрируемые этими группами установки на межэтническое взаимодействие.

В категорию "*позитивных/четких*" попали те этнические группы, у представителей которых преобладали позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью, а сама этническая идентичность была определенной. В категорию "*позитивных/амбивалентных*" попали те группы, у членов которых позитивность этнической идентичности находилась в сочетании с отсутствием ясности и определенности своей этнической принадлежности. Категорию "*негативных/четких*" составили те группы, у представителей которых четкость своей этнической принадлежности сочеталась с негативными чувствами, а в категорию "*негативных/амбивалентных*" вошли группы, представителям которых свойственно сочетание негативных чувств с неопределенностью этнической идентичности (см. табл. 7).

Несмотря на многочисленные различия между этническими группами (культурные особенности, статус, длительность проживания в регионе и т.д.), были выявлены сходные особенности групповой адаптации к условиям поликультурности и основных стратегий межкультурного взаимодей-

Рис. 1. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия русских.

Рис. 2. Семантическое пространство межэтнического восприятия казаков.

ствия у тех групп, которым свойственны сходные характеристики этнической идентичности. Это говорит о том, что состояние этнической идентичности представителей разных этнических групп является серьезным детерминирующим фактором установок на межэтническое взаимодействие в поликультурных регионах России.

Первая стратегия - "сохранение своей культуры и принятие "чужих"." Позитивность и четкость этнической идентичности, согласно данным нашего исследования, сочетаются с позитивным восприятием низкостатусных групп, уменьшением социальной дистанции с другими этническими группами, отсутствием установки на разделение людей по этническому и религиозному признакам, общей этнической толерантностью. Это никоим образом не означает "невидения" культурных границ и различий: четкость этнической идентификации предполагает ясную этническую картину мира, в которой присутствует деление по неким признакам на "своих" и "чужих", "ближних" и "дальних", но в то же время имеется готовность преодолеть такое деление, проделать работу по включению "чужих" в "свои", наблюдается отрицание фатальности этнического и религиозного разделения.

В качестве иллюстрации этой стратегии может выступить субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия русских Ростовской области, одной из групп, реализующих данную стратегию (описание модифицированного семантического дифференциала, способ его обработки и построения субъективных семантических пространств см. в разделе "Методика"). Семантическое пространство образовано двумя факторами: "Созидание" (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *сильный, трудолюбивый, умный*) и "Сплоченность" (в него с положительной нагрузкой вошли шкалы: *религиозный и сплоченный*)(рис. 1). Данные факторы являются позитивными, что может свидетельствовать и о позитивности этнической картины мира, в которой нет предрасположенности к негативной оценке других этнических групп.

В сознании русских *украинцы и русские* оцениваются как созидательные, но не сплоченные, а в самом "позитивном" квадранте - созидательных и сплоченных - располагаются *казаки, народ-идеал* и *народ-завоеватель*. Это свидетельствует о том, что в сознании русских казаки предстают более позитивно оцениваемой группой по значимым для них критериям (созидательность, трудолюбие и сплоченность), чем их собственная группа. Чеченцы и армяне воспринимаются русскими как сплоченные, но не стремящиеся к труду и созиданию. Заметим, что ни одна из оцениваемых русскими этнических групп не попала в тот же квадрант, в котором оказались такие гипотетические объекты оценки, как *отвергаемый народ* и *завоеванный народ*.

Вторая стратегия - "поиск и защита своей культурной определенности". Сочетание позитивности и амбивалентности этнической идентичности предполагает позитивное восприятие культурно-близких народов и негативное - культурно-далеких народов (на юге России), с одной стороны, и полностью противоположная тенденция в Республике Башкортостан: позитивное восприятие культурно-далеких и негативное - культурно-близких народов. На первый взгляд противоположные тенденции на самом деле имеют одну и ту же цель - повышение определенности своей этнической (культурной) принадлежности, просто в первом случае это достигается дистанцированием от культурно-далеких групп (чеченцы, турки-месхетинцы), а во втором - от культурно- близких (татары Башкирии). В качестве иллюстрации этой стратегии может выступить семантическое пространство межэтнического восприятия в сознании представителей групп, реализующих данную стратегию (казаки и башкиры) (см. рис. 2, 3).

Важно отметить, что семантическое пространство казаков очень похоже на аналогичное прост-

стр. 39

Рис. 3. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия башкир.

пространство русских, только несколько отличается содержанием второго фактора: у русских это - "сплоченность", а у казаков - "воинственность" (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *агрессивный* и *сплоченный*), причем это - позитивная характеристика, ибо созидательные и воинственные в сознании казаков: *Я сам, народ-идеал, народ-завоеватель, казаки*. При этом русские и украинцы оцениваются как "созидательные", но не "воинственные", а чеченцы, армяне и турки - "воинственные", но не "созидательные".

Субъективное семантическое пространство башкир образовано факторами "Мудрость" (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *талантливый, мудрый, религиозный, трудолюбивый*) и "Воинственность" (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *воинственный и расчетливый*) (рис. 3). В семантическом пространстве башкир их собственный народ оценивается как "мудрый" и "не

воинственный", в то время как *русские, татары* и *народ-идеал* представляются одновременно и мудрыми и воинственными, что свидетельствует о неблагоприятном сравнении собственной группы с данными группами. Об этом же говорит и то, что объект оценки *Я сам* попал в категорию "не мудрых" и "не воинственных", в один квадрант с так называемым *завоеванным народом*. Это расхождение между *Я сам* (самоконцепцией) и *баширами* (своей этнической идентичностью) - свидетельство амбивалентной, неопределенной этнической идентичности.

Третья стратегия - "разделение по этническому и конфессиональному признакам и этническая интолерантность". Сочетание четкости и негативности этнической идентичности представляет другую стратегию межкультурного взаимодействия, для которой характерны: позитивная оценка высокостатусных групп и уменьшение социальной дистанции с высокостатусными группами в регионе; установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам; высокий уровень религиозности и общая этническая интолерантность. Это стратегия этнической и конфессиональной сепарации и ориентации на статус и доминирование в межэтническом взаимодействии. Видимо, негативные чувства, связанные с этнической принадлежностью, являются следствием фрустрации мощной потребности в высоком статусе своей этнической и религиозной группы. Иллюстрировать реализацию указанной стратегии можно данными, приведенными в табл. 7.

Факторизация ответов чеченцев по методике семантического дифференциала позволила выделить единственный фактор, интерпретированный как "Групповая иерархия" и включающий в себя с положительной нагрузкой следующие шкалы (в порядке убывания нагрузки): *сплоченность, трудолюбие, сила, ум, религиозность, агрессия*. Все объекты оценки, в зависимости от их факторного веса, располагаются в иерархическом порядке по оси данного фактора. Ниже приводится табл. 8 с факторными весами объектов оценки в порядке убывания по данному фактору.

Мы склонны предполагать, что этот фактор имплицитно содержит оценку права на доминирование, и все контактирующие группы располагаются в некоем иерархическом порядке со своей группой наверху (чеченцы) и реально доминирующей группой (казаки) внизу иерархии.

Последняя, **четвертая стратегия - "поиск социального включения"** реализуется группой, для которой характерны сочетание негативной и амбивалентной этнической идентичности. Данная стратегия содержит следующие установки: на поддержание своей культуры; позитивное восприятие "неагрессивных" народов (*русские, украинцы, армяне, цыгане*), уменьшение социальной дистанции со всеми группами; снижение уровня своей религиозности. Очевидно, что эта стратегия отражает желание мирного сосуществования

Таблица 8. Расположение объектов оценки по фактору "Групповая иерархия" у чеченцев

Ранг	Объект оценки (группа)	Факторный вес объекта оценки
1	Народ-идеал	1.34998
2	Чеченцы	1.01571
3	Я сам	0.95811
4	Армяне	0.49554
5	Русские	0.18520
6	Цыгане	0.03474
7	Украинцы	-0.11295

8	Казаки	-0.21107
9	Народ-завоеватель	-0.69483
10	Завоеванный народ	-0.86013
11	Отвергаемый народ	-2.16030

стр. 40

(высокая оценка *неагрессивных* народов) и желание социальной близости с представителями всех контактирующих групп, а также готовность жертвовать некоторыми культурными маркерами (снижение уровня религиозности) ради социального мира. Вместе с тем эта стратегия не означает готовности к культурной ассимиляции, ибо включает установку на сохранение и поддержание своей культуры. Семантическое пространство, выстроенное в поле двух факторов: "Сплоченность" (в него вошли с положительной нагрузкой шкалы: *сплоченный, религиозный, сильный*) и "Агрессия" (в данный фактор со значимой положительной нагрузкой вошла только одна шкала - *агрессивный*), показывает готовность к сближению турок-месхетинцев с русскими, близкую социальную дистанцию с украинцами и готовность к позитивному взаимодействию с другими группами (более "агрессивными") - см. рис. 4.

Можно заметить, что выявленные стратегии напоминают по смыслу стратегии аккультурации Берри [10]: **интеграцию** (сочетание установок на поддержание своей культуры и контакты с другой, в его модели аккультурации - доминирующей этнической культурой), **сепарацию** (установки на поддержание своей культуры и нежелание контактов с другими культурами), **ассимиляцию** (нежелание сохранять свою культуру и выраженные установки на контакты с доминирующей культурой) и **маргинализацию** (отсутствие установок на поддержание своей культуры и отказ от межэтнического взаимодействия). Действительно, между этими стратегиями есть много общего: первая - это, бесспорно, стратегия интеграции, однако относительно совпадения других выделенных нами стратегий со стратегиями Берри имеются серьезные сомнения.

Первое несоответствие - в основу классификации нами закладывались разные критерии. У Дж. Берри - это два типа установок, в основу которых были положены два варианта отношений мигрантов: принятие или отвержение своей этнической культуры и принятие или отвержение других культур. Наша классификация базировалась лишь на одном отношении: к собственной этнической культуре (степень позитивности и четкости своей этнической идентичности). Имплицитно в этом отношении присутствует рефлексия того, как другие группы относятся к моей этнической группе (оценка принятия или отвержения ингрупп-пы со стороны аутгрупп, часто доминирующих в регионе), поскольку валентность и четкость этнической идентичности может быть следствием осознания неприятия своей группы влиятельными аутгруппами. Это зеркальный по отношению к критерию Берри параметр: если у него базовым является отношение мигранта к аутгруппе, то у нас (имплицитно) - восприятие членами ингруппы отношения аутгруппы к их этнической группе, спроецированного на собственное отношение к своей этнической идентичности. Неслучайно, набор и содержание стратегий в нашем случае отличаются от предложенных Берри, хотя и частично пересекаются с ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание специфики межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе требует, на наш взгляд, **перехода на более высокий уровень анализа - системный**. Рассматривая поликультурный регион как социальную систему, в которой каждая группа выступает в качестве элемента этой системы, можно понять

суть процессов интеграции и дифференциации этнических групп как **этапов развития системы**. С этой точки зрения поликультурные регионы с длительным периодом совместного сосуществования этнических групп (Поволжье, Башкирия и др.) представляют собой достаточно сбалансированные системы, в которых интегративные процессы преобладают над процессами дифференциации и в которых большей частью существуют так называемые надэтнические общности регионального типа, несущие в себе некий "сплав" культурных характеристик населяющих их этнических групп: знание языков, элементов традиционных культур, обычаев и норм поведения. Для таких регионов характерны высокий уровень базовой этнической толерантности и отсутствие серьезных межэтнических конфликтов.

Регионы, для которых современная поликультурность является достаточно новым фактором (вследствие миграции групп с далекой культурной дистанцией), представляют собой другой тип систем - несбалансированных и стремящихся к поискам межгруппового баланса, понимаемого каждой группой по-своему. Для таких регионов ведущими являются процессы межгрупповой дифференциации по наиболее значимым параме-

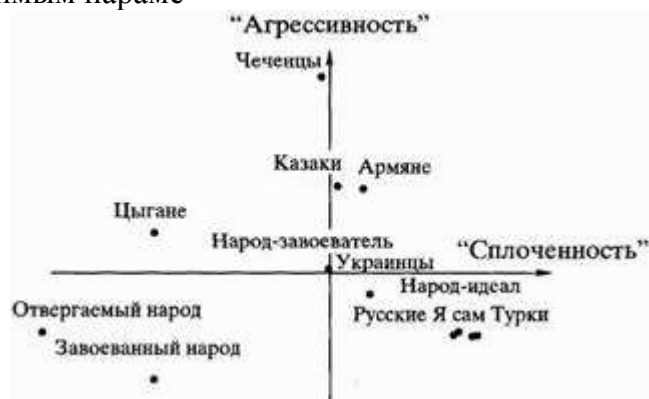

Рис. 4. Субъективное семантическое пространство межэтнического восприятия турок- месхетинцев.

стр. 41

трам: этническому и религиозному. При этом следует согласиться с И. Р. Сушковым в том, что "суть дифференцирующих процессов - не в разбегании социальных групп, а в создании эффективных групповых границ, позволяющих сохранить групповую индивидуальность, специфичность группового субъекта как выполняющего системно- полезную функцию" [5].

Таким образом, стратегии межкультурного взаимодействия, выявленные в нашем исследовании, нацелены на сохранение или обретение позитивной и четкой этнической идентичности как основы этнической толерантности (на индивидуальном и групповом уровнях), а также - на сбалансирование системы межгруппового взаимодействия (на уровне социальной системы - поликультурного региона). А более глубоко - это социально- психологические механизмы сохранения этнических культур (что способствует обретению личностного смысла индивидами) и этнического многообразия (что способствует сохранению и выживанию социальной системы), ибо основа такого выживания - мир и межкультурная терпимость.

ВЫВОДЫ

1. Такие характеристики этнической идентичности, как валентность (позитивность- негативность) и четкость (определенность-неопределенность), связаны с показателями этнической толерантности-интолерантности в межкультурном взаимодействии. Установлено, что *позитивность* этнической идентичности (этнических автостереотипов и чувств, относящихся к собственной этнической

принадлежности) связана с этнической толерантностью, а негативность - с интолерантностью. Результаты исследования в двух поликультурных регионах России, Южном Федеральном округе и Республике Башкортостан, выявили неоднозначную взаимосвязь между показателями *четкости* этнической идентичности и этнической толерантности- интолерантности. Было установлено, что как четкость (определенность), так и неопределенность этнической идентичности могут быть связаны и с этнической толерантностью, и с этнической интолерантностью.

2. Большую диагностическую ценность, на наш взгляд, представляет не степень четкости этнической идентичности сама по себе, а ее сочетание с валентностью этнической идентичности-сочетание позитивности и четкости этнической идентичности с большой долей вероятности способствует проявлению этнической толерантности в межкультурном взаимодействии. Сочетание же негативности этнической идентичности с ее четкостью приводит к проявлению этнической интолерантности. Неопределенность этнической идентичности вместе с ее позитивностью допускает наличие как этнической толерантности, так и этнической интолерантности. Здесь, по нашему предположению, играет роль разная природа неопределенности этнической идентичности в различных поликультурных регионах: в Республике Башкортостан она имеет естественную "неоформленность" из-за низкой значимости этнической категоризации, а в Южном Федеральном округе, напротив, выраженную "двойственность" в силу процессов конструирования новой самостоятельной группы (казаки).

3. Было установлено, что проявление этнической интолерантности в двух поликультурных регионах России может зависеть от следующих факторов: уровня воспринимаемой дискриминации и уровня религиозности. Чем выше уровень воспринимаемой дискриминации, тем в большей степени выражена этническая интолерантность. Высокий уровень религиозности может способствовать проявлению общей этнической интолерантности.

4. Факторы, вызывающие этническую интолерантность, способствуют активизации различных установок в межкультурном взаимодействии:

- а) установка на поддержание своей культуры;
- б) изменение социальной дистанции с контактирующими группами;
- в) разделение по этническому и/или религиозному признаку.

5. В зависимости от характеристик этнической идентичности разные группы выбирают различные варианты стратегий межкультурного взаимодействия в поликультурных регионах России:

а) группы с позитивной и четкой этнической идентичностью склонны выбирать стратегию **сохранения своей культуры и принятия "чужих"**.

Позитивность и четкость этнической идентичности, согласно данным нашего исследования, сочетается с позитивным восприятием низкостатусных групп, уменьшением социальной дистанции с другими этническими группами, отсутствием установки на разделение людей по этническому и религиозному признакам, общей этнической толерантностью;

б) группы с позитивной и неопределенной этнической идентичностью преимущественно выбирают стратегию **поиска и защиты своей культурной определенности**. Сочетание позитивности и амбивалентности этнической идентичности предполагает более четкое позиционирование себя в этнокультурном пространстве посредством манипуляции социальной дистанцией, активизации установок на поддержание своей культуры и на разделение по этническому и конфессиональ-

ному признакам. Это своего рода "культурные маркеры", способствующие росту четкости и определенности этнической идентичности;

в) группы с негативной и четкой этнической идентичностью используют стратегию **разделения по этническому и конфессиональному признакам**. Сочетание четкости и негативности этнической идентичности представляет стратегию межкультурного взаимодействия, для которой характерны: стремление к сближению с высокостатусными группами в регионе; установка на разделение по этническому и конфессиональному признакам; высокий уровень религиозности и общая этническая интолерантность. Это стратегия этнической и конфессиональной сепарации и ориентации на статус и доминирование в межэтническом взаимодействии;

г) группы с негативной и неопределенной этнической идентичностью демонстрируют стратегию **поиска социального включения**, для которой характерны: позитивное восприятие "неагрессивных" народов; уменьшение социальной дистанции со всеми группами; установка на поддержание своей культуры; снижение религиозности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лебедева Н. М.* Социальная психология этнических миграций. М: Изд-во ИЭА АН СССР, 1993.

2. *Лебедева Н. М.* Социально-психологическая аккультурация этнических групп: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.

3. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики М: МГУ, 1997.

4. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М.: Академический проект, 1999. С. 232.

5. *Сушков И. Р.* Психология взаимоотношений групп в социальной системе: Автореф. ... докт. психол. наук. М., 2002.

6. *Тюрин Ю. Н.* Непараметрические методы статистики. М.: Знание, 1978.

7. *Этнос. Идентичность. Образование / Под ред. В.С. Собкина.* М., 1998.

8. *Abrams D., Hogg M. (Eds.)* Social identity theory: Constructive and critical advances. N.Y., 1990.

9. *Berger C, Calabrese R.* Some explorations in initial interactions and beyond // Human communication research. 1975. V. 1. P. 99 - 112.

10. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R.* Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, 1992.

11. *Berry J.W., Kalin R.* Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey // Canadian Journal of Behavioural Science. 1995. V. 27 (3). P. 301 - 320.

12. *Berry J.W., Kalin R.* Reciprocity of Inter-Ethnic Attitudes in a Multicultural Society // International Journal of Intercultural Relations. 1979. N 3. P. 99 - 112.

13. *Berry J.W., Pleasants M.* Ethnic tolerance in plural societies // Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, 1984.

14. *Bogardus E.S.* Stereotypes versus sociotypes // Sociological and Social Research. 1950. N 34. P. 286 - 291.

15. *Brewer M., Campbell D.T.* Ethnocentrism and inter-group attitudes: East African evidence. N. Y.: Sage/Halsted, 1976.

16. *DeRidder R., Tripathi, R. (Eds.)* Norm violation and in-tergroup relations. Oxford: Clarendon, 1992.

17. *Duckitt J.* The social psychology of prejudice. Westport, Conn.: Praeger, 1994.

18. *Esses V., Haddock G., Zanna M.* Values, stereotypes and emotions as determinants of intergroup attitudes // *Affect, cognition and stereotyping: Interactive process in group perception* / Eds. D.M. Mascie, D.L. Hamilton N.Y.: Academic, 1993. P. 137 - 166.
19. *Gudykunst W. et al.* Uncertainty reduction in Japanese-North American dyads // *Communication Research reports*. 1986. N 3. P. 39^6.
20. *Gudykunst W. et al.* The influence of individualism-collectivism on communication in ingroup and outgroup relationships // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1992. N23. P. 196 - 213.
21. *Gudykunst W.* Anxiety/Uncertainty Management (AUM) theory: Current status // *Intercultural communication theory* / Ed. R.L. Wiseman. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995.
22. *Gudykunst W., Shapiro R.* Communication in everyday interpersonal and intergroup encounters // *International Journal of Intercultural Relations*. 1996. N 20. P. 19 - 45.
23. *Katz D., Braly K.* Racial stereotypes in one hundred college students. // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1933. N 28. P. 280 - 290.
24. *Kuhn M., McPartland T.* An empirical investigation of self-attitudes // *American Sociological Review*. 1954. V. 19 N1.
25. *Le Vine R., Campbell D.T.* Ethnocentrism: Theories of conflict, attitudes and group behavior. N. Y.: Wiley, 1972.
26. *Stephan W., Stephan C.* Intergroup anxiety // *Journal of Social Issues*. 1985. N 41. P. 157 - 176.
27. *Tajfel H.* Social categorization, social identity and social comparison // *Differentiation between social groups* / Ed. by H. Tajfel. London: Academic, 1978. P. 61 - 76.

стр. 43

Павленко В.Н., Кряж И.В., Барретт М. Этнические и национальные идентификации и представления у украинских детей и подростков⁸

(с) 2002 г. В. Н. Павленко*, И. В. Кряж, М. Барретт*****

* *Кандидат психол. наук, доцент кафедры прикладной психологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, Украина.*

** *Кандидат психол. наук, доцент той же кафедры.*

*** *Профессор психологического отделения Суррейского университета, Великобритания.*

Представлены результаты анализа процессов становления этнического и национального самосознания у 480 детей и подростков, проживающих в Украине и составляющих четыре равновеликие подгруппы детей разного возраста: 6,9,12 и 15 лет. Анализируются и обсуждаются возрастные особенности системы социальных идентификаций детей и подростков Украины, а также место этнических и национальных идентификаций в данной системе; возрастные особенности выбора этнонациональной ингруппы и условия, влияющие на данный выбор; развитие у детей и подростков этнонациональных представлений и их зависимость от выбора ребенком этнонациональной группы.

Ключевые слова: этнонациональные представления; этнонациональные идентификации, этническое самосознание.

Как бы ни расходились методологические и теоретические позиции современных отечественных этнологов и этнопсихологов, большинство из них, рассматривая

⁸ Павленко В.Н., Кряж И.В., Барретт М. Этнические и национальные идентификации и представления у украинских детей и подростков / В. Н. Павленко, И. В. Кряж, М. Барретт // *Психологический журнал*, 2002. №5. С. 60-72.

проблему этнического или национального самосознания, в качестве важнейших его структурных компонентов выделяют систему этнонациональных идентификаций и систему этнонациональных представлений² [1 - 9]. Как правило, данные компоненты изучаются изолированно, без учета их возможных взаимовлияний. При этом предметом подобных исследований являются этнонациональные идентификации и этнонациональные представления в их сформированном виде, характерном для взрослых людей. Целью же данной статьи является анализ возрастной динамики становления этнонациональных идентификаций и представлений в их взаимосвязи. Были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить развитие системы социальных идентификаций у детей и подростков.
2. Проанализировать возрастные особенности выбора этнонациональной ингруппы.
3. Изучить развитие этнонациональных представлений в зависимости от ингруппы.

В исследовании приняло участие 480 детей, проживающих в г. Харькове. Выборку составили четыре равновеликие (по 120 человек) группы детей разного возраста: 6-, 9-, 12- и 15-летние. Самая младшая возрастная группа - дошкольники подготовительной группы детского сада, остальные три - ученики соответствующих классов государственных общеобразовательных школ. Половина детей посещала школы и дошкольные учреждения с украинским, другая половина - с русским языком обучения. В каждую возрастную выборку входило равное количество мальчиков и девочек.

1. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИФИКАЦИЙ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Для решения первой задачи был использован метод самоидентификации со свободным выбором.

Детям предъявлялись 29 карточек, на каждой из которых содержалось какое-либо описание человека, определяемое его принадлежностью к той или иной социальной группе: половой, возрастной, этнической, религиозной и т.д. Часть из них имела отношение к ребенку, и он мог использовать ее для самоидентификации, часть - нет. Интересующие нас категории регионального, этнонационального и наднационального уровней, как правило, имели альтернативные варианты. Например, для категории регионального уровня "харьковчанин/харьковчанка" существовал и альтернативный вариант "киевлянин/киевлянка". В наборе был представлен ряд карточек с категориями этнонационального уровня: "украинец/украинка", "русский/русская", "грузин/грузинка", "азербайджанец/азербайджанка", "гражданин/гражданка Украины" и т.п., а также широкий спектр категорий наднационального уровня - "славянин/славянка", "кавказец/кавказка", "житель/жительница СНГ", "европеец/европейка" и т.п.

¹ Исследование финансировалось грантом INTAS (OPEN-97 - 1363).

² Ввиду того, что термин "украинцы" в современном украинском языке и общественной жизни употребляется для обозначения как этнической, так и национальной принадлежности, далее употребляется термин "этнонациональная идентичность" как объединяющий эти два понятия.

стр. 60

Таблица 1. Количество детей (в % от общего числа детей в данной выборке), отобравших определенные карточки для самоопределения

Карточки	Возраст				
	6 лет	9 лет	12 лет	15 лет	Все
Харьковчанин/харьковчанка	73.9	83.3	86.7	90.8	83.6

Русский/русская	50.4	33.3	24.2	25.8	33.4
Украинец/украинка	58.0	71.7	65.0	65.8	65.1
Гражданин/гражданка Украины	30.3	56.75	73.3	75.0	58.9
Житель/жительница СНГ	8.4	9.2	8.3	31.7	14.4
Славянин/славянка	10.1	1,%	8.3	34.2	13.6
Европеец/европейка	9.2	6.7	21.7	33.6	17.8

Задание выполнялось в два этапа. На первом все карточки выкладывались на столе перед ребенком в случайном порядке, и ему предлагалось из всего набора выбрать те из них, которые могут быть использованы для самоописания. Ни время выполнения первой части задания, ни количество выбранных карточек не регламентировались.

На втором этапе работа шла лишь с отобранными ребенком карточками. Интервьюер предлагал ребенку выбрать из них одну, самую важную для его самоописания. Выбранную карточку убирали со стола, и процедура повторялась снова, до тех пор, пока не заканчивались все карточки. Тем самым проводилось ранжирование различных общностей по их значимости для самокатегоризации ребенка.

Результаты, полученные на первом этапе, представлены в табл. 1.

Подробный анализ представленных в табл. 1 данных содержится в нашей предыдущей статье [4], поэтому здесь остановимся только на наиболее общих закономерностях развития системы социальных идентификаций у детей и подростков:

1. Формирование системы изучаемых идентификаций начинается с формирования представления о себе как о жителе конкретного города. Позже система пополняется представлениями о своей принадлежности к общностям разного уровня: вначале этнонациональной, позже - гражданской, еще позже - наднациональным общностям (гражданам СНГ, славянам, европейцам). По сути, данная последовательность четко воспроизводит ряд социально-территориальных общностей по степени широты их охвата и одновременно - конкретности- абстрактности: от узкой и конкретной из предлагаемого набора - городской общности - к широким и абстрактным наднациональным группам славян и европейцев. В рамках данного исследования трудно судить о том, насколько универсален данный алгоритм развития системы идентичности, в любом случае его выявление в эксперименте наводит на размышления о более широкой проблеме - связи формирования идентичности с когнитивным развитием ребенка.

2. Серьезные возрастные изменения претерпевает идентификация с русскими. В группе дошкольников - это одна из наиболее популярных идентичностей, не случайно половина детей (50.4%) вне зависимости от своей реальной этнической принадлежности отождествляет себя с русскими. Этому в немалой степени способствует тот факт, что именно русский является языком общения в Харькове. Однако уже к 9-летнему возрасту, очевидно, в силу уточнения собственных представлений о своей этнической принадлежности, количество детей, отождествляющих себя с русскими, существенно сокращается (с 50.4 до 33.3%), и эта тенденция сохраняет свою силу и направленность до 12 лет (24.2%). Учитывая то, что в более позднем возрастном периоде никаких существенных количественных изменений в плане приобщения к русской этнической идентичности уже не наблюдается, 12 лет можно считать рубежным возрастом, в котором в основном завершается период становления этнической идентификации.

3. Украинскую идентичность, очевидно, с полным правом можно назвать этнонациональной. Дело в том, что понятие "украинцы" используется для обозначения и доминирующей этнической группы в Украине, и всех жителей республики вне зависимости от их этнической принадлежности. Если в английском языке понятия "англичане" и "британцы" разведены (как в русском - "русские" и "россияне"), то в украинском для обоих понятий используется одно и то же слово - "украинцы". Эту возможность двоякого толкования данного понятия необходимо иметь ввиду при трактовке полученных результатов. Как следует из табл. 1, дети активно пользуются для самоопределения данной категорией - 65.1% из них выбирает для самоописания соответствующую карточку. Последнее означает, что по частоте встречаемости она занимает в системе национально-территориальных идентификаций второе место после региональной идентичности. Не исключено, что отмеченная выше двойственность толкования этого понятия способствует популярности данной карточки, поскольку позволяет (судя по спонтанным высказываниям детей при проведении исследования) одним детям выбрать ее для уточнения этнической группы, а другим - для

стр. 61

Таблица 2. Количество детей (в % от общего числа детей в данной выборке), выбравших этнонациональную ингруппу по методу свободного выбора категорий самоописания (жирный шрифт) и по методу выбора ингруппы в условиях заданных вариантов соотношений украинской и русской идентичности (светлый шрифт)

Вариант выбора	Возраст				
	6 лет	9 лет	12 лет	15 лет	Все
Только украинец(ка)	32.5/36.3	53.7/22.0	64.0/24.7	60.5/13.6	53.0/24.1
украинец(ка) русский(ая)	> 8.8 /10.0	11.0/25.6	5.6 /37.1	4.9 /28.4	7.5/25.6
украинец(ка) русский(ая)	= /15.0	/26.8	/22.5	/29.6	/23.5
русский(ая) украинец(ка)	> 12.5/22.5	9.8 /7.3	0.0 /13.5	0.0 /25.9	5.4/17.2
Только русский(ая)	27.5/11.3	12.2 /9.8	15.7 /2.2	19.8 /0.0	18.7/5.7
Карточки не выбраны	18.8 /	13.4/	14.6 /	14.8 /	15.4 /
Не знаю	/5.0	/8.5	/0.0	/2.5	/3.9

обозначения своей общенациональной принадлежности.

Если говорить о возрастной динамике идентификации с украинцами, то следует отметить, что уже в 6-летнем возрасте большинство дошкольников (58.0%) отождествляет себя с ними. К 9 годам число использующих данную категорию детей достигает своего пика (71.7%), а к 12 стабилизируется на уровне 65.0%, в дальнейшем не претерпевая существенных изменений. Таким образом, как и в случае с русской идентичностью, можно предполагать, что 12 лет - это возраст, к которому в основном завершается становление этнонациональной идентичности.

2. ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫБОРА ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИНГРУППЫ

В соответствии со второй поставленной задачей, мы должны были изучить возрастные особенности выбора этнонациональной ингруппы детьми и подростками в Украине. Интерес именно к этому уровню идентичности вполне закономерен: если региональная идентичность, как следует из вышепредставленных данных, уже практически сформирована к началу изучаемого нами возрастного периода, а

формирование идентификаций наднационального уровня к концу изучаемого нами возрастного периода находится в начальной стадии, то развитие этнонациональной идентичности происходит как раз в изучаемых в данном исследовании возрастах и поэтому представляет большой интерес для анализа.

Выборы этнонациональной ингруппы мы изучали двумя разными методами. Первый - по соотношению выборов детьми карточек "украинец/украинка" и "русский/русская" в уже описанном выше методе самоидентификации со свободным выбором. Теоретически возможны следующие соотношения этих карточек:

1) ребенок выбирает карточку "украинец/украинка" и не выбирает - "русский/русская";

2) ребенок выбирает обе карточки, но значимость карточки "украинец/украинка" при ранжировании оценивает выше;

3) ребенок выбирает обе карточки, но значимость карточки "украинец/украинка" при ранжировании оценивает ниже;

4) ребенок выбирает карточку "русский/русская" и не выбирает - "украинец/украинка";

5) ребенок не выбирает ни одну из карточек. Варианты 1 и 2 оценивались нами как выбор украинской ингруппы, варианты 3 и 4 - выбор русской ингруппы, вариант 5 как отсутствие выбора этнонациональной ингруппы.

Второй метод, с помощью которого мы определяли ингруппу детей, заключался в анализе выбора ими какой-либо карточки из предложенного набора ("украинец/украинка", "больше украинец/украинка, чем русский/русская", "украинец/украинка и русский/русская в равной степени", "больше русский/русская, чем украинец/украинка", "русский/русская", "не знаю"). Выбор карточки был ответом ребенка на вопрос экспериментатора о том, кем он себя чувствует.

Результаты, полученные обоими методами, представлены в табл. 2.

Бросается в глаза явное несоответствие результатов, полученных с помощью данных двух методов. Разница между результатами минимальна в дошкольном возрасте, постепенно нарастая, она достигает своего максимума у пятнадцатилетних подростков.

Проанализируем данные, полученные методом свободного выбора категорий:

1. Во всех возрастных группах есть дети, которые не идентифицируют себя с предложенными этнонациональными общностями, и их количество во всех группах приблизительно одинаково (около 15%).

С чем может быть связано отсутствие выбора частью детей этнонациональной ингруппы? Мы предположили, что уход от признания своей этнонациональной принадлежности связан с трудностью спецификации этнонациональной принадлежности родителей и проанализировали этнонациональный статус пап и мам. Оказалось, что 26.8% таких детей - из украинских семей; 16.9% - из русских семей; 21.1% - от смешанных браков, когда один из родителей - русский, а другой - украинец; и, наконец, 35.2% - дети из семей более сложно определяемого типа либо в силу того, что национальность одного или обоих родителей бы-

стр. 62

ла неизвестной, либо в силу того, что один из родителей относился к какой-либо иной (не украинской и не русской) этнической группе. Приведенные данные свидетельствуют о том, что нет прямой зависимости между отсутствием выбора этнонациональной ингруппы и сложностью определения собственного этнонационального статуса: почти половина детей, не указавших этнонациональной идентификации, имеют однозначный этнонациональный статус своей родительской

семьи и хорошо осознают его. Таким образом, наше первое предположение не подтвердилось.

Еще одна гипотеза, которую мы проверяли в связи с данной группой детей, состояла в том, что отсутствие выбора карточек "украинцы" и "русские" может быть вызвано отождествлением себя с иной общностью этнонационального регистра, в частности, с "гражданами Украины". Однако данное предположение тоже не подтвердилось: только 44% детей с невыявленной этнонациональной идентификацией указывают на свою гражданскую принадлежность, для всех остальных это нехарактерно. Таким образом, либо на отсутствие выбора этнонациональной ингруппы оказывают влияние какие-то иные, пока не совсем ясные факторы, либо отмеченные факторы действуют в комплексе.

2. С возрастом наблюдается все более жестко выраженная однозначность выбора ингруппы - или "украинцы" или "русские", все варианты, сочетающие оба эти выбора, постепенно сводятся на нет. Это четко прослеживается как в варианте выбора обеих карточек с приписыванием большей значимости украинской идентичности (9.2 - 8.3 - 5.8 - 3.3%), так и еще в более наглядной форме - в варианте выбора обеих карточек с приписыванием большей значимости идентификации с русскими (15.0 - 9.2 - 0.8 - 0%).

Как можно интерпретировать полученный результат? Предположим, что усиливающаяся с возрастом субъективная несочетаемость двух идентификаций - одновременно с украинской и русской общностями - обусловлена изменениями содержательного наполнения понятий "украинцы" и "русские". Для младших возрастных групп харьковского региона, особенно дошкольников, дифференциация данных понятий может осложняться из-за наложения двух критериев; территориального и языкового. Дети, у которых превалирует первый критерий, вне зависимости от национальной принадлежности родителей воспринимают себя как украинцев, поскольку они живут в Украине. Дети, у которых при выборе ингруппы доминирует языковой критерий, опять-таки вне зависимости от национальной принадлежности родителей, воспринимают себя как русских, поскольку практически русский язык является для них языком повседневного общения.

Коль скоро оба эти критерия относительно независимы, в младших возрастных группах часто легко сочетаются обе идентификации, дети относят себя одновременно и к украинцам, и к русским. Более того, когнитивно бесконфликтное сочетание обеих идентификаций возможно и при восприятии данных категорий на разных уровнях: категории "русские" как чисто этнической общности, а "украинцы" - как общенациональной.

3. С возрастом количество детей, выбирающих в качестве ингруппы "украинцев", увеличивается. Значительный скачок происходит в период с 6 до 9 лет. В старших группах изменения в основном связаны с тем, что более мягкие варианты двойной идентификации - одновременно с украинцами и с русскими - практически исчезают, трансформируясь в более жесткие варианты однозначного выбора ингруппы "украинцы".

Сопоставление вариантов выбора этнонациональной ингруппы и этнического состава семьи свидетельствует о том, что только дети из русских семей предпочитают выбор русской общности в качестве ингруппы. Но даже это предпочтение выражено слабо: 48.5% таких детей осуществляют выбор ингруппы в пользу русской общности, а 39.9% - в пользу украинской. Во всех остальных случаях - в семьях украинских, разнонациональных и семьях, в которых национальность одного или обоих родителей не известна ребенку, - выбор ингруппы осуществляется преимущественно в пользу украинской общности. Одним из возможных объяснений данного феномена могут служить статусные характеристики обеих групп, т.е. то, что украинская группа

является не только более многочисленной, то и титульной этнической группой в Украине.

Попытаемся описать расхождение результатов, полученных при использовании разных методических приемов, и понять, чем оно может быть обусловлено. Метод 1 дает картину однозначной идентификации: в ее рамках более чем вдвое большее количество испытуемых демонстрирует как выраженную проукраинскую (53.0% в отличие от 24.1%), так и выраженную прорусскую ориентации (18.7% в отличие от 5.7%). При работе с методом 1 существенно реже встречались более "мягкие" варианты, предполагающие двойное самоопределение (12.9% против 66.3%). Каковы причины данного несоответствия? Казалось бы, обе методики направлены на исследование идентификации испытуемого с определенными общностями и построены по единому принципу (выбор предпочитаемого варианта из заданных).

Мы предполагаем, что в действительности используемые методы выявляют разные аспекты феномена этнонациональной идентичности: метод 1 изучает особенности социального позиционирования, а метод 2 исследует особенности иден-

стр. 63

тификации. Под социальным позиционированием в данном случае мы понимаем то, как сам человек (будь то ребенок, или взрослый) определяет для других свои социальные характеристики, включая принадлежность к определенной общности.

При работе с методом 1, выбирая из предложенного набора социальных категорий подходящие для самоописания, юные респонденты оказывались в ситуации, напоминающей процедуру заполнения личной анкеты. Понятно, что дети в старших возрастных группах чаще сталкивались с подобными заданиями и выработали больший диапазон стереотипных самоопределений. Именно этим может быть объяснена возрастная тенденция выбора все более непротиворечивых самоописаний.

Метод 2 представляет собой субъективную шкалу, полюса которой заданы различными переживаниями: "чувствую себя украинцем" - "чувствую себя русским". С возрастом все меньше детей прибегают для описания своего самоощущения к этим полярным определениям, и все чаще используются промежуточные варианты.

Можно предположить, что описанное смещение ответов к промежуточным позициям шкалы этнонационального самоощущения связано с уже упоминаемым наложением разных критериев, объясняющих этнонациональное самоопределение. Речь может идти о таких критериях, как национальное происхождение, гражданство, культура и язык. Если школьники, описывающие себя как украинцев, по мере взросления все больше осознают свою связь с русской культурой и зависимость от русского языка, то для школьников с русским самоопределением значимыми становятся гражданская принадлежность и связь с украинскими традициями.

3. ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНГРУППЫ

Для решения третьей задачи ребенку в случайном порядке показывали 12 карточек, каждая из которых содержала описание одного личностного качества, и предлагали выбрать те из них, которые подходят к представителям разных этнонациональных групп. Каждому ребенку последовательно предлагалось оценить украинцев, русских, грузин, азербайджанцев, англичан, немцев, американцев, начиная с его ингруппы, определяемой так, как описывалось выше. По сути, был применен вариант метода субъективного шкалирования, при котором используется бинарная система оценки шкалируемых объектов. Перечень шкал-качеств включал личностные прилагательные с выраженной оценочной компонентой, из них - 6 положительные:

умный, чистый, честный, трудолюбивый, дружелюбный, радостный - и 6 отрицательные: глупый, грязный, нечестный, ленивый, недружелюбный, грустный.

Такой набор шкал позволяет получить весьма схематичный набросок, далекий от детализованного портрета, раскрывающего этнонациональную специфику. Однако, в силу фактического отсутствия аналогичных исследований, даже такая грубая реконструкция этнонациональных представлений детей в современной Украине обладает эвристической ценностью. Необходимо учитывать и тот факт, что исследование проводилось в четырех возрастных группах, включая шестилетних детей. Соответственно, предлагаемые качества должны были быть не только понятными, но и "рабочими" для детей, отражая те характеристики, которыми они сами оперируют при описании людей.

Анализ данных субъективного шкалирования проводился отдельно для четырех возрастных групп с учетом выбора ингруппы. Для каждой из 12-ти групп испытуемых, различающихся по двум критериям - возраст и ингруппа, были составлены матрицы частот приписывания двенадцати личностных качеств семи шкалируемым объектам - этнонациональным группам. Представленные в таком виде данные были подвергнуты факторному анализу (метод главных компонент) с последующим Varimax-вращением.

Как оказалось, наибольшей рассогласованностью характеризуются представления дошкольников (табл. 3). Здесь отмечается высокая размерность семантического пространства при низкой объяснительной ценности отдельных факторов: выделившиеся факторы описывают одну - две этнические группы, оставаясь незначимыми для описания других. Тем самым отдельные этнические группы воспринимаются в ситуативно-специфическом контексте. Сравнительно высокая размерность семантического пространства является в данном случае не показателем когнитивной сложности субъекта восприятия, а свидетельством слабой упорядоченности этнических представлений шестилеток.

Первый фактор в группе У (70.1%) содержит противопоставление всех положительных личностных качеств комплексу "грязный - недружелюбный - нечестный". В содержании этого фактора как бы объединяются два модуса субъективного отношения: "приятный - неприятный" и "дружественный - враждебный". Нам представляется, что данная семантическая шкала может быть интерпретирована в контексте оппозиции "свой - чужой". "Своим" при этом щедро приписываются все возможные положительные качества. На противоположных полюсах данного фактора находятся "свои" русские и украинцы, а также "чужие" - грузины, азербайджанцы, немцы.

В группе Р отрицательный полюс первого фактора (описывающего 72.3% общей дисперсии

стр. 64

Таблица 3. Факторная структура этнонациональных представлений дошкольников (6 лет)

Фактор	Ингруппа					
	У (украинцы)		Р (русские)		Н (не определена)	
1.	70.1%		72.3%		62.3	
	трудолюбивый	91	умный	97	дружелюбный	83
	чистый	88	чистый	96	чистый	65
	честный	86	трудолюбивый	92	умный	51

	умный	.74	радостный	.89	радостный	.49
	радостный	.73	нечестный	.88		
	дружелюбный	.72	дружелюбный	.79		
			<i>нечестный</i>	-.85	<i>грязный</i>	-.90
	<i>грязный</i>	-.78	<i>грязный</i>	-.80	<i>недружелюбный</i>	-.88
	<i>недружелюбный</i>	-.77	<i>ленивый</i>	-.56	<i>нечестный</i>	-.47
	<i>нечестный</i>	-.67	<i>глупый</i>	-.54	<i>глупый</i>	-.44
			<i>недружелюбный</i>	-.44		
2.	10.8%		12.6%		12.8%	
	ленивый	.90	грустный	.95	грустный	.94
	грустный	.77	ленивый	.77	нечестный	.64
			недружелюбный	.74		
			глупый	.58		
3.	8.7%				9.8%	
	радостный	.60			грудолюбивый	.88
	дружелюбный	.55			нечестный	.82
	умный	.49			радостный	.69
	глупый	-.91			умный	.67
	<i>нечестный</i>	-.56				
	<i>грустный</i>	-.54				
	<i>недружелюбный</i>	-.54				
4.					8.8%	
					ленивый	.91
					глупый	.86

Светлым шрифтом и курсивом обозначены качества, задающие противоположные полюса одного фактора. Полужирным шрифтом (прямым и курсивом) отмечены качества, определяющие содержание соответствующего фактора во всех группах.

данных) помимо тех, что назывались для группы У, включал также качества "грязный" и "ленивый". Параметр "недружелюбный" получает здесь значительно меньшую факторную нагрузку и является не столь значимым для понимания данного фактора, содержание которого раскрывается в более широком контексте базовой оппозиции "хороший - плохой". При этом одобряемые украинцы и русские противостоят грузинам и азербайджанцам.

Зато в группе шестилеток, чья ингруппа не была определена, качества "недружелюбный - грязный - дружелюбный" получили по первому фактору наибольшие нагрузки и тем самым в наибольшей степени раскрывали его значение. На полюсе "потенциальной враждебности" в этой группе располагаются азербайджанцы и немцы, на противоположном полюсе - американцы.

Второй фактор во всех группах содержит качество "грустный", которое представлено в различных сочетаниях: с "ленивый" - в группе У, с "ленивый - недружелюбный - глупый" - в группе Рис "нечестный" - в группе Н. Значение второго фактора, выявленного в группе детей, чьей ингруппой являются русские, раскрывается

в контексте недружелюбия, потенциальной враждебности. Наименьшее значение по этой семантической шкале получают русские, наибольшее - немцы, ближе всего к которым располагаются украинцы. В свою очередь, в группе детей с украинской идентификацией русские воспринимаются как ленивые и грустные. Отметим, что дети, не выбравшие при самоописании ни одной из пред-

стр. 65

Таблица 4. Факторная структура этнонациональных представлений младших школьников (9 лет)

Фактор N	Ингруппа					
	У (украинцы)		Р (русские)		Н (не определена)	
1.	83%		76.7%		76.5%	
	дружелюбный	.96	дружелюбный	.94	честный	.94
	честный	.94	трудолюбивый	.94	радостный	.89
	умный	.92	умный	.93	умный	.88
	чистый	.92	радостный	.92	трудолюбивый	.88
	трудолюбивый	.91	чистый	.91	дружелюбный	.84
	радостный	.76	честный	.90	чистый	.75
	нечестный	-.96	нечестный	-.96	нечестный	-.97
	грустный	-.95	грязный	-.90	глупый	-.95
	глупый	-.93	недружелюбный	-.89	грязный	-.95
	ленивый	-.90	ленивый	-.88	недружелюбный	-.95
	грязный	-.88	глупый	-.87	ленивый	-.93
	недружелюбный	-.88				
2.			10%		10.4%	
			грустный	.99	грустный	.98

См. примечание к табл.3.

ложенных этнонациональных групп, и по второму фактору наименее негативно оценили американцев.

Третий, самый слабый фактор в группе У, содержит сочетание "глупый - нечестный - грустный - недружелюбный" в противовес "радостный - дружелюбный - умный". В качестве "веселых друзей" выступают украинцы, а в карикатурной роли "глупых неприятелей" воспринимаются немцы и, в гораздо меньшей степени, русские и американцы.

В группе Н третий однополярный фактор описывает украинцев и содержит личностные качества "трудолюбивый - честный - радостный - умный". Четвертый фактор содержит качества "ленивый" и "глупый" и описывает немцев.

1-й и 3-й факторы в группе У являются биполярными, но по сути они имеют единую точку отсчета, относительно которой оцениваются различные этнические группы. В качестве такой исходной точки выступают "свои" (дружелюбные и умные) украинцы. Соответственно, местоположение остальных этнических групп определяется тем, в какой роли по отношению к украинцам они выступают в той или иной ситуации. Именно этим объясняется тот факт, что представителям одной и той же группы могут одновременно приписываться противоположные качества (например,

русские оцениваются как "умные - честные - дружелюбные" по 1-му фактору и как "глупые - нечестные - недружелюбные" - по 3-му). Такой же феномен отмечается в группе Р, только в качестве точки отсчета здесь выступают русские, относительно которых украинцы, в зависимости от контекста, могут оцениваться либо как "радостные - трудолюбивые - дружелюбные", либо как "грустные - ленивые - недружелюбные".

Иная картина наблюдается в группе Н, куда вошли дети, ингруппу которых не удалось определить. Каждый из выявленных здесь четырех факторов задан сравнительно малым числом личностных качеств и служит для описания определенной этнической группы. Тем самым этнические представления детей из группы Н могут быть отражены в виде набора отдельных взаимно не связанных образов- стереотипов: "глупых" немцев из военных фильмов, "трудолюбивых" украинцев, "нечестных" торговцев-грузин. При этом содержание трех факторов из четырех определялось негативными качествами, которые в наименьшей степени связывались с американцами.

Для девятилетних детей в целом характерно снижение размерности исследуемого семантического пространства в сравнении с дошкольниками (табл. 4). В группе У факторизация данных выявила лишь один биполярный фактор, а в группах Р и Н - по одному биполярному и одному униполярному, заданному единственным качеством, фактору.

Первый, наиболее мощный фактор (описывающий от 76.5% до 83% дисперсии данных) во всех группах младших школьников является синкретично-оценочным и, включая противопоставление всех положительных качеств всем социально порицаемым, задает семантическое пространство "принятия - отвержения". В группе У полюс негативной оценки помимо отрицательных личност-

стр. 66

Таблица 5. Факторная структура этнонациональных представлений младших подростков (12 лет)

Фактор N	Ингруппа					
	У (украинцы)		Р (русские)		Н (не определена)	
1.	70.1%		66.2%		71.6%	
	дружелюбный	.90	умный	.96	дружелюбный	.94
	радостный	.90	чистый	.96	честный	.80
	трудолюбивый	.87	радостный	.78	радостный	.59
	честный	.72	трудолюбивый	.75	умный	.50
			дружелюбный	.73		
	недружелюбный	-.88	честный	.45	недружелюбный	-.89
	нечестный	-.87	нечестный	-.88	нечестный	-.87
	глупый	-.82	глупый	-.85	глупый	-.80
	грязный	-.81	грязный	-.77	грязный	-.61
		недружелюбный	-.67			
2.	14.7%		16.2%		22.9%	
	умный	.92	грустный	.92	трудолюбивый	.93
	чистый	.83	честный	.82	чистый	.82

	честный	.62	трудолюбивый	.52	умный	.81
	<i>грустный</i>	-.84	дружелюбный	.52	честный	.53
	<i>ленивый</i>	-.83	<i>ленивый</i>	-.79	<i>ленивый</i>	-.86
	<i>грязный</i>	-.52	<i>грязный</i>	-.55	<i>грязный</i>	-.70
	<i>глупый</i>	-.46			<i>глупый</i>	-.47
					<i>грустный</i>	-.45
См. примечание к табл. 3.						

ных качеств включает также качество "грустный". В двух других группах качество "грустный" выделяется в самостоятельный, хотя и достаточно слабый фактор (описывающий около 10% дисперсии данных).

Распределение различных этнических групп на шкале недифференцированной оценки, описываемой первым фактором, выглядит следующим образом. В группе У "положительные" украинцы в компании с англичанами противостоят "плохим" немцам и грузинам. В группе Р "хорошие" русские в компании с теми же англичанами противопоставлены грузинам, немцам и азербайджанцам. Зато дети из группы Н демонстрируют наибольший демократизм, воспринимая как равно "хороших" американцев, украинцев, англичан и русских, которые составляют оппозицию немцам.

Как наиболее грустных младшие школьники в группе Р воспринимают грузин, украинцев и азербайджанцев, зато немцы и американцы видятся ими как наименее грустные. Для младших школьников из группы Н наиболее грустными являются азербайджанцы, наименее - немцы, украинцы и англичане.

Во всех трех группах младших подростков анализ данных выявил два значимых биполярных фактора (табл. 5).

Один из полюсов 1-го, самого мощного фактора (описывает в разных группах от 66.2 до 71.6% общей дисперсии), был задан во всех группах младших подростков качествами: недружелюбный, печальный, глупый, грязный. Содержание противоположного полюса хотя и изменялось в разных группах, но во всех случаях было связано с качествами: радостный, дружелюбный и в меньшей степени - честный. Тем самым речь идет о знакомой уже оппозиции "свой - чужой". Только если в группе детей, идентифицирующих себя с украинцами, крайнюю позицию на полюсе "свой" занимают украинцы, то для детей с русской идентичностью "своими" оказались русские и англичане. В группе Н, в которую вошли подростки, не идентифицировавшие себя ни с украинцами, ни с русскими, в качестве "своих" ("дружественных") воспринимаются представители титульной национальности - украинцы. На противоположном полюсе для детей этой группы, так же как и для детей с украинской идентичностью, находятся немцы и грузины.

Во 2-м, сравнительно слабом факторе, один из полюсов задан во всех группах сочетанием "ленивый - грязный" (в группах У и Н к этим негативным качествам добавляются "глупый" и "грустный"). Противоположный полюс в этих двух группах содержит качества "умный - чистый - че-

стр. 67

Таблица 6. Факторная структура этнонациональных представлений старших подростков (15 лет)

Фактор	Ин группа		
	У (украинцы)	Р (русские)	Н (не определена)

N						
1.	57.5%		57%		50.9%	
	умный	.85	чистый	.95	трудолюбивый	.62
	чистый	.84	умный	.89	честный	.50
	честный	.78	честный	.51	чистый	.49
			трудолюбивый	.46	умный	.48
	нечестный	-.91	глупый	-.91		
	глупый	-.88	нечестный	-.90	нечестный	-.97
	ленивый	-.63	грязный	-.86	грязный	-.89
	грязный	-.62	ленивый	-.76	глупый	-.53
2.	16.9%		24.6%		22.9%	
	радостный	.96	радостный	.93	дружелюбный	.88
	трудолюбивый	.95	дружелюбный	.93	радостный	.74
	дружелюбный	.77	трудолюбивый	.82	ленивый	.86
			честный	.77		
	недружелюбный	-.77	недружелюбный	-.75		
	грязный	-.58	грязный	-.40		
			грустный	-.40		
3.	10.1%		9.5%		12.3%	
	грустный	.89	грустный	.85	грустный	.90
	грязный	.45	недружелюбный	.53	умный	.79
			ленивый	.41	трудолюбивый	.73
					недружелюбный	-.87
					глупый	-.49
					радостный	-.47
См. примечание к табл. 3.						

стный" (в группе Н добавляется также "трудолюбивый"), что указывает на формирование у младших подростков нового критерия межнационального восприятия, связанного с уровнем жизни, уровнями экономического и социально-культурного развития страны, в которой проживает та или иная этническая группа. Этот новый критерий может быть охарактеризован как "цивилизованность - отсталость". Данная оппозиция независима от оппозиции "свой - чужой" и отличается от последней преобладанием когнитивного компонента. Если в рамках "свой - чужой" определяющим является эмоциональное отношение к оцениваемому объекту, то оппозиция "цивилизованный - отсталый" открывает возможность для более объективной оценки. Наиболее разнесенными на этой семантической шкале оказались: англичане и американцы, как яркие носители добродетелей цивилизации, - на одном полюсе и грузины с азербайджанцами - на другом. При этом в обеих группах украинцы воспринимаются как "слаборазвитая" этническая группа, близкая к азербайджанцам и грузинам.

В группе Р 2-й фактор получает содержание, отличное от описанного для групп У и Н. Качествам "ленивый - грязный" здесь противопоставлен комплекс "грустный - честный - трудолюбивый - дружелюбный". Нам представляется, что два образа могут быть предложены в качестве ключевых для понимания семантики данного фактора: "честного труженика" и "лентяя-бездельника". Как ни парадоксально, но по результатам исследования в роли последнего воспринимаются немцы и американцы, а

в роли их оппонентов - англичане. Русские и украинцы также располагаются на оси "честного труда", несколько уступая в этой добродетели англичанам.

Во всех трех группах 15-летних факторный анализ данных выявил три значимых фактора, близких по весу и набору задающих их шкал - личностных характеристик (табл. 6).

1-й, самый мощный фактор (объясняет от 50.9 до 57.5% общей дисперсии), задан во всех трех группах противопоставлением качеств "умный", "чистый", "честный" (а также "трудолюбивый" - в группах Р и Н) сочетанию качеств "глупый",

стр. 68

"грязный", "нечестный" (в группах У и Р добавляется "ленивый"). В приведенном наборе качеств узнается фактор "цивилизованности", который становится ключевым в системе этнонациональных представлений в старшем подростковом возрасте. На полюсе "цивилизованности" располагаются англичане и немцы - в группах У и Р, либо американцы и немцы - в группе Н. Оппозицию им для всех трех групп составляют грузины (для группы Р - грузины вместе с азербайджанцами). Не последнюю роль здесь играют стереотипные представления о "лицах кавказской национальности". В наиболее типичных ассоциациях, проявившихся в высказываниях детей разных возрастных групп, грузины и азербайджанцы связывались с войной в Чечне, низким уровнем жизни, торговлей на базарах, общественным порицанием.

Группы "украинцы" и "русские" занимают на данной биполярной семантической шкале центральную область. Тем самым значение описанной оппозиции "цивилизованный/культурный - неразвитый" раскрывается в контексте противопоставления "мы (украинцы и русские) - они". При этом "они" не однородны и распадаются на две группы - представителей кавказской и западноевропейской культур, жителей "ближнего" и "-дальнего" зарубежья.

Содержание 2-го, также биполярного фактора, в группах У и Р задано противопоставлением качеств "радостный - трудолюбивый - дружелюбный" и "недружелюбный - грязный" (в группе Р оно дополняется качествами "честный" - для первого полюса и "грустный" - для второго). Данный фактор объясняет различие между "своими" дружественными украинцами и русскими - с одной стороны, и "чужими", потенциально враждебными немцами и азербайджанцами - с другой. В группе подростков, не идентифицировавших себя с какой-либо определенной этнической группой, 2-й фактор задает однополюсную семантическую шкалу, объясняющую, как и в двух других группах (У и Р), различие между немцами и азербайджанцами (минимальные показатели) и украинцами (максимальный показатель). (Отметим, что группа "русские" занимает промежуточное положение на данной шкале.) Содержание этого однополярного фактора определяется комбинацией качеств "дружелюбный - радостный", которую дополняет не "трудолюбивый", как это отмечалось в группах У и Р, а "ленивый", что указывает на определенную критичность и отстраненность в отношении украинцев, оцениваемых в целом как доброжелательных.

Последний, 3-й фактор, объясняющий от 9.5 до 12.3% общей дисперсии, является самым слабым во всех трех группах старших подростков. В группах У и Р содержание этого однополярного фактора определяется прежде всего качеством "грустный", которое в группе У сочетается с качеством "грязный", а в группе Р - с качествами "недружелюбный" и "ленивый". Если в группе подростков, идентифицирующих себя с украинцами, данный фактор описывает "несчастливого человека" (наиболее высокий показатель по данному фактору получили азербайджанцы, наименьший - американцы), то в группе подростков с русской идентификацией скорее

подразумевается "недовольный человек" - неудовлетворенный своей жизнью и желающий улучшить ее за счет других людей (в наименьшей степени это свойство приписывается англичанам, в наибольшей - немцам).

В группе старших подростков, чья ингруппа не была определена, 3-й фактор является биполярным и также включает качество "грустный", но в сочетании с качествами "умный - трудолюбивый". Противоположный полюс задан качествами "недружелюбный, глупый, радостный". В центральном диапазоне этой семантической шкалы соседствуют русские и украинцы (а также грузины), противопоставляясь как "правильным", но озабоченным англичанам и немцам, так и легкомысленно-враждебным азербайджанцам.

* * *

Обобщая результаты исследования возрастной динамики этнонациональных представлений с учетом ингруппы, отметим:

1. Дошкольники оценивают свою ингруппу как безусловно положительную. Альтернативная группа ("русские" для детей с ингруппой "украинцы" и, наоборот, "украинцы" для детей с ингруппой "русские") хотя и воспринимается шестилетками как близкая к ингруппе, тем не менее, ее представителям приписываются выраженные негативные качества. Для дошкольников, не идентифицирующих себя с определенной этнической группой, наиболее привлекательными являются американцы.

2. Выбор ингруппы у младших школьников связан с наиболее высокой ее оценкой в сравнении с другими этническими группами. Наиболее близкими к ингруппе воспринимаются "англичане", а не представители альтернативной группы. Младшие школьники, ингруппа которых не была определена, не демонстрируют выраженного предпочтения какой-либо одной этнической группы.

3. Этнические представления младших подростков характеризуются наиболее высокой оценкой представителей своей ингруппы. 12-летние школьники, не причисляющие себя к какой-либо этнической группе, как "своих" воспринимают представителей титульной национальности.

4. Для старших подростков, независимо от того, украинцы или русские выступают для них в

стр. 69

качестве ингруппы, "своими" являются и украинцы, и русские. Старшеклассниками с несформированной этнической идентичностью наиболее близкими воспринимаются представители титульной национальности.

Основные тенденции развития этнонациональных представлений у детей и подростков следующие:

* С возрастом повышается когнитивная сложность этнонациональных представлений у детей. Это проявляется в увеличении размерности семантического пространства, а также в том, что описывающие данное пространство факторы получают более сложное содержание (включают большее число отдельных шкал - личностных качеств, которые образуют более сложные сочетания) и обладают большей объяснительной ценностью.

* Мы предполагаем, что повышение когнитивной сложности этнонациональных представлений объясняется рядом взаимосвязанных причин: развитием самих когнитивных структур, расширением опыта межнационального взаимодействия, большей информированностью о различных этнических группах, а также рефлексией этнических представлений.

* С возрастом изменяется структурная организация этнонациональных представлений: на основе действующей базовой оппозиции "свой - чужой" происходит формирование оппозиции "мы - они".

в этнических представлениях шестилеток оппозиция "свой - чужой" включает два модуля переживания: "приятный - неприятный" и "дружественный - враждебный";

у девятилетних модуль "приятный - неприятный" трансформируется в "хороший - плохой" и вместе с оппозицией "дружественный - враждебный" формирует единую шкалу оценки, представляющую собой следующий этап развития оппозиции "свой - чужой";

у детей 12 лет дихотомия "свой - чужой" начинает регулировать более узкую область отношений, а ее содержательное наполнение сужается до оппозиции "дружественный - враждебный", которая на данном возрастном этапе является еще определяющей.

К 12 годам дети начинают руководствоваться еще одним критерием при оценке этнических групп - представлениями об уровнях жизни, экономического и социально-культурного развития страны, в которой проживает та или иная этническая группа: это критерий "цивилизованность - отсталость", независимый от оппозиции "свой - чужой".

У 15-летних подростков оппозиция "цивилизованный - отсталый" становится доминирующей в процессе восприятия этнонациональных общностей, при том, что оппозиция "свой - чужой" также участвует в функционировании системы их этнонациональных представлений. Можно предположить, что за формированием семантической шкалы "цивилизованный - отсталый" стоит иная базовая дихотомия "мы - они", включающаяся в процесс регуляции этнонациональных отношений.

Начиная с работ Б. Ф. Поршнева [5], в отечественной психологии сложилась традиция рассматривать процесс развития этнического сознания, привлекая в качестве объяснительной категории оппозицию "мы - они". При этом "мы" является той точкой отсчета, относительно которой воспринимаются, рассматриваются и оцениваются другие этнонациональные общности. А. К. Байбури предлагает рассматривать дихотомию "мы - они" как одно из проявлений базовой оппозиции "свое - чужое" [1].

Нам думается, что отправной точкой в развитии системы этнонациональных отношений и представлений является оппозиция "свой - чужой", которая определяет восприятие и отношение к представителям разных групп. В этой оппозиции эмоциональное и когнитивное, субъективное и объективное еще не дифференцированы и выступают в слитности. По мере развития самого ребенка, а также накопления им знаний о различных этнонациональных общностях и опыта личных межнациональных контактов базовая оппозиция "свой - чужой" претерпевает определенные трансформации. На ее основе формируется новая дихотомия "мы - они", в которой преобладает когнитивное начало и которая со временем начинает функционировать относительно автономно, надстраиваясь над оппозицией "свой - чужой". Иными словами, оппозиция "свой - чужой" не исчезает, но регулируемая ею сфера сужается, что и демонстрирует наше исследование.

ВЫВОДЫ

1. Формирование системы территориальных и этнонациональных идентификаций начинается у детей и подростков Украины с идентификации себя с общностью регионального уровня - городской, позже система пополняется разными видами идентификаций национального уровня - вначале этнической и национальной, затем - гражданской; наконец, в нее начинают включаться идентификации с общностями наднационального уровня.

2. Выбор этнонациональной общности как ингруппы является ключевым моментом для исследуемого возрастного периода, учитывая то, что региональная идентичность к данному возрасту уже практически сформирована, а процесс формирования

стр. 70

мирования идентификаций наднационального типа только начинается. Во всех возрастных группах около 15% детей уходят от этнонациональной идентификации. Последнее не связано с трудностью объективного этнонационального самоопределения и не подменяется развитием гражданской идентичности.

3. С возрастом количество детей, выбирающих в качестве ингруппы украинцев как общенациональную общность, возрастает, в то время как количество детей, выбирающих в качестве ингруппы украинцев как этническую общность падает. Только у детей из русских семей относительное преимущество отдается русской общности в качестве ингруппы, во всех остальных случаях - приоритет остается за украинской общностью.

4. С возрастом отмечается повышение когнитивной сложности этнических представлений; это проявляется в увеличении размерности семантического пространства, а также в том, что описывающие данное пространство факторы получают более сложное содержание и обладают большей объяснительной ценностью.

5. Базовая оппозиция, лежащая в основе системной организации этнических представлений, может быть описана как "свое - чужое". В этнических представлениях шестилеток дихотомия "свой - чужой" раскрывается преимущественно через оппозицию "хороший - плохой". У девятилетних отмечается слияние двух контекстов: "хороший - плохой" ("одобряемый - осуждаемый", "принимаемый - отвергаемый) и "дружественный - враждебный". Для детей 12 лет оппозиция "дружественный - враждебный" становится определяющей. В качестве критерия выступают представления об уровнях жизни, экономического и социально-культурного развития страны, в которой проживает та или иная этническая группа. Это критерий-оппозиция, который может быть охарактеризован как "цивилизованность-отсталость" и внеположен оппозиции "свой - чужой", отличаясь от нее преобладанием когнитивного компонента. Оппозиция "цивилизованный -отсталый" открывает возможность для более объективной оценки и может рассматриваться как проявление дихотомии "мы - они".

6. Этнонациональные представления связаны с выбором ингруппы. Особенно ярко это проявляется в оценке двух наиболее представленных в исследуемом регионе общностей: украинской и русской. Дети, выбирающие в качестве ингруппы украинцев, оценивают последних максимально высоко; выбирающие в качестве ингруппы русских, соответственно отдают им и приоритет по эмоционально-оценочным характеристикам. Уход от идентификации с какой-либо этнической группой и от выбора этнонациональной ингруппы сочетается в младшем возрасте с более высокой субъективной оценкой американской общности, а у старших детей - с более высокой оценкой титульной общности.

7. Связь между представлениями о потенциальных ингруппах (и их оценкой) и выбором ингруппы не является жесткой и однозначной, так как возрастные изменения данных феноменов не идентичны. Динамика представлений о русских и украинцах заключается в следующем: в трех младших возрастных группах отмечается усиливающаяся с возрастом тенденция противопоставления собственной ингруппы и альтернативной этнической общности, однако в оценках старшеклассников обе этнические группы - украинская и русская - являются близкими независимо от выбора ингруппы. Что касается возрастной динамики выбора этнонациональной общности в

качестве ингруппы, то необходимо различать социальное позиционирование, т.е. определение ребенком своей ингруппы для других, и собственно формирование ведущих социальных идентификаций. В первом случае возрастную динамику можно описать как последовательное движение от возможных двойственных вариантов позиционирования в младших возрастных группах (одновременно "украинцы" и "русские") ко все более однозначному выбору в старших возрастных группах (либо "украинцы", либо "русские"). В случае формирования идентификаций возрастная динамика будет прямо противоположной: от жесткой однозначности ощущения себя только украинцем или только русским к более мягким двойственным вариантам. Однако ни в том, ни в другом случае описанная динамика не совпадает с динамикой формирования этнонациональных представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байбурин А. К.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 3 - 17.

2. *Гнатенко П. И., Павленко В. Н.* Идентичность: философский и психологический анализ. Киев: Арт-Пресс, 1999.

3. *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора: социально- психологический анализ. М.: ИЭА РАН, 1997.

4. *Павленко В., Кряж И., Иванова О., Барретт М.* Возрастные особенности системы социальных идентификаций и этно-национальных представлений в Украине // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / Под ред. М. Барретта, Т. Рязановой, М. Воловиковой. М.: ИП РАН, 2001. С. 105 - 132.

5. *Поршнев Б. Ф.* "Мы и они" как конститутивный принцип психической общности // Материалы III Всесоюзного съезда общества психологов. М., 1968. Т. 3. Вып. 1. С. 47 - 61.

стр. 71

6. *Снежкова И. А.* К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества (по материалам Киевской и Закарпатской областей) // Советская этнография. 1982. N 1. С. 80 - 89.

7. *Солдатова Г. У.* Этническая идентичность и этно- политическая мобилизация // Демократизация и образцы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 296 - 367.

8. *Стефаненко Т.* Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. М.: ЦСО РАО, 1998. Т. 4. Вып. 6. С. 85 - 104.

9. *Шульга Н. А.* Этническая самоидентификация личности. Киев: Институт социологии НАН Украины, 1996.

стр. 72

Былова В.М. Представления коми и русских друг о друге⁹

Автор: В.М. Былова. Доктор психол. наук, профессор кафедры педагогики и новых педагогических технологий Сыктывкарского государственного университета, Сыктывкар

⁹ Былова В.М. Представления коми и русских друг о друге /В.М. Былова// Психологический журнал, 2000. №1. С. 87-92.

Анализируются результаты эмпирического исследования авто- и гетеростереотипов студенческой молодежи Республики Коми. Выявлены этнические различия в направленности и содержании авто-и гетеростереотипов представителей разных этнических групп.

Ключевые слова: этнический стереотип, автостереотип, гетеростереотип.

Проблема этнических стереотипов до сих пор недостаточно исследована, хотя в процессе тесного межэтнического общения происходит не только оценка личностных и общечеловеческих качеств, но и восприятие и оценка национальных особенностей. Межэтнические отношения на личностном уровне проявляются в установках и ориентациях, настроениях и поведении, этнических стереотипах. Несмотря на длительную историю взаимодействия русской и коми культур, сравнительному эмпирическому изучению этностереотипов русских и коми посвящено очень мало работ.

В отечественной научной литературе вопросам межнациональных отношений, связанных с уровнем развития этнического самосознания, с особенностями авто- и гетеростереотипов, уделяется недостаточно внимания. Почти отсутствуют исследования гендерных особенностей этнических стереотипов в разных культурах России, что искажает картину социальной перцепции межэтнического взаимодействия. На практике нередко встречаются большие различия в этнических стереотипах мужчин и женщин в разных культурах [2, 3].

Отечественные ученые (А.А. Реан, М.Ю. Ермишкин) указывают на необходимость серьезного отношения к расхожим в обыденной жизни национальным характеристикам. Функционирование стереотипов на двух уровнях отношений (межгрупповом и межличностном) осложняет решение проблемы их объективных и субъективных детерминант [5].

Практическое решение проблемы оптимизации межэтнических отношений настоятельно требует изучения этнических стереотипов, ибо они создают благоприятную почву для манипулирования массовым сознанием и выработки негативных установок по отношению к представителям других этносов. Следует всячески избегать возникновения национальных стереотипов и предрасположений и применения их в образовательной политике и педагогической практике. Это ставит перед специалистами прикладную задачу по коррекции неадекватных гетеростереотипов [4]. П.Н. Шихирев указывает на общую тенденцию, наблюдаемую в большинстве регионов, - это оживление, заострение этнических стереотипов, причем действующий этнический стереотип особо жестко фиксирован, чрезвычайно эмоционально насыщен, почти не поддается произвольному изменению [11]. Работа отечественных ученых показала, что слушатели программы межкультурного тренинга в ходе психологической подготовки к межэтническому общению постепенно освобождались от стереотипного восприятия представителей других этнических групп. Однако идентификация представителей этносов, далеких по культурным характеристикам, значительно затруднена [6].

Этнические стереотипы служат формой проявления национального характера и выступают в качестве эмпирического индикатора характерологического своеобразия этнической общности. В отечественной социальной психологии этнический стереотип трактуется как социально обусловленный схематический стандартный образ своей этнической общности (автостереотип) или других этнических общностей (гетеростереотип). Как правило, автостереотипы содержат комплекс положительных оценок, а гетеростереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными в зависимости от исторического опыта взаимодействия народов.

Чаще всего этнический стереотип возникает из-за ограниченности межэтнического общения, причем стереотипы влияют на возникновение этнических антипатий или этнических симпатий [1].

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта N 98-06-08038А).

стр. 87

По мнению зарубежных авторов, стереотипы несут в себе важную функцию "экономии мышления", свойственную большинству людей с невысоким уровнем образования. Стереотип формируется как в процессе непосредственного межэтнического общения, так и на неорганизованных формах передачи информации (слухи, анекдоты, поговорки), на предубеждениях, передается через художественную литературу и фольклор [10].

Данные социологического опроса по Республике Коми [12] показывают, что предубеждения и негативные национальные стереотипы в массовом сознании распространены достаточно широко. Так, наличие напряженности отмечается между коренными (в 30% случаев) и пришлыми (23%) северянами. Среди причин, вызывающих напряженность в отношениях, следует отметить низкую культуру межнационального общения (44.8% опрошенных), хищническое отношение приезжих к природе Севера (23%), экономическую ситуацию, различия в размерах заработков (18.5% - коми и 12.5% - пришлые), особенности национального характера (1% - коми и 12.5% - некоренные), ущемление прав коренных народов (8% - коми и 5.4% - некоренные).

Общая гипотеза нашего исследования состояла в том, что содержание и направленность этнических стереотипов обусловлены особенностями самоотношения, а также факторами пола и непосредственным обыденным опытом межэтнического общения в национально-смешанных семьях. Авто- и гетеростереотипы в выборке этнических маргиналов отличаются более выраженной позитивностью по сравнению с выборками коми и русских.

Настоящая работа предполагала изучение, во-первых, особенностей авто- и гетеростереотипов молодежи разных этнических групп. Во-вторых, интерес вызывали особенности эмоциональных компонентов межэтнического восприятия девушками и юношами. В-третьих, выяснялись психологические факторы оценки представителей своего и "чужого" этноса.

В данной работе для исследования этностереотипов использован комплекс методических приемов невербального и вербального характера, что позволило рассмотреть элементы этнического самосознания

Таблица 1. Результаты ЦТО в выборках девушек

Этнические группы	Типичный русский		Типичный коми		Я-образ	
	В	Н	В	Н	В	Н
Русские	3.54	3.12	5.54	5.59	2.44	2.93
Коми	3.91	3.37	4.42	4.26	2.66	3.57
Этнические маргиналы	3.48	2.65	4.82	4.68	3.15	3.93

(образ Я, авто-, гетеростереотипы) на двух уровнях: неосознаваемом и осознаваемом.

МЕТОДИКА

В исследовании принимали участие студенты разных курсов и факультетов Сыктывкарского госуниверситета. Выборочную совокупность составили представители коми и русского этносов, а также этнические маргиналы (коми-русские): 372 чел. - юноши и девушки 18-25 лет.

Для выявления эмоциональных компонентов межэтнического восприятия, направленности и содержания авто-, гетеростереотипов был выбран цветовой тест отношений (ЦТО). В качестве вербального метода использовался тест Т. Лири. В процессе исследования испытуемым предлагалось решить, относится ли то или иное утверждение из списка характерологических свойств методики Лири к одному из вариантов: к нему самому как носителю определенного этноса (Я-образ); к образу "типичного русского" или к образу "типичного коми". Статистическая обработка включала вычисление параметров "Доминирование" и "Дружелюбие", которые выступают главными компонентами при анализе стиля межличностного поведения представителей разных этнических групп. Невербальный метод ЦТО включал две серии экспериментов: в первой предлагалось проранжировать цветные карточки в порядке предпочтения - от самого предпочитаемого до наименее; во второй давалась инструкция подобрать цвет, наиболее подходящий к образу "типичного коми", и- цвет, наиболее подходящий к образу "типичного русского". Кроме того, предлагалось выбрать цвет, наиболее подходящий к Я-образу как носителю соответствующего этноса. После завершения цветоассоциативной процедуры необходимо было прокомментировать цветные выборы, характеризующие "типичного коми". Статистическая обработка проводилась с учетом двухмерного параметрического пространства, образованного характеристиками валентности (В) и нормативности (Н). Эти параметры интерпретируются как показатели эмоционального притяжения или отвержения, позитивности или негативности социального стимула. Валентность измеряет позицию ассоциируемого цвета в индивидуальной цветовой раскладке, а нормативность оценивает позицию этого цвета в раскладке, условно рассматриваемой как "нормальная" или аутогенная норма, подтвержденная в работе психологов Санкт-Петербургского университета (Ю.И. Филимоненко, В.М. Нестеров, А.И. Юрьев, 1982). Показатели В и Н Могут принимать значения от 1 до 8 [9].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В табл. 1 представлены показатели цветового теста отношений в выборках девушек разных этнических групп.

Показатели валентности (В) и нормативности (Н) отражают определенные различия этнических групп. Оценка "типичного русского" в выборках русских девушек и этнических маргиналов значительно выше оценки "типичного коми" (3.54 по сравнению с 5.54 и 3.48 по сравнению с 4.82).

В выборке коми-девушек показатели отражают тенденцию к более высокой оценке русского, чем коми (3.91 против 4.42). Кроме того, выявлено рассогласование показателей В и Н в оценке Я-образа (2.66 по сравнению с 3.57), причем показатель нормативности (3.57) близок таковому в оценке русского (3.37). Выявлена более позитивная оценка Я-образа коми-девушек (2.66) по сравнению

стр. 88

с оценкой "типичного коми" (4.42). Полученные данные отражают стремление коми-девушек соответствовать образу русского при негативном восприятии представителей своей этнической группы. Выборка этнических маргиналов в оценке Я-образа и "типичного русского" обнаружила много общего (3.15 и 3.48), причем показатели нормативности отражают выраженную тенденцию к идентификации с русским этносом (2.65 против 3.93).

Сопоставление присуждаемых цветов в выборке русских девушек (85 чел.) показало, что наиболее предпочитаемыми цветами "типичный русский" оценивался в 57% случаев, а коми - в 18%. Самый предпочитаемый цвет (красный) чаще всего приписывался русскому (31% испытуемых) в отличие от коми (10%). Наименее предпочитаемыми цветами, прежде всего серым и коричневым, русский оценивался в 23% случаев, а коми - в 59%.

В выборке коми-девушек (82 чел.) не выявлено значимых различий в присуждении наиболее предпочитаемых цветов: 40% - коми и 49% - русский, причем с образом "типичного русского" чаще всего ассоциировался красный цвет, а с коми - зеленый. Наименее предпочитаемыми цветами русский оценивался в 25% случаев, а коми - в 35%, причем чаще всего с коричневым цветом. По диаграмме предпочтения оценка коричневого цвета низкая, что отражает невысокое мнение о представителях своего этноса.

В выборке девушек - этнических маргиналов (83 чел.) наиболее предпочитаемыми цветами русский оценивался в 55% случаев, а коми - в 23%, причем самый предпочитаемый (красный) приписывался исключительно русскому, а с образом коми чаще всего ассоциировался зеленый цвет. Наименее предпочитаемыми цветами русский оценивался в 25% случаев, а коми - в 43%, причем с образом коми ассоциировались коричневый и серый цвета, а с образом русского - красный и серый. Таким образом, в выборках девушек русского этноса и маргиналов эмоциональные притяжения русского значительно выше, чем коми, а в выборке коми-девушек выявлено эмоциональное неприятие своего этноса.

В табл. 2 представлены показатели цветового теста отношений в выборках юношей разных этнических групп.

В выборке русских юношей (43 чел.) полученные данные отражают весьма низкую оценку "типичного коми" по сравнению с "типичным русским": показатель валентности автостереотипа (3.11) значительно отличается от валентности гетеростереотипа (5.28). $T = 3.56$; $p < 0.001$.

В выборке коми юношей (41 чел.) показатели валентности близки (3.17 и 3.93), что свидетельствует об эмоциональном притяжении как коми, так и

Таблица 2. Результаты ЦТО в выборках юношей

Этнические группы	Типичный русский		Типичный коми		Я-образ	
	В	Н	В	Н	В	Н
Русские	3.11	3.42	5.28	5.25	2.44	4.22.
Коми	3.93	3.50	3.17	4.10	2.27	3.77
Этнические маргиналы	3.87	3.51	4.23	4.90	2.67	4.69

русского. В выборке юношей-маргиналов (38 чел.) не обнаружено значимых различий в оценках русского и коми: показатели валентности 3.87 и 4.23. Однако показатели нормативности отражают более высокую оценку "типичного русского" по сравнению с коми: 3.51 и 4.90. $T = 2.53$; $p < 0.05$.

Оценка Я-образа во всех этнических группах юношей отличается более выраженной позитивностью по сравнению с автостереотипами, что отражает низкую этническую идентификацию. Выявлено расхождение в показателях В и Н, что может быть связано с этническим самоопределением.

Обнаружены выраженные различия цветовых предпочтений в выборке русских юношей. Наиболее предпочитаемыми цветами "типичный русский" оценивался в 69% случаев, а коми - лишь в 19%. Наименее предпочитаемыми цветами русский

оценивался в 11% случаев, а коми - в 47%, причем чаще всего серым и коричневым. Выборка коми-юношей в целом отличалась эмоциональным приятием как русского, так и коми. Наиболее предпочитаемыми цветами русский оценивался в 57% случаев, а коми - в 66%, причем с образом русского ассоциировались синий (35% испытуемых) и красный цвета (29%), а с образом коми - преимущественно зеленый. В выборке юношей-маргиналов наиболее предпочитаемыми цветами русский оценивался в 53% случаев, а коми - в 40%, причем с образом коми чаще ассоциировался зеленый цвет (42% испытуемых), а также серый (33%). С образом русского ассоциировались зеленый, красный, желтый и серый. Наименее предпочитаемыми цветами русский и коми оценивались в равной степени.

Таким образом, в выборках юношей проявился устойчивый позитивный характер восприятия "типичного русского" и менее позитивный - коми.

Представляют интерес характерные комментарии молодежи русского этноса относительно психологического содержания цветовых выборов для оценки "типичного коми". Зеленый цвет чаще всего указывал на связь коми с природой, лесом, тайгой: "Человек, находящийся во взаимосвязи с природой, более спокойный, уравновешенный"; "Лес - непредсказуемость". Эмоциональное значение зеленого цвета имеет прямое отношение к

стр. 89

Таблица 3. Показатели векторов доминирования и дружелюбия (в баллах) в выборке молодежи

Этнические группы	Доминирование			Дружелюбие		
	Типичный коми	Типичный русский	Я-образ	Типичный коми	Типичный русский	Я-образ
Коми	-2.59	48.60	-0.09	6.89	-0.59	3.19
Девушки русские	-0.40	13.16	-0.24	-0.90	2.67	1.73
Маргиналы	-0.33	20.20	0.10	0.17	-3.59	1.39
Коми	-0.11	2.78	0.76	7.06	-1.52	-2.21
Юноши русские	0.54	6.78	0.95	-3.72	-1.07	0.01
Маргиналы	-0.95	3.40	2.69	-1.16	-1.04	0.15

стереотипным представлениям о коми, как людях уравновешенных, сдержанных, спокойных, однако непредсказуемых. Красный цвет отражал чаще всего глубокое внутреннее содержание, эмоциональное тепло, скрытое за внешней сдержанностью, замкнутостью, спокойствием: "Улыбка, теплота внутренняя, некоторая замкнутость, скрытность". Синий цвет выявлял психологические особенности, приписываемые коми: "Отдаленность, холодность, умеренность, спокойствие". Серый цвет прежде всего указывал на особенности межличностного восприятия и эмоционально означал незначимость, неинтересность, незнакомость: "Самые заурядные, обыкновенные".

В целом, комментарии русской молодежи отражали эмоциональность восприятия представителей коми этноса, свидетельствовали о поверхностном опыте общения.

В комментариях молодежи коми этноса о "типичном коми" зеленый цвет являлся показателем следующих характеристик: "Гармония с миром, связь с природой, любовь к природе, упорство, благорасположенность к другим". Синий цвет чаще всего отражал абстрактные понятия и в меньшей

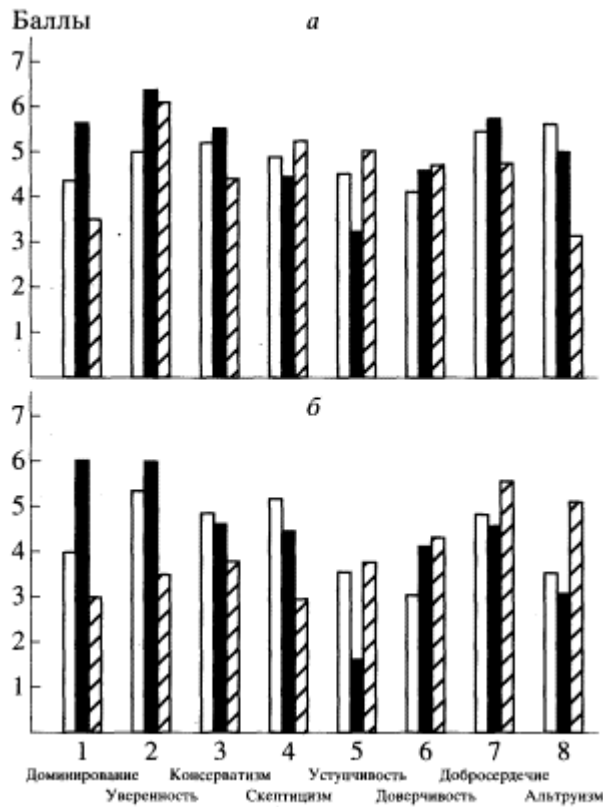

Рис. 1. Авто- и гетеростереотипы русских (а) и коми (б) юношей. Светлый столбик - Я-образ, темный - "типичный русский", заштрихованный - "типичный коми".

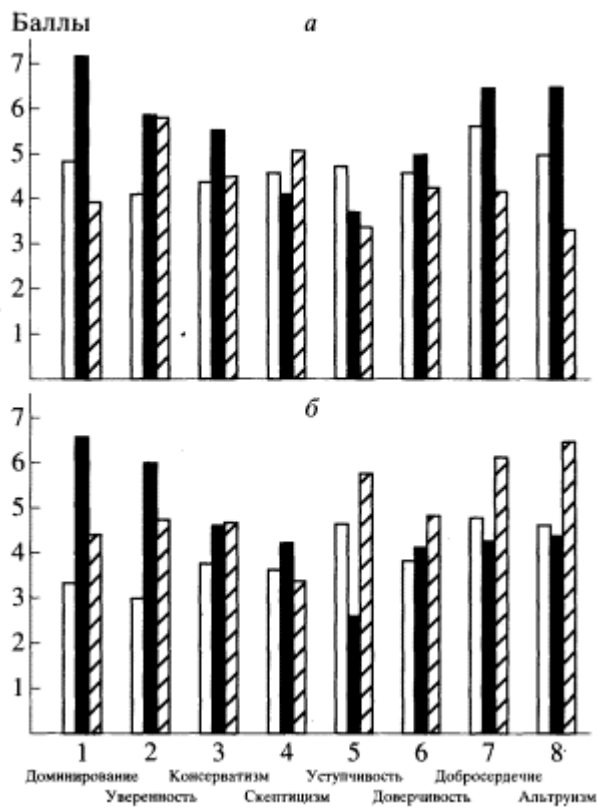

Рис. 2. Авто- и гетеростереотипы русских (а) и коми (б) девушек. Обозначения, как на рис. 1.
стр. 90

степени - личностные характеристики: "Свобода, любовь к независимости, вольнолюбие, скромность, простота". Красный цвет говорил прежде всего об эмоциональном аспекте общения, эмоциональном тепле во взаимоотношениях с людьми, о повышенной потребности в эмоциональной поддержке: "Цвет любви... коми более искренни в любви; гостеприимность, доброта, тепло, забота". Коричневый цвет: "Простор земли"; "Равнодушие и бездеятельность мужчин".

В целом, комментарии коми молодежи отражали критическое отношение к представителям своего этноса, причем среди особенностей отмечалась меньшая, по сравнению с русскими, пластичность, излишняя скромность, простота, пассивность, неумение подать себя с более выгодной стороны.

Этнические маргиналы в своих комментариях цветовых выборов давали, в отличие от русских и коми, более полные и развернутые характеристики. Например, красный цвет: "Люди способные, но заглушающие в себе свои способности, по натуре - добрые"; "В большинстве своем добрые, простые в обращении люди"; "Закомплексованные, склонные занижать свои способности, а на это повлияла политика русификации, проводимая в Республике Коми. Народ ощущает себя каким-то ущербным и смирился с этим".

В целом, этнические маргиналы подчеркивали положительные черты: дружелюбие, упорство, естественность, скромность.

Результаты исследования молодежи с помощью теста Т. Лири представлены в табл. 3, а также на рис. 1-3.

Показатели доминирования наиболее выражены в выборках девушек всех этнических групп: 48.60; 20.20; 13.16. В отличие от девушек, в выборках юношей эти показатели невысоки, что отражает половые различия в восприятии "типичного русского", которого характеризовали как весьма доминантного, прежде всего, женские выборки.

"Типичный коми" обнаружил в основном отрицательные показатели вектора доминирования, что указывает на черты подчиненности в восприятии большинства испытуемых. Показатели дружелюбия наиболее выражены в автостереотипах коми (6.89 и 7.06) в отличие от русских. Вектор дружелюбия был характерен для Я-образа девушек в отличие от юношей. Выборка юношей- маргиналов в Я-образе подчеркивала более выраженное доминирование по сравнению с коми и русскими.

Более наглядно специфика психологических тенденций авто- и гетеростереотипов молодежи представлена на рисунках. В выборке девушек автостереотип коми характеризовался: уступчивостью, добросердечием и альтруизмом, отражающими такие особенности поведения, как эмоциональная

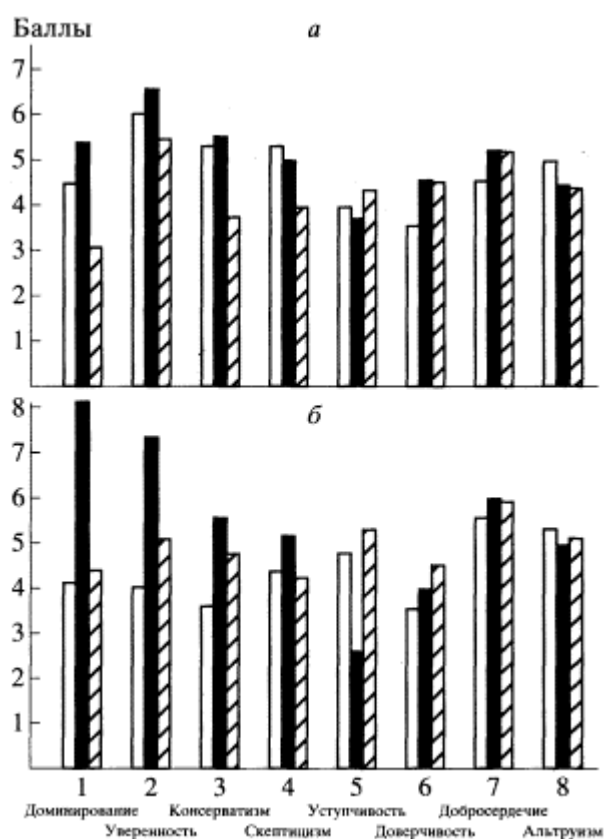

Рис. 3. Авто- и гетеростереотипы этнических маргиналов - юношей (а) и девушек (б). Обозначения, как на рис. 1.

реактивность, ориентация на мнение окружающих, невысокая самооценка. Гетеростереотип коми в восприятии русских девушек отличался подчеркиванием тенденций скептицизма и уверенности в ущерб уступчивости и альтруизму.

Гетеростереотип коми в восприятии девушек-маргиналов отражал преобладание позитивных оценок и тенденций: доверчивость, добросердечие, уступчивость и альтруизм. Эти данные свидетельствуют об этнической толерантности маргиналов.

Автостереотип русских девушек характеризовался такими тенденциями, как авторитарность, властность, добросердечие и альтруизм. Выраженные негативные тенденции указывают на неразвитость чувства "мы", отсутствие позитивной групповой идентификации со своей этнической группой.

Гетеростереотип русских в восприятии коми-девушек включал равное соотношение негативных и позитивных оценок, что свидетельствует о достаточно выраженной этнической толерантности коми-девушек.

Автостереотип коми-юношей отличался подчеркиванием тенденций добросердечия и альтруизма и в целом содержал несколько повышенное

стр. 91

количество позитивных оценок, что может отражать чувства "мы".

Гетеростереотип коми в восприятии русских юношей - это явное преобладание негативных оценок над позитивными, что свидетельствует о неадекватности восприятия и низкой толерантности. Гетеростереотип коми-юношей в восприятии маргиналов содержал равное соотношение позитивных и негативных оценок.

Автостереотип русских юношей отличался преобладанием позитивного над негативным, что может свидетельствовать о тенденции к позитивной групповой идентификации.

Гетеростереотип русских в восприятии коми-юношей содержал почти равное соотношение позитивных и негативных оценок, что отражает достаточно выраженную толерантность.

ВЫВОДЫ

1. В целом, цветовые ассоциации отражали весьма обобщенные субъективные представления о других. Вербальное описание в терминах черт личности более дифференцированно и отражает осознаваемый уровень межэтнического восприятия. Целостное впечатление о представителях того или иного этноса предусматривает оба уровня рассмотрения: осознаваемый и неосознаваемый. В ситуациях межэтнического взаимодействия более значимым нередко оказывается неосознаваемый уровень отношений, определяющий результативность деятельности и общения.

Учет эмоциональных компонентов межэтнических отношений позволяет выявлять латентные настроения в этнических группах и вовремя осуществлять психологическую коррекцию поведения и личности.

2. У испытуемых с тенденцией формирования позитивной этнической идентичности эмоциональная оценка Я-образа существенно выше, чем у тех, у кого этническая идентичность трансформирована. Существует положительная связь между самооценкой и качеством идентичности личности. Получены данные о негативном (у коми) и позитивном (у русских) подходе к личностной самооценке. Фактором, способствующим разрушению позитивного автостереотипа в выборках коми этноса, является социальный контекст, который вызывает трансформацию образа своей этнической общности.

3. Обнаружены существенные половые различия в этнической стереотипизации молодежи, в формировании авто- и гетеростереотипов, что необходимо учитывать в процессе межкультурного тренинга, повышения этнокоммуникативной компетентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996. С.163-171.
2. Гаджиева Р.Г. Изменение этнических стереотипов под влиянием культурных, политических и социально-демографических факторов // Психология и практика. Ярославль, 1998. Т. 4. Вып. 1. С. 39-40.
3. Иванова Т.В. Изучение этнических стереотипов с помощью проективных рисунков // Вопросы психологии. 1998. N 2. С. 71-82.
4. Миронов Е.А. Изменение межкультурных стереотипов // Ананьев и Ленинградская школа в развитии современной психологии. СПб., 1995.
5. Реан А.А, Ермишкин М.Ю. Социальные стереотипы в оценке национальной психологии // Обновление: межнациональные отношения и перестройка. Л., 1989. С. 147-149.
6. Резников Е.Н., Марасанов Г.И. Психологическая подготовка к межэтническому общению // Психология и практика. Ярославль, 1998. Т. 4. Вып. 1. С.148-149.
7. Сикевич З.В. Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб., 1994. С. 52-53.
8. Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 28-54.
9. Цветовой тест отношений // Практикум по психодиагностике. М., 1988.
10. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1985.
11. Шихирев П.Н. Проблемы исследования межгрупповых отношений // Психол. журн. 1992. N 1. С. 15-23.

12. Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Сыктывкар, 1992. Вып. 293. С. 13-14.
стр. 92

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Истомина О.Б. О типах этнической идентичности¹⁰

ИСТОМИНА Ольга Борисовна - кандидат социологических наук, доцент Ангарской государственной технической академии (E-mail: olgaistomina@mail.ru).

Аннотация. На основе исследования, проведенного в Иркутской области, выявляются типы этнической идентичности населения, показана их связь с этнической толерантностью.

Ключевые слова: этническая идентичность * этнонигилизм * этническая индифферентность * этноэгоизм * этноизоляция * этнофанатизм * позитивная этническая идентичность * толерантность

стр. 61

Целью данной работы является рассмотрение межэтнических установок населения в многонациональном регионе, определение преобладающих типов этнической идентичности, отражающих степени готовности людей к межэтническим контактам в определенной сфере жизнедеятельности, к толерантным отношениям.

В перечне определений индивида по социально-классовому, профессиональному, возрастному, половому, конфессиональному и другим критериям *этническая принадлежность* занимает видное место. Потребность в этнической идентичности, как и в благополучии, безопасности, относится к базовым, жизнеутверждающим. По определению Г. У. Солдатовой [Солдатова, 1998: 153], идентификация по этносу имеет три составляющие: этническая принадлежность, необходимость в позитивной этнической идентичности и этническая безопасность, что определяет стремление индивида к статусной определенности. Подобное стремление Э. Фромм [Фромм, 1995] называет психологическим механизмом "бегства от свободы", определяющим мотивы привязанности, статусные мотивы (мотивы самоуважения и достоинства), архетипические мотивы (мотивы безопасности). Кратко говоря, этническая идентичность очень важна для самоидентификации индивида.

Понимание собственного "Я" происходит через "другое"; самоопределение наступает в результате столкновения противоположных понятий. В результате процесса взаимодействия с "другой" культурой у индивида формируется к ней свое отношение, оно обусловлено национально-специфическими различиями, лагунами культурной формы. "Два принципиально различных, но соотнесенных между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия" [Философия..., 1992: 66]. Антиномия понятий "свой" - "чужой/другой" находит выражение в аксиологическом аспекте: "свое" - это близкое и понятное, "чужое" - неизвестное, потенциально опасное. "Свое" - это мир "я" субъекта сознания, а "чужое" - мир "других".

Современные социальные потрясения, связанные с этнической неоднородностью, способны изменить оценку иной культуры, даже если она носит позитивный, стабилизирующий общество характер, на потенциально опасный образ оппозиционной силы. Незнание национально-специфических черт культуры, увеличение дистанции в диспозиционных отношениях между контактирующими в пределах одного сообщества культур отрицательно сказывается на межэтнических отношениях.

Категория "толерантность" (в этническом аспекте) обеспечивает аксиологические установки позитивного взаимодействия с другими национальными формами культуры, расширяет круг личностных ценностных ориентаций, которые, как правило, выражаются в

¹⁰ Истомина О.Б. О типах этнической идентичности /О.Б. Истомина // Социологические исследования, 2011, 311. С. 61-65

готовности или неготовности взаимодействовать с представителями иных национальностей. Степень данного состояния базируется на целом комплексе оценок, на понимании своего местонахождения в социокультурном пространстве, на представлении о моральном порядке, формирующемся в соответствии с набором культурно-специфических критериев оценки собственного поведения и поведения других.

Данные социально значимые обстоятельства особенно актуальны в регионах с высоким уровнем межнациональных контактов. Таким регионом, включающим в свои границы национальный автономный округ, является *Иркутская область*. Население ее (по данным переписи 2010 г.) составляет 2 498 900, что на 82 805 человек меньше, чем в 2002 г., представлено более 140 национальностями. Соотношение национальностей, превышающих шеститысячный численный барьер, выглядит следующим образом: *русские (89,9%); буряты (3,1%); украинцы (2,1%); татары (1,2%); белорусы (0,5%); чувашаи (0,3%); армяне (0,3%); азербайджанцы (0,2%); другие национальности (2,4%)*.

В рамках авторского исследования для измерения межэтнических установок респондентов использована одна из модификаций шкалы Богардуса, которая определяет способность и готовность респондента принять человека иной национальности в качестве гражданина государства, делового партнера, соседа, друга, члена семьи (мужа дочери, жены сына). Модификация шкалы позволяет представить ситуацию

стр. 62

дистанцированности населения по национальному признаку. Составляющие шкалы контактов гражданского, экономического, бытового характеров *выявляют основные сферы, в которых наиболее ярко проявляются различные формы отстраненности представителей этногрупп*. Опрос проводился среди жителей Усть-Ордынского бурятского автономного округа (УОБАО). Численность населения округа составляет 135 327 человек, которые по национальному признаку представляют 4 группы: русские - 54,4% (73 646 чел.), буряты - 39,6% (53 649 чел.), татары - 3,1% (4102 чел.), другие - 2,9% (3930 чел.). Объем основной выборки, обусловленной аналитическими требованиями, составил 1006 человек (1,9% от общего числа бурят в округе), что отвечает требованиям репрезентативности. Для возможности использования компаративного метода опрошены также представители *русской национальности*, проживающие в селах автономного округа, объем составил 600 человек (0,8% от общего числа национальности в округе).

Результаты опроса позволили выявить степень неготовности респондентов принимать представителей иной национальности в указанных выше качествах (см. табл. 1). Как видно из таблицы, проявляется относительная индифферентность к разделению на национальности и у бурят, и у русских, когда они взаимодействуют как граждане или деловые партнеры. А в бытовом и дружеском общении, в семейных отношениях, напротив, заметна большая замкнутость со стороны бурятского этноса в отношении инонационального населения. Респонденты-русские в этих сферах проявили большую индифферентность. Мотивационной основой относительной закрытости к иноэтническим контактам на уровне семейных отношений у представителей бурятского этноса, проживающих в местах длительного исконного и компактного заселения, имеющих письменные и литературные традиции и развитое национальное самосознание, явилось естественное желание консолидации по национальному признаку в самой интимной, глубоко личной форме социального объединения - в семье. Примечательно, что подобные стремления в большей степени отмечаются у средней и старшей возрастных категорий. Например, нежелание принять в семью человека иной национальности выказали 39% респондентов в возрасте от 21 до 40 лет, а от 41 до 60 лет - 58%. Семья, можно сказать, является институтом, способным максимально сохранять традиции национальной культуры во всех ее формах.

Степень готовности к диалогу, а также интегративной направленности межкультурных коммуникаций, толерантности отражается в *типе этнической*

идентичности. Он является следствием взаимодействия целого ряда факторов, среди которых ареально-хронологические, диахронические, лингвистические, этнопсихологические и другие, складывается в результате процессов социализации, интериоризации, инкультурации и социальной адаптации. Для анализа типологии этнической идентичности наших респондентов применена методическая разработка Г. У. Солдатовой [Солдатова, 1998, 2001]. Она позволяет диагностировать этническое самосознание и его изменения в условиях межэтнической напряженности. Степень *этнической толерантности* оценивается в ней, прежде всего, на основе "уровня "негативизма" в отношении собственной и других этнических групп", "порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение", "выраженности агрессивных и враждебных реакций в

Таблица 1

Степень неготовности принятия в указанных качествах представителей иной национальности (в % от числа опрошенных)		
	Буряты	Русские
Не готовы принять человека иной национальности в качестве		
Гражданина государства	2,8	0
Делового партнера	3,3	3,7
Соседа	4,5	4,9
Друга	10	4,9
Члена семьи	31	11

стр. 63

Таблица 2

Степень интенсивности типов этнической идентичности (в % от числа опрошенных)

Типы этнической идентичности	Возрастные группы (в годах)											
	18 - 25				26 - 50				51 - 75			
	Степени				Степени				Степени			
	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Этнонигилизм	86	14	0	0	92	8	0	0	94	6	0	0
Этническая индифферентность	4,5	54,5	36,5	4,5	8,5	50	33	8,5	6	44	44	6
Этноэгоизм	73	18	4,5	4,5	92	8	0	0	94	6	0	0
Этноизоляционизм	59,1	36,4	4,5	0	75	25	0	0	75	19	6	0
Этнофанатизм	45,5	45,5	9	0	66,7	33,3	0	0	56,2	31,3	12,5	0
Позитивная этноидентичность	0	0	9	91	0	0	8	92	0	6	13	81

отношении других групп" [Солдатова, 1998]. Методологический инструментарий базируется на шести шкалах: "этнонигилизм", "этническая индифферентность", "позитивная этническая идентичность", "этноэгоизм", "этноизоляционизм", "этнофанатизм".

В шкалах отражены типы этнической идентичности: от индифферентности, попыток найти другие социально значимые критерии, кроме этнического, до деструктивных и дискриминирующих форм гиперидентичности. Согласно методике, выраженность любого

из шести типов этнической идентичности может варьироваться от 0 до 20 баллов. Респондент в анкете самостоятельно выбирает числовой показатель: чем выше балл, тем большее значение в сознании опрошенного имеет данный тип. Линейка оценок условно разделена на четыре степени выраженности: I степень - (0 - 5 баллов) - очень низкая интенсивность; II - (6 - 10) - низкая степень интенсивности; III - от (11 - 15) - средняя степень; IV - (16 - 20) - высокая степень значимости типа этнической идентичности. Суждения-индикаторы, интерпретирующие конец фразы: "Я - человек, который...", отражают отношение респондента к собственной и другим этническим группам в различных ситуациях межэтнического взаимодействия. Для выяснения типов этнической идентичности был проведен опрос 200 респондентов бурятского этноса, проживающих в Иркутске, что составляет 1,8% от общего числа горожан этой национальности (10795 чел.). Приняли участие три возрастные группы: от 18 до 25, от 26 до 50, от 51 до 75 лет. Результаты опроса представлены в таблице 2.

Точкой отсчета в понимании степени интенсивности этнической идентичности является *этнонигилизм*. Как отрицающая форма он направлен на нивелирование этнического фактора в социальной жизни индивида, отдает предпочтение любым другим идентификационным критериям. Следует отметить, что во всех возрастных группах респонденты обнаружили очень низкую степень интенсивности данного типа идентичности, тем самым сохраняя за собой право самоопределения по этническому признаку, который остается значимым в процессах самооценки.

Пассивной формой отрицания важности этнического критерия в процессе самоопределения личности, выраженной в неопределенности этнической принадлежности, непонимании актуальности данной характеристики, выступает *этническая индифферентность*. Большая часть опрошенных отметила низкую и среднюю значимость данного типа. Равнодушие к этническому критерию в условиях глобализации представляется естественным для большинства сфер взаимодействия. Такой же характер отношения к этническому критерию демонстрирует и опросник методики Богардуса, в котором респонденты, как отмечалось, выразили готовность к межэтническому взаимодействию во многих ситуациях экономического, правового, бытового характера.

К *деструктивным* типам этнической идентичности относятся ее гипертрофированные формы: "этноэгоизм", "этноизоляционизм", "этнофанатизм". *Этноэгоизм* так же, как проявления эгоистической направленности индивидуального характера, пред-

стр. 64

полагает разные степени выраженности и опасности для социального окружения. В литературе утверждается, что данный тип может выражаться в безобидной форме на вербальном уровне как результат восприятия через призму конструкта "мой народ", но может предполагать, например, напряженность и раздражение в общении с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы за "чужой" счет" [Солдатова, 1998]. *Этноизоляционизм* проявляется как одна из форм ксенофобии, утверждающая принципы пуризма ("чистоты" этноса). Действия носителей такого типа идентичности обычно связаны с желанием сохранить генотип этнической группы "чистым". *Этнофанатизм* - радикальная форма, ставящая интересы "своего" народа выше прав индивида. Значимость указанных деструктивных типов обозначена "очень низкой" и "низкой" степенями (выраженность не превышает 10 баллов), что свидетельствует о достаточно успешном функционировании в регионе принципов культуры толерантности. Это же показывает и готовность большинства респондентов к межэтническим контактам.

В качестве социальной нормы отношения к своей и другим этническим группам рассматривается *позитивная этническая идентичность*. Данный тип выполняет в

социальных структурах стабилизирующую функцию. Как видно из таблицы, самая высокая степень выраженности этничности представлена именно в этом типе: все возрастные группы, участвовавшие в исследовании, отметили его максимальное значение.

В заключение необходимо подчеркнуть, что для населения Иркутской области как своеобразного "перекрестка культур" с высоким уровнем мозаичности национального состава, условием успешного бесконфликтного межэтнического взаимодействия выступает *превалирующий тип позитивной этнической идентичности*. В многонациональном поликультурном социуме позитивная этническая идентичность выступает гарантом *толерантности* по отношению к собственной и другим этническим группам, что, с одной стороны, обеспечивает самостоятельность и стабильность развития самой этногруппы, с другой, - определяет бесконфликтность межкультурного взаимодействия, формирует диалогичную этнокультурную реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Солдатова Г. У. Толерантность и интолерантность - две грани межэтнического взаимодействия //

Век толерантности: Научно-публицистический вестник. М., 2001.

Философия М. М. Бахтина и этика современного мира: Сб. науч. тр. Саранск, 1992.

Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.

стр. 65

Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности¹¹

АРУТЮНЯН Юрий Вартанович - член-корреспондент, советник РАН.

Аннотация. В статье на материалах статистически представительных исследований вскрывается мера реального осознания русскими и людьми других национальностей, проживающих в России, принадлежности их к российской общности, связь этнонациональных, социально-культурных характеристик и дается общая прогностическая оценка формирования интегративного образа россиян.

Ключевые слова: *общегражданская идентичность • социальные ориентации • этнонациональное самосознание • включенность в гражданскую и этническую среду • межнациональные отношения • этнофоры • россияне.*

Российская идентичность определяется принадлежностью к национально-государственной российской общности. Такая принадлежность может быть формально-правовой - всеобщей для граждан Российской Федерации, когда все они определяются как россияне. Иной, реальный смысл имеет *внутренне осознанная* принадлежность к российской общности, иначе говоря, - национально-государственное самосознание. Оно у россиян, как отмечают исследователи, "остается противоречивым", проявляется "слабость, недостаточность интенсивности общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер" [1].

Это общая оценка. Но Российская Федерация (РФ) "асимметрична". Разные регионы отличаются друг от друга и по социальным, и по собственно этническим особенностям. Выразительным индикатором различий регионов может служить, в частности, "голосование ногами" - *миграционная динамика населения*. Если по этому признаку типологизировать субъекты РФ, то по интенсивности и направленности миграции можно выделить конфликтогенные республики Южного Федерального округа - особенно Ингушетия, Чечня и Дагестан. Именно отсюда шла массовая эмиграция русского населения, численность и удельный вес которого там между переписями резко

¹¹ Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования, 2009, №6. С. 38-44

уменьшились (в Ингушетии, по данным последней переписи, русские составили до 1% населения, в Чечне - 3%, в Дагестане - 5%) [см.: 2]. Применительно к ним вряд ли, во всяком случае сейчас, можно говорить о россиянах как о сформированной или даже сколько-нибудь выраженной полиэтнической общности.

Контрастно, и не только для этих мест, выглядят регионы, где действительно очевидны посылки активного формирования полиэтнической общности россиян. В этом
стр. 38

Таблица 1

Удовлетворены материальным достатком (в % к числу опрошенных)

Годы	Все взрослое население	в том числе		
		18 - 29 лет	30 - 49 лет	50 лет и старше
		Москва		
1986/7	42	33	37	55
1992	9	40	11	11
2004/5	30		26	22
		Краснодар		
2007	22	32	20	19

Таблица 2

Оптимизм в оценке жизни: "жизнь становится лучше" (% к числу опрошенных)

Годы	Все взрослое население	в том числе		
		18 - 29 лет	30 - 49 лет	50 лет и старше
		Москва		
1986/7	48	49	48	46
1992	8	18	10	4
2004/5	29	50	29	16
		Краснодар		
2007	32	61	28	16

плане заметно выделяются крупные по численности населения субъекты РФ - столица Москва и Краснодарский край. Для них характерны интенсивный приток мигрантов разных национальностей и значительная этническая мозаичность населения. Если почти повсюду население страны между последними переписями (1989, 2002 гг.) сократилось, то здесь оно за счет интенсивного притока мигрантов выросло и весьма значительно - в Москве на 17%, в Краснодарском крае - почти на 11% [см.: 3]. В результате именно в этих регионах формируемая в Российской Федерации полиэтническая общность (идентичность) проходила как бы серьезные испытания на прочность.

Социальная ситуация в стране с начала 2000-х годов складывалась относительно благоприятно, что особенно было характерно для этих мест. Материалы нашего исследования, выполненные здесь в разные годы по строго сопоставимой программе и в значительной мере единообразным инструментарием, позволяют судить об этом. Резкие перемены, четко обозначившиеся в настроениях людей в начале 1990-х годов,

преодолевались; стали утверждаться, особенно среди молодежи, оптимистические оценки жизни и мало кто теперь хотел возврата к прошлому (см. табл. 1 - 3)¹.

Как проявлялась новая ситуация и как она отразилась на самосознании россиян? Чтобы оценить это, надо, по-видимому, дифференцировать, во-первых, собственно российскую общность, представленную в первую очередь русскими, и, во-вторых,

¹ Таблицы 1 - 3 и другие составлены по материалам наших исследований. В 1986/87 и 1992 гг. по избирательным спискам осуществлялась в 7 районах Москвы выборка, представительная для всего взрослого населения. Было опрошено в 1987 г. 1411 чел., в 1992 г. - 1608 чел. В 2004/05 гг. в Москве и 2007 г. в Краснодаре, где население достаточно телефонизировано (более 90%), опрос велся по телефону - более 500 чел. по русским и каждой другой относительно многочисленной национальности. Всего было опрошено 3200 чел. в Москве и 1200 - в Краснодаре. Квоты опрашиваемых в Москве по каждой национальности - русским, украинцам, татарам, армянам, грузинам и азербайджанцам - уточнялись по полу и возрасту, согласно переписи 2002 г. Подробнее о выборке и инструментарию исследования см. [5, с. 7 - 9].

стр. 39

Таблица 3

Ностальгия по прошлому: "те, кто хотел бы вернуться к старой жизни" (% к числу опрошенных)

Годы	Все взрослое население	в том числе		
		18 - 29 лет	30 - 49 лет	50 лет и старше
		<i>Москва</i>		
2004/5	27	8	23	42
		<i>Краснодар</i>		
2007	22	10	15	37

Таблица 4

Оценка приоритета этнической и гражданской идентичности людьми разных национальностей - 18 лет и старше (в % опрошенных по каждой группе)

Этногруппы	Население с приоритетом "своей" этничности "этнофоры"*	Население с приоритетом гражданства	
		Россияне	"Глобалисты"***
Русские: Москва	44	40	8
Краснодар	55	39	5
Украинцы: Москва	21	58	12
Татары: Москва	25	68	2
Армяне: Москва	28	38	18
Краснодар	36	48	10
Грузины: Москва	21	49	11
Азербайджанцы: Москва	27	39	22

* "Этнофор" - в прямом переводе с греческого - "носитель" этнического; термин впервые применен В. В. Пименовым в его книге "Удмурты" (Наука, 1977).

** Под данной рубрикой группировались категории, условно говоря, "всеобщего гражданства" - "человек мира", европейцы и т.п. В таблице не зафиксированы затруднившиеся "самоопределиться", которые среди русских, например, составляли в Москве 8%, в Краснодаре 11%, украинцев в Москве 9%, татар 5% и т.д.

условно говоря, "гостевую", формируемую во многом "инонациональными", в значительной мере миграционными группами. Для них основной вопрос - включенность в российскую среду и степень адаптированности к ней.

Лаконичный и в то же время чуткий индикатор оценки адаптации - это *этнонациональное* и *гражданское самосознание*, отражающее меру трансформации и включенности населения в гражданскую и этническую среду. Картина при осмыслении результатов исследования, на первый взгляд, парадоксальна. Оказывается, и в Москве, и в Краснодаре у *русских* очевидна значительная выраженность этнического самосознания, тогда как у *россиян других национальностей* приоритет гражданского (см. табл. 4).

В наблюдаемых "капризах" этнического самосознания нет ничего удивительного. Нерусские, в значительном числе "гостевые" группы, в новой среде активно приобщаясь к российской культуре, быстрее оценивают новое и "уходят" от традиционной доминанты этнонационального самосознания. У русских (во всяком случае, когда и поскольку они находятся "у себя") традиционное этнонациональное самосознание более устойчиво, даже при достаточно широких социально-культурных интересах и интенсивности межнационального общения. В принципе, с расширением границ культуры и межнационального общения самосознание вообще легче "выходит" из первично заданных границ. Так можно понимать различия в самосознании *русских* - и москвичей и краснодарцев. Те из них, у кого интенсивнее контакты, шире представления, выше культура, легче выходят за пределы традиционного этнического самосознания. Именно поэтому оказывается, что у *россиян* больше, чем среди "этнофоров", людей актив-

стр. 40

Таблица 5

Русские. Социально-демографические характеристики групп с разной выраженностью этнического самосознания (в % опрошенных по группам)

Группы	Все население	В том числе с самосознанием		
		"этнофоров"	россиян	"глобалистов"
Москва				
18 - 49 лет	62	52	71	79
С высшим образованием	40	28	36	50
Специалисты, руководители, предприниматели	40	35	46	58
Краснодар				
18 - 49 лет	61	55	67	81
С высшим образованием	21,5	19	24	28
Специалисты, руководители, предприниматели	25	21	28	48

Таблица 6

Этносоциальные и социальные ориентации русских (в % к каждой фиксируемой группе)

Хорошо относятся к...	Все население	В том числе		
		"Этнофоры"	Россияне	"Глобалисты"
Москва				
русским	94	94	94	94
армянам	66	60	70	73
евреям	71	62	77	85
азербайджанцам	50	43	55	60
чеченцам	41	32	42	60
предпринимателям	54	47	57	59
банкирам	38	31	33	42
коммунистам	23	28	18	18
Краснодар				
русским	98	98	98	98
армянам	83	80	-	86
евреям	79	77	80	92
азербайджанцам	67	-	-	-
чеченцам	49	-	-	-
предпринимателям	61	51	68	87
банкирам	31	28	29	61
коммунистам	31	28	25	11

ного возраста, с высшим образованием, занятых квалифицированным умственным трудом и выполняющих активные социально-профессиональные роли (см. табл. 5).

Исследование показывает: относительно активные группы россиян и "глобалистов" отличаются от "этнофоров" более благоприятными установками в межнациональных отношениях к иноэтничным группам; они лояльнее к социальным группам предпринимателей, но сдержаннее к коммунистам (см. табл. 6).

Так же, как среди русских, в других этнических группах и в Москве, и в Краснодаре "россияне" оказываются социально активнее "этнофоров". Они, используя прежнюю терминологию, интернациональны в лучшем смысле этого слова. Россияне любой этнической принадлежности в совершенстве владеют русским языком, многие даже считают его родным. Они находятся в активном межнациональном общении. Многие из них считают Россию родиной. Большинство их близких друзей - русские. В итоге, по

стр. 41

Таблица 7

Языковая культура нерусских москвичей в российской среде (в % к численности россиян и "этнофоров")

Этнические группы	"Думают" на русском языке		Родной язык - русский	
	"Этнофоры"	Россияне	"Этнофоры"	Россияне
Армяне	91	96	36	64
Грузины	68	90	16	54

Азербайджанцы	66	83	3	33
---------------	----	----	---	----

Таблица 8
Сознание интернациональной общности (в % к численности россиян и "этнофоров")

Этнические группы	Родиной Россия	осознается	Близкие русские	друзья -
	"Этнофоры"	Россияне	"Этнофоры"	Россияне
Армяне (Москва)	32	50	39	63
(Краснодар)	20	52	19	50
Грузины (Москва)	10	44	30	59
Азербайджанцы (Москва)	26	57	29	51

всем этим признакам россияне нерусских национальностей весьма заметно отличаются от "своих" этнофоров, проживающих как в Москве, так и Краснодаре (см. табл. 7, 8).

Несмотря на интенсивное становление и утверждение российской идентичности, нельзя не осознавать того, что формирование интегративного образа россиян процесс весьма не простой. Он требует усилий не только от временно проживающих горожан разных национальностей, но и "принимающей стороны" [4]. Даже среди постоянных жителей (в старой терминологии - "прописанных") и русских, и нерусских значительны группы "этнофоров", которые отдают заметное предпочтение именно своим национальностям (см. табл. 6), и это для них вполне естественно. Между тем национальность *сама по себе* никак не может быть критерием симпатии - антипатии, сколько-нибудь определяющим отношение и тем более диктующим поведение. Преодоление порой значительно искусственной дистанции в этнонациональном самосознании и культуре требует разумной политики, социальной зрелости общества и, естественно, времени. Трудности в этих процессах вызывают националистически ориентированные группы населения. Они не многочисленны: число людей, симпатизирующих скинхедам, среди русских в изучаемых нами регионах не превышает и 2%. Но им нет всеобщего, безусловно жесткого, противостояния. Примерно 15% москвичей и столько же краснодарцев, по их самооценкам, относятся к скинхедам "безразлично". Такое "безразличное" отношение, по существу, к фашизму говорит о достаточно опасном, во всяком случае, отрицательном потенциале, который может быть использован, если общая ситуация будет складываться неблагоприятно. В населении и сейчас довольно выражены консервативные настроения и даже отрицательные национальные ориентации. В Москве 2/3 взрослых русских считают, что есть национальности, которые "могут осложнять" обстановку, большинство русских в Москве (64%) и в Краснодаре (61%) отрицательно относятся к пребыванию нерусских мигрантов в городах. Положительные установки к ним весьма скупы (соответственно 16% и 19%) [5]. Этническое противостояние "мы-они" продолжает в той или иной мере сохраняться в массовом сознании, что нередко служит импульсом конфликтов, и даже кровавых инцидентов [6]. В обследованных нами регионах в массовом сознании населения нет симптомов оздоровления этнонациональных отношений. Скорее, даже наоборот [7]. В условиях мирового экономического кризиса, усиления конкуренции на рынке труда

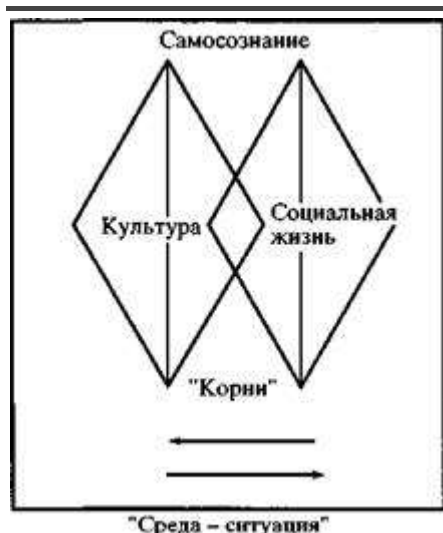

Рис. 1. Взаимодействие этносов: интеграция или дезинтеграция

отрицательные отношения, особенно к инациональным гастарбайтерам, даже обостряются.

Таким образом, процессы межэтнического взаимодействия исключительно значимы в стране, прежде всего с политической точки зрения. От их исхода, по мнению Ю. Левады, *"в решающей мере зависит перспектива российской государственности"* [8]. Стимулирование интегративных начал в межнациональных отношениях принадлежит у нас к числу задач первостепенной важности.

Чтобы разумно регулировать национальные отношения, важно осознать, в чем достаточно устойчиво проявляется сохранность этнического в современном обществе. Как отражено на рис. 1, она во многом связана с "родовыми корнями" и самосознанием. Этническое происхождение может сказываться в культуре, образе жизни, нравственных нормах, поведении, но гораздо очевиднее и определеннее в самосознании. Естественно, этнические образования не живут сами по себе, этносы вступают во взаимодействие, что обуславливает в разной степени выраженную межэтническую интеграцию, заметную в культуре и образе жизни. Дифференциация в самосознании между этносами остается при этом наиболее устойчивой.

Общая среда и социально-этническая ситуация влияют на направленность перемен и динамику этнообразований. По логике модернизации современного общества взаимодействующие этносы, обозначенные на рис. ромбами, сближаются в разных проявлениях социально-культурной жизни, но это, отнюдь, не неизбежно. Углы у основания "корневые" (т.е. по происхождению) и "вершинные", преимущественно психологические - по самосознанию, сохраняются нередко нетронутыми, несмотря на сближение социально-культурных "многоугольников". А это порой достаточно значимо. По мнению чеченского социолога М. М. Юсупова, сохранности этнического самосознания может не мешать даже "незнание языка своего народа, отсутствие религиозной веры, слабое знание или незнание традиций" [9].

В реальной жизни при всех сдвигах возможна спекуляция национальным самосознанием, что способно стимулировать межэтническое размежевание и даже порой конфликты. Но на определенном этапе цивилизационного развития, если оно реально, преобладают *интегративные тенденции*, что предполагает в перспективе формирование новых межэтнических, а точнее "надэтнических" общностей со сходными и

стр. 43

Рис. 2. Надэтническая общность

даже единообразными чертами в культуре, образе жизни и, в конечном счете, в самосознании (см. рис. 2).

Симптомы качественных результатов таких интегративных процессов характерны для некоторых стран, в которых уже может идти речь о формировании собирательных надэтнических образований, типа американского. Это внешне сходно с принятым у нас в прошлом надэтническим образом "советского человека", не выдержавшего, однако, испытания временем.

В новой России сейчас может идти речь о становлении, при благоприятной перспективе, собирательного, *интегративного образа россиянина*. Чтобы эта тенденция была действенной, она должна выходить за границы просто настроений, иметь жизненные проявления и безусловную устойчивость. А это возможно только при развитии в обществе осознанной, реально демократической системы, когда народ не механически принимает государственную этнонациональную политику, а определяет и контролирует ее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшков М. К. Российская идентичность в условиях трансформирующихся процессов // Вестник российской нации. 2008. N 1. С. 177; Дробижева Л. М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе // Общественные науки и современность. 2008. N 2.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2000 года, М., 2004. Т. 4, кн. 1. С. 58, 59, 64.
3. Там же. Т. 14. С. 15, 21.
4. Арутюнян Ю. В. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социол. исслед. 2005. N 1.
5. Арутюнян Ю. В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007. С. 47, 56, 67.
6. Известия. 2008. 20 февраля; Независимая газета. 2008. 10 июня; Аргументы и факты. 2009. N 6. С. 18. Здесь в материалах, связанных с интервью начальника ГУВД г. Москвы, сообщается, что в 2008 г. в Москве при общем сокращении по сравнению с 2007 г. количества зарегистрированных преступлений "на 30% увеличилось число нападений на приезжих-неславян".
7. В Москве, например, среди русских отрицательное отношение к национально-смешанным бракам увеличилось с 6,6% в 1987 г. до 8,0% в 1992 г. и 12% в 2005/6 гг. [5, с. 145, 146], а число положительно относящихся к национально-смешанным коллективам уменьшилось с 81% в 1992 г. до 75% в 2005 г. [5, с. 147, 148]. Тех же, кто считает нужным фиксировать национальность в документах (в паспорте), среди русской молодежи не стало меньше - 55% [5, с. 140].
8. Левада Ю. От мнения к пониманию, М., 2000. С. 434.
9. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие // Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2008. С. 148.

Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность¹²

Пути формирования гражданской нации

В вопросе о механизмах утверждения национальной идентичности как одной из основ российской государственности царит путаница, а дебаты, ведущиеся политиками и экспертами, имеют поверхностный и эмоциональный характер. Вольное жонглирование такими основополагающими понятиями, как народ и нация, чревато серьезными рисками для общества и государства. В отечественном политическом языке слову "национализм" придается отрицательный смысл, между тем как национализм играл ключевую роль в формировании современных государств и во многом остается важнейшей идеологией современности.

Изучение проблемы национализма и строительства наций в России основано на старых подходах. В этом кроется одна из причин существования, как минимум, трех разных взглядов на общество и государство.

Первый. Россия - государство с населением, состоящим из многих наций, и в этом ее радикальное отличие от остальных стран мира.

Второй. Россия - национальное государство русской нации с меньшинствами, члены которых могут становиться русскими или же признать государствообразующий статус русских.

Третий. Россия - национальное государство с многоэтничной российской нацией, основу которой составляют русская культура и

В. А. Тишков - академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН, член Общественной палаты РФ. Данный материал подготовлен для обсуждения на международном симпозиуме "Взгляд вперед: Россия в XXI веке", организованного Обществом Альфреда Херрхаузена -Международный форум *Deutsche Bank*, Советом по внешней и оборонной политике и исследовательской организацией *Policy Network*.

стр. 135

язык и в которую входят представители других российских национальностей (народов).

Понимание русского народа как исторического целого и как гражданской нации высказывалось неоднократно, в том числе экс-президентом Владимиром Путиным, а также новым президентом Дмитрием Медведевым. Эта формула была позитивно воспринята многими интеллектуалами и политиками как единственно возможная для России и как полностью отвечающая апробированному в мире опыту существования крупных многоэтничных государств, а также идеологии государственного (гражданского) национализма.

Однако в последнее время противники формулы русской нации и сторонники этнического национализма (прежде всего от имени доминирующего народа) явно активизировались, объявив о "провале строительства гражданской нации" в России и выступив с явно политизированными проектами.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

В мировой общественной практике утвердилось представление о нациях как территориально-политических образованиях со сложными, но едиными социально-культурными системами. Какими бы неоднородными по составу ни были государственные сообщества, они повсюду сами определяют себя как *нации* и считают свои государства *национальными* либо *государствами-нациями*. Народ и нация выступают

¹² Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность /В.А. Тишков // Россия в глобальной политике, 2008, № 4, Том 6, С. 135-142

в данном случае как синонимы, и именно эти категории придают изначальную легитимность современному государству.

Представление о едином народе-нации является ключевым моментом обеспечения стабильности и согласия в обществе, а также залогом крепости государства в неменьшей степени, чем Конституция, армия и охраняемые границы. Идеология гражданской нации предполагает существование ответственного гражданина, единой системы образования, версии общего прошлого с его драмами и достижениями, символики и календаря, чувства любви к Родине и лояльности государству, а также отстаивание национальных интересов. Все это составляет то, что называют *национализмом в его гражданском и государственном варианте*.

Гражданскому национализму противостоит этнический национализм, отражающий настроения той или иной этнической общности. Она может составлять большинство либо меньшинство населения, но определяет в качестве нации своих членов, а не всех граждан страны

стр. 136

и на этом основании требует "собственной" государственности или привилегированного статуса. Различия между двумя типами национализма существенны, ибо этнический национализм основан на идеологии исключения и отрицания многообразия, а гражданский - на идеологии солидарности и признания многообразного единства.

Особый вызов государству и гражданской нации бросает радикальный национализм меньшинств, которые желают выйти из общего государства путем вооруженной сепарации. Этнический национализм большинства также несет в себе риски, ибо может объявить государство исключительной собственностью одной группы. Выступая приверженцем существующей государственности, такой национализм порождает противников данного государства среди меньшинств.

Так, например, одной из причин внутренних гражданских войн в Индии стал индусский национализм, представленный хиндиязычным большинством. Поэтому в Индии утверждается понятие индийской нации, хотя в стране существует множество больших и малых народов, языков, религий и рас. Начиная с Ганди и Джавахарлала Неру, элита страны и государство отстаивают индийский национализм (название ведущей политической партии - Индийский национальный конгресс) в противовес национализму хинди и меньшинств. Благодаря этой идеологии Индия сохраняет государственную целостность.

В Китае доминирующий народ - *ханьцы*. Они и китайская нация (*миндзу*) численно и культурно почти совпадают. Тем не менее наличие 55 неханьских народов численностью более 100 миллионов человек не позволяет говорить о ханьцах как государствообразующей нации. "Великоханьский шовинизм", который подвергал критике еще Мао Цзэдун, представляет угрозу китайскому государству, ибо провоцирует сепаратизм неханьцев и может привести к распаду страны. Образ китайской нации как совокупности всех граждан был сконструирован несколько десятилетий назад и успешно справляется с задачей обеспечения национальной идентичности китайцев.

Аналогичная ситуация двух уровней идентичности (гражданская нация и этнонация) существует и в целом ряде других стран (Великобритания, Индонезия, Испания, Канада, Мексика, Нигерия, Пакистан и пр.), включая Россию. Все современные нацисогражданства имеют сложный этнический, религиозный, расовый состав населения. Культура, язык и религия большинства почти всегда выступают основой национальной культуры. Напри-

стр. 137

мер, английский - компонент британской нации, кастильский - испанской, ханьский - китайской, русский - российской, но нация понимается как многоэтническое образование. Скажем, в состав испанской нации входят как основное население - кастильцы, так и баски, каталонцы, галисийцы.

В России реальная ситуация сходна с положением в других странах, но есть особенности идеологии нациестроительства и практики использования категории "нация". Эти особенности следует учитывать, но они не отменяют мировую норму строительства государств.

НАЦИОНАЛИЗМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Легитимность государству придает население, осознающее себя единым народом и приверженное своему государству. В России таковым является российский народ (россияне) - понятие, родившееся во времена Петра I и Михаила Ломоносова и утверждавшееся выдающимися деятелями, начиная от Николая Карамзина.

Когда в XVIII-XIX веках представление о современных нациях на основе гражданского национализма формировалось в Европе и Америке, в России также утверждалось представление о российской или "общерусской нации" (Пётр Струве), а слова "русский" и "российский" были во многом синонимами. Слово "русский" больше относилось к обычаям и культуре, а слово "российский" - к народу страны. Так, например, Карамзин в "Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях" писал императору Александру I: "Царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению россиян с Европою как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с ее дворами, от принятия в нашу службу многих иностранцев и поселения других в Москве... Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранное, государь России унижал россиян в собственном их сердце... Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ. Два государства могут стоять на одной ступени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях".

Для Карамзина быть россиянином означало в первую очередь чувствовать глубокую связь с Отечеством (не только с государем!) и

стр. 138

быть "совершеннейшим гражданином". Эта линия понимания "российское™" на основе русской культуры и православия (не исключая католиков западной части страны и мусульман Поволжья) занимала доминирующее положение, в то время как этнический национализм был маргинальным не только в центре, но и в регионах. Исключение составляли только Польша и Финляндия.

Как и другие сторонники российского национализма в его либерально-имперском или федералистском вариантах, Струве справедливо считал, что "Россия есть государство национальное" и что, "географически расширяя свое ядро, русское государство превратилось в государство, которое, будучи многонародным, в то же время обладает национальным единством".

Но в России были сторонники и узкоэтнического понимания русского, те, кто хотел поставить знак равенства между русскими и великороссами, а национальной территорией предлагал считать традиционный ареал расселения великороссов. Процесс утверждения образа России как национального государства "российской многонародной нации" (определение Ивана Ильина) не был завершен к 1917 году не столько по причине многоэтнического состава населения либо обширности территории, сколько из-за косности самодержавия и идеологического разброда среди элиты. Тем не менее *ошибочно считать, что, поскольку дореволюционная Россия была империей, она не являлась национальным государством.*

В дореволюционной России было представление о национальной территории, национальных интересах и национальной экономике, существовал многочисленный слой образованного и служивого населения разной этнической и религиозной принадлежности, и люди считали себя представителями российского народа и называли Россию своим Отечеством. Не случайно в ходе Октябрьской революции и Гражданской войны противников большевиков объединял лозунг защиты единой и неделимой России.

Образ России как "лоскутной империи" и "тюрьмы народов" утвердился уже в советское время на основе революционного отрицания прошлого. Современные исследования национализма, прежде всего как дискурсивной практики, позволяют говорить о России до 1917-го как *формирующемся национальном государстве с национальным ядром на основе русскоязычной российской культуры*. Схожей была ситуация во многих других государствах мира, и Россия не представляла собой исторической аномалии.

стр. 139

ОЦЕНКА СССР И СОВЕТСКОГО НАРОДА

В Советском Союзе приоритет строительства нации был перенесен с общегосударственного уровня на регионально-этнический. "Национальной государственностью" считались этнотерриториальные автономии в форме союзных и автономных республик. На основе этнических общностей и регионально-конфессионально-племенных идентичностей были сконструированы "социалистические нации".

В советские переписи населения с 1926 года был введен вопрос о "национальности" как обязательный выбор по одному из родителей. Население страны жестко разделилось по "нациям и народностям", общее число которых менялось в зависимости от процедуры подсчета и политико-идеологических установок. Изменилось содержание понятия "русский", которым стали обозначать только бывших великороссов, а категория "великоросс" исчезла из общественной практики, а затем и из сознания людей. В свою очередь, малороссы стали называться украинцами, белорусы остались белорусами, но обе группы перестали считать себя одновременно и русскими.

В СССР единство советского народа обеспечивали формулы интернационализма и дружбы народов. На самом деле это единство в значительной мере держалось на тоталитарно-авторитарной форме правления и на идеологии советского патриотизма. Не называя себя так официально, советский народ представлял собой гражданскую нацию, а Советский Союз был национальным государством в неменьшей мере, чем другие крупные и этнически гетерогенные государства, которые считались и считаются национальными: Бразилия, Великобритания, Канада, Китай, Индия, Индонезия, Испания, Мексика, США и др.

Огосударствление и территориализация этничности вместе с формулой "многонациональности" послужили одним из аргументов в пользу распада СССР во имя "национального" (читай: этнического) самоопределения. Уже после распада советский народ как общность был объявлен химерой, а Советский Союз - "последней империей". Однако исследования показывают, что СССР, несмотря на радикальный разрыв в 1917-м, был продолжением Российского государства, хотя слово "Россия" исчезло из названия, а вместе с ним ушли из языка понятия "российский народ" и "россияне".

Советская модернизация и культурная политика при всех деформациях оказали позитивное воздействие на сохранение и развитие малых культур, а общие исторические испытания и достижения

стр. 140

способствовали национальной консолидации советского народа в социально-культурном и поведенческом смысле.

НОВЫЙ РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ По инерции политико-правового мышления в Конституции Российской Федерации сохранилась формула "многонациональности", хотя более адекватной была бы формула "многонародной нации". Исправить текст Основного закона страны очень сложно, но необходимо *более последовательно утверждать понятия "нация" и "национальное" в общегосударственном и гражданском смысле*, не отвергая существующей практики использования данных понятий в этническом смысле.

Сосуществование двух разных смыслов для такого политически и эмоционально нагруженного понятия, как "нация", возможно в рамках одной страны, хотя первичность гражданской национальной идентичности для ее жителей незыблема, как бы ни оспаривали данный факт этнонационалисты. Главное - объяснить, что эти две формы общности не являются взаимоисключающими и понятия "российский народ", "российская нация", "россияне" не отрицают существования осетинского, русского, татарского и других народов нашей страны.

Поддержка и развитие языков и культур народов России должны идти вместе с признанием российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны. Эта новация давным-давно назрела и фактически уже признана на уровне здравого смысла и повседневной жизни. При опросах и в конкретных действиях гражданская принадлежность, связь с государством и признание "российскости" оказываются важнее, чем этническая принадлежность.

Предложение утверждать в России понятие не российской, а русской нации и вернуть дореволюционное понимание русских как всех, кто таковыми себя считает, нереализуемо. Украинцы и белорусы уже не согласятся снова причислять себя к русским, а татары и чеченцы себя таковыми никогда и не считали, но все они вместе с представителями других российских национальностей считают себя россиянами. Престижность "русскости" и статус русских можно и нужно повышать не путем отрицания "российскости", а утверждая двойную идентичность (русскую и российскую), через улучшение условий жизни регионов преимущественного проживания русских и, наконец, через содействие их социальному и политическому представительству в Российском государстве.

В современных государствах признается множественная, не взаимоисключающая идентичность и на уровне коллективных общно-

стр. 141

стей, и на уровне отдельной личности. Это ослабляет этнокультурные разделительные линии в рамках одного согражданства и способствует национальной консолидации, не говоря уже о том, что более адекватно отражается самосознание потомков смешанных браков. В России, где 30 % жителей родились в смешанных браках, до сих пор сохраняется практика обязательной фиксации единичной этничности граждан. Это приводит к насилию над личностью и к страстным спорам, кто к какому народу принадлежит. В целях национальной консолидации и более полного отражения этноконфессионального многообразия россиян предстоящая перепись населения должна позволить указывать множественную этническую принадлежность.

В свете новой доктрины не следует жестко ограничивать употребление понятия "нация", но при этом само государство должно называть "национальной политикой" меры по обеспечению национальных приоритетов и интересов страны. А политика сохранения и управления этнокультурным многообразием должна называться этнической или этнокультурной.

Все государства мира считают себя национальными государствами, и у России нет оснований быть исключением. Повсюду утверждается представление о нации независимо от расового, этнического и религиозного состава населения. Нация - это не просто результат этнокультурной унификации и "длительного исторического формирования", а итог целенаправленных усилий политической и интеллектуальной элиты по утверждению

среди населения представлений о народе как нации, об общих ценностях, символах, устремлениях.

Подобные представления существуют в странах с более разобщенным населением, чем у нас. В России же сложилась реальная общность россиян на основе исторических и социальных ценностей, патриотизма, культуры и языка, но усилия значительной части элиты направлены в сторону отрицания этой общности. Такую ситуацию следует срочно изменить. Национальная идентичность утверждается через многие механизмы и каналы, но прежде всего через обеспечение гражданского равноправия, системы воспитания и образования, государственного языка, символов и календаря, культурного и массмедийного производства. После переустройства основ экономики и политической системы Российская Федерация нуждается в обновлении доктринально-идеологической сферы обеспечения гражданской солидарности и национальной идентичности.

стр. 142

Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде¹³

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна - доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН (E-mail: drobizheva@yandex.ru)

Аннотация. Рассматриваются основные изменения в государственно-гражданской и этнической идентичности и межэтнических установках русских в 1990-е гг. и 2000-е гг. Показана динамика в соотношении российской и этнической идентичностей русских в разных социально-культурных средах и этнополитических условиях, раскрыты особенности межэтнических установок русского населения в областях и республиках РФ.

Ключевые слова: российская идентичность, государственно-гражданская идентичность, этническая идентичность, этническая солидарность, межэтнические установки, межэтническая консолидация

Социологическому изучению гражданской и этнической идентичности русских, всех россиян посвящено немало исследований. В них рассматривались тенденции формирования гражданской идентичности, соотношение ее с этнической, региональной идентичностью, их функции, а также позитивные и негативные проявления [1]. В статье подводятся некоторые итоги изучения наиболее актуальных проблем и сравнений идентичностей и установок русских в областях и республиках.

О понимании государственно-гражданской и этнической идентичности

Понятие "государственно-гражданская" или "национально-гражданская идентичность" включает в себя отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии). Это понятие достаточно ново для отечественной публичной сферы и научной литературы. В России исторически сложилось понимание нации в этнокультурном значении. Только в последнее время стали часто употреблять такие термины, как "государственная идентичность", "россияне", "российская идентичность". В политический и научный дискурс стала входить трактовка нации как граждан государства, аналогично тому, как это сложилось во Франции, Великобритании, США. Однако для многих россиян понимание *нации как гражданской общности* не привычно, тем более, что гражданское общество только складывается и представления о нем в массовом сознании разные. Между тем понятие *государственной общности как граждан страны* широко

¹³ Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Л.М. Дробижева // Социологические исследования, 2010, №12. С. 49-58

распространено, и наши респонденты вполне могут ответить на вопрос об идентификации себя с этой общностью. То, как постепенно формируется не просто государственная идентичность, но и элементы гражданской идентичности, будет показано ниже.

Что касается *этнической идентичности*, то она трактуется нами как сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений. В усло-

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант N 09 - 03 - 00114a)
стр. 49

виях глобализации этническую идентичность часто интерпретируют как проявление традиционализма, "она родом из прошлого", тогда как гражданскую - связывают с современностью. Но история дает нам примеры, когда современная гражданская идентичность оказывается тесно сопряженной с этнической идентичностью (Литва, Эстония и др. страны). Последнее десятилетие XX в. и первое XXI в. преподнесли много своеобразного в процессах распада прежних и формировании новых солидарностей и идентичностей в России, которые требуют научного анализа и осмысления.

У русских кардинальные перемены в соотношении государственно-гражданской и этнической идентичностей, проходившие за последние двадцать лет, отличаются особенностями, являющимися отражением исторических событий в стране. Постараемся выявить наиболее важные тенденции в этих переменах, опираясь на данные этносоциологических исследований *по проектам*: "Посткоммунистический национализм, этническое самосознание и регулирование конфликтов" (1993 - 1996); "Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации" (1999 - 2002) (осуществились в Татарстане, Саха (Якутии), Башкортостане, а в 1993 - 1996 гг. в Туве и Северной Осетии [2]; "Российская идентичность: потенциал формирования в Москве и регионах" (2007 - 2008) [3]; "Будущее России. Социально-культурная сфера" (реализован вместе с межрегиональными Институтами общественных наук (МИОНами) в Воронеже, Свердловской, Новгородской, Томской областях, Бурятии) [4]. Везде выделялись - русские и титульная национальность (в Москве русские и другие национальности). Анализ эмпирических данных проводился с использованием программ SPSS. К анализу привлекались также результаты опросов ВЦИОМ (впоследствии Левада-Центр), "Европейского социального исследования" в 2006 г. (ESS).

Заметим, что выбор идентичности респондент делает на основе свободного осознания. По С. Московичи, наше сознание организовано по типу идентификационной матрицы, где имеется множество идентификаций (возрастная, половая, семейная, профессиональная, гражданская, этническая, религиозная и др.). Среди них выделяют наиболее значимые (ведущие, базисные). Такую классификацию использовали в российско-польском исследовании В. А. Ядов и Е. Н. Данилова. Аналогично поступили и мы. При этом выясняли у респондентов степень "выраженности", "акцентированности" идентичности [5]. В ряде исследований делали попытку измерить, например, степень общегосударственной идентичности в сравнении с локальной принадлежностью (субъект федерации). Тогда вопрос ставился в такой форме: "Кем вы себя чувствуете в большей мере? Только россиянином; преимущественно россиянином; только татарстанцем; преимущественно татарстанцем; тем и другим, но больше татарстанцем; тем и другим, но больше россиянином?" Оказалось, что рассматриваемые идентичности не являются статичными и одномерными, меняются их иерархия и смысловое наполнение.

Тенденции в изменении иерархии идентичностей

Наши исследования, проводившиеся в 1990-е годы и в первое десятилетие XXI в., достаточно четко зафиксировали две тенденции - роста сначала этнической, а затем государственно-гражданской идентичности и изменения в иерархии идентичностей.

Прежде всего это проявилось у русских, живущих в районах с доминирующим русским населением. Российская государственно-гражданская идентичность стала у них *приоритетной* в сравнении с этнической.

Произошло это исторически достаточно быстро. Еще в 1992 г., когда сотрудники Отдела этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН проводили опрос в Москве, всего четверть русских-москвичей идентифицировали себя как россиян. Для массы населения тогда такое наименование себя было непривычным. Ведь еще совсем недавно они были "граждане СССР". В марте 1991 г. так себя идентифицировали - 63 - 66% респондентов [6]. По данным исследований, проведенных под руководством Ю. В. Арутюняна в Эстонии, Грузии и Молдавии в 1980-е годы, до 80% русских называли себя, прежде всего, гражданами СССР.

стр. 50

Таблица 1

Динамика российской и республиканской компоненты идентичности русских. Распределение ответов на вопрос: "Кем Вы себя чувствуете в большей мере?" (в % к числу опрошенных) (1994 - 2002 гг.)

Виды идентичности	1994	2002
Русские Татарстана		
Только российская и преимущественно российская идентичность*	35,2	45,9
Паритетная республиканско-российская идентичность**	35	26
Русские Саха (Якутия)		
Только российская и преимущественно российская идентичность*	23	60,7
Паритетная республиканско-российская идентичность**	37,3	21,8

Примечание: * сумма ответов "только россиянином" и "и тем, и другим, но больше россиянином";

** ответ "и тем, и другим в равной мере"

Когда СССР не стало, этническая идентичность оставалась как бы неизменным островом, ибо иные идентичности (социально-статусные и др.) менялись очень быстро. По результатам исследования В. А. Ядова и Е. Н. Даниловой в 1998 г. с представителями своей нации идентифицировали себя не менее 90% респондентов, а 63,8% ответили, что так себя считали часто. С россиянами же тогда идентифицировали 50,8% [7]. В целом российская гражданская идентичность была уже достаточно распространенной, но меньше, чем этническая. То же самое мы фиксировали в исследованиях 1990-х гг. в Татарстане, Саха (Якутии), Туве и областях - Оренбургской, Магаданской [8]. Это вполне объяснимо: государственная идентичность в СССР была связана с формальными институтами, и, когда они рухнули и разрушились символы "великой державы", "первого в мире социалистического отечества", указанная идентичность потеряла опору. Новая государственная идентичность только начинала формироваться. В обстановке фрустраций, связанных с распадом Советского Союза, с переменами в социальной структуре, активизацией национальных движений, опорой становились идентичности, базировавшиеся на чем-то "неизменном", привычном - этнические, региональные.

У русских восстановление государственно-гражданской идентичности в сравнении с другими народами России шло быстрее, а, главное, она становилась более выраженной ("неразмытой", как выражаются психологи). В нашем исследовании 2006 г. в Воронежской, Саратовской, Калининградской, Томской, Свердловской областях, Приморском крае - территориях с доминирующим русским населением - с "россиянами" идентифицировали себя 76 - 80% опрошенных. Доля русских *сакцентрированной* государственной идентичностью в республиках тоже увеличивалась, и очень значительно - в 1,5 - 2 раза (см. табл. 1). Добавим, что ученые ИКСИ, проводившие

под руководством М. К. Горшкова исследование в 2004 г., просили респондентов назвать не более трех самоидентификаций из десяти. "Граждане России" - таков был один из наиболее часто даваемых ответов (45,4% в мегаполисах и 51,4% в провинции). Как видим, для многих российская государственно-гражданская идентичность была не просто номинальной, называемой, но и значимой.

Для быстрого восстановления данного вида идентичности у русских были основания. Субъективная значимость его у них корреспондировала с этнической идентичностью, особенно у тех, у кого она была актуализирована. Уже первые социологические исследования в начале 1990-х гг. давали основания сделать выводы о связанности идентичности русских с социально-государственной системой политических институтов [9].

В исследованиях, которые мы проводили в республиках Саха (Якутия), Татарстан, Тува, Северная Осетия в 1994 г., по проекту "Посткоммунистический национализм",
стр. 51

Таблица 2

Российская идентичность русских в Саха (Якутии) с разной этнической установкой (в % к числу опрошенных по установкам)

Кем Вы себя ощущаете в большей степени?	Этнические установки	
	"Не обязательно чувствовать себя частью национальной группы"	"Нужно ощущать себя частью национальной группы"
Якутянином	15,8	9,8
Россиянином	27,5	45,1
И тем, и другим в равной степени	53,0	39,2
Ни тем, ни другим	1,2	2,9
Затрудняюсь ответить	2,4%	2,9%

были выделены русские с актуализированным этническим самосознанием (те, кто выбирал суждение "никогда не забываю, что я русский", которое предлагалось в паре с альтернативным высказыванием "для меня не имеет значения моя национальность"). При этом у них наблюдалась значимая сопряженность этнической идентичности с общероссийской. Оказалось: чем прочнее у респондентов этноконсолидирующая установка (у тех, кто выбрал ответ "необходимо ощущать себя частью своей национальности"), тем выше они имели показатели государственно-гражданской идентичности [см. 10]. Та же тенденция проявлялась в 2000-е гг. Пример идентичностей в Саха (Якутии) свидетельствует об этом (см. табл. 2).

Русские с этноконсолидирующей установкой, чаще чувствующие себя россиянами и реже ассоциирующие себя с жителями республики, имеют сдвоенную идентичность (они и россияне, и якутяне). В то же время якуты при этноконсолидирующей установке чаще чувствуют себя якутянами и реже россиянами. В 2007 г. при ответе на вопрос "Про кого можно сказать - "это мы" - и русские, и почти 90% якутов выбрали ответ "мы - граждане России" [см. 11].

Итак, когда рухнула государственная идентичность советского времени "граждане СССР", этническая идентичность выросла, выполняя компенсирующие функции. С конца же девяностых годов и в начале XXI в. традиционная для России роль государства как конструирующей и консолидирующей силы в российской идентичности вновь стала осознаваться людьми. Не случайно, по данным ВЦИОМ и наших исследований, в

республиках потребность в "наведении порядка" стала одной из приоритетных. Слова "государство", "держава" вызывали положительные эмоции у 69 - 73% респондентов-россиян в 2001 г. [см. 12].

Идеологические структуры власти очень быстро осознали возможность опереться на чувства людей для укрепления своей легитимности и интеграции общества. Контент-анализ Посланий Президента РФ Федеральному собранию показал, что в 2000 г. *идея государственной общности, которой хотят придать смысл гражданской нации*, стала очевидной. В таком значении в 2000 г. в президентском Послании данная идея использована 10 раз, в 2007 г. - 18 раз. Она находила выражения в таких определениях, как "российская нация", "граждане России", "мы как нация", "мы - народ России" [13]. В официальной идеологии усиливался образ "сильного государства", "великого народа", страны, которая должна обладать существенным экономическим, интеллектуальным, моральным преимуществом.

Представления русских о себе к 2000 г. тоже, конечно, изменились. Судя по сопоставимым репрезентативным опросам ВЦИОМ, русские стали несколько реже видеть свой народ непрактичным, миролюбивым; заметно чаще в образе "своих" появлялись такие характеристики, как энергичные (9% в 1989 г., 20% - в 1999 г.), трудолюбивые (соответственно 27 и 35%), открытые, простые (59% и 67%), хотя ленивым и непрактичным продолжали считать свой народ от трети до одной пятой опрошенных. Правда, себя лично ленивыми и непрактичными признавали всего 8 - 9%. И совсем мало

стр. 52

кто определял "своих" как "забитых и униженных". Это означало, что "образ народа" идеологически ориентируется. Еще более об этом свидетельствовали представления об "образе других" [см. 6, с. 136, 137].

Этническая идентичность и межэтнические установки

Со времен исследований Ч. Кули и Дж. Мид известно, что идентификация индивида происходит в сопоставлении с "другим" [14]. Этот "другой" совсем не обязательно "чужой" и тем более враждебный. Э. Эриксон, который и ввел термин "идентичность" в интердисциплинарное поле исследований, обратил внимание на взаимосвязанность процесса становления и трансформации идентичности с вопросами общественного и культурного развития, идеологии [15].

Представляется принципиально важным в воображаемом поле социальности, на которое, конечно же, влияют идеологические структуры (власть, образование, СМИ, оппозиционные группы и т.д.), выделить ту часть, которая задается рациональными смыслами опыта общения или вообще не включает сегменты этнокультурной различительности, носит нерелефный характер. Не случайно, даже в самые сложные для русских ситуации 1990-х годов, в кризисные 2000-е годы, враждебные установки на общение с людьми других национальностей, у большинства населения страны не фиксировались. Чувство враждебности к "другим" "очень часто", "довольно часто" испытывали в 2002 - 2008 гг. - 10 - 17%, а "редко" 25 - 32%, никогда не испытывали в эти годы 53 - 60% [16].

Негативные установки на приток иммигрантов, на межэтнические контакты в трудовой и непродуцирующей сфере, быту, "культурные барьеры" были реакцией на комплекс обстоятельств: 1) ограниченные ресурсы выживания (почти пятая часть населения в эти годы "едва сводила концы с концами, денег не хватало даже на продукты"; у 40% денег хватало на еду, но покупка одежды вызывала серьезные затруднения), 2) опасение за сохранение своих жизненных интересов (конкуренция в трудовой сфере, непривычность нового культурного пространства), 3) неуверенность в будущем, недоверие к социальным институтам [17]. Феномен межэтнического неблагополучия на основе восприятия групповой угрозы был описан Т. Петтигрю и Р. Меертенсом [18].

Негативные установки, которые в 1990-е - начале 2000-х гг. особенно проявлялись по отношению к чеченцам (на них проецировались последствия конфликта в Чеченской республике), а также к национальностям Кавказа, к сожалению, становились для русских и в целом части российского населения некой солидаризирующей основой, разрушающей нормальную и гражданскую, и этническую идентичности. Под *нормальной* идентичностью имеется в виду позитивные представления о своей национальности и сопутствующие им эмоции, понятия чести, достоинства, защищенности, благополучия, близости к своим. Мы относим сюда и патриотизм, не переходящий в фаворитизм, толерантные установки к "другим". *Негативная* идентичность конструируется на основе представлений о себе как неспособных изменить жизнь к лучшему, обиженных, обделенных, живущих "в кольце врагов", солидаризирующихся на основе враждебного отношения к "чужому". Такой идентичности свойственна подавленность мотивации к достижениям, апатия, страхи, равнодушие к политическим событиям, ущемленная национальная гордость, комплексы неполноценности.

Механизмы идентификации сложны - это динамический процесс, полный противоречий, чутко реагирующий на разнообразные мотивы, интересы, ситуации в обществе. Часто приходится наблюдать расхождения между установками на объект и ситуацию (М. Рокич). Известен парадоксальный эксперимент Р. Лапьера: профессору на обращение в 252 отеля о возможности разместить этнически смешанную группу ответили 128, и в 90% из них содержался отказ. Между тем во всех отелях, за исключением одного, их благожелательно приняли.

В нашей громадной стране в результате этнической мобилизации, конфликтов в Закавказье и на Северном Кавказе "южане" и "кавказцы", как их именовали, во мно-

стр. 53

гих местах стали новым населением. Они были приняты от Краснодара до Архангельска. Россия по числу приема иммигрантов, большинство которых были иноэтничными для русских, стала третьей страной мира после США и Германии. Но для нее такой новый приток был непривычным явлением и воспринимался на фоне национальных движений и распада Союза. Тем не менее, по данным Европейского социального исследования, в России категорическими сторонниками запрета на въезд иноэтничным мигрантам было 27,6% [19]. Это немало, но больше таких людей было в Венгрии (39,4%), в Португалии, на Кипре (29%), почти столько же, как в России, в Болгарии, Эстонии (23,5%, 23,6%).

Конфликтные нарушения прав человека по этническому признаку были громкими прецедентами, которые обсуждались в обществе. По данным информационно-аналитического Центра "Сова", за 2009 г. было убито 90 человек по мотивам этнической неприязни и 700 человек травмировано. Радикально-националистические группы не пользовались симпатией подавляющего большинства русских, нигде их деятельность не одобряло более 4 - 9%.

Массовое сознание русских из состояния дезориентированности, травмированности от потери прежних символов и ориентации становилось более дифференцированным, в чем-то единым и вместе с тем противоречивым, изменчивым в актуальном поле представлений и переживаний. Если брать общие данные по стране, то в 2008 г. свыше 80% уже гордились тем, что живут в России и являются ее гражданами, треть верила в то, что через пятьдесят лет "Россия станет такой же богатой и развитой страной, как Запад", и 65% согласились с утверждением, что Россия рано или поздно пойдет по общему пути всех цивилизованных стран. Возвращалось чувство достоинства - свыше 80% были согласны с суждением - "Россия всегда была страной великой духовной культуры" [20]. Правда, как показывали результаты Европейского социального исследования и опросы Левада-Центра, респонденты гордились больше завоеванным в прошлом - культурой,

историей, достижениями науки, большинство не хотело отказаться от представления, что "Россия - великая страна" (ответы "да" и "скорее да" - 81%).

Интересно, что и идентичности - гражданская, этническая, их основные содержательные смыслы и межэтнические установки не так сильно отличались в социальных средах. Более заметны были отличия лишь в *возрастных группах*, при этом по разным характеристикам наблюдались разнонаправленные тенденции. Так, по данным Европейского социального исследования, в 2006 г. у русской молодежи распространенность российской идентичности была достаточно высокой, что нужно было бы толковать как их открытость к межэтническому общению. И мнение "Позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения страны, переезжать жить в страну", встречалось у них тоже несколько чаще, чем в других возрастных группах (78% против 68%). В 1980 - 1990 гг. молодежь была терпимее [21]. Такую же тенденцию мы выявили в регионах с доминирующим русским населением (Воронеж, Саратов, Томск, Екатеринбург). Однако в Центральном и Волго-Вятском районах русская молодежь толерантностью не отличалась [22].

Идентичности и межэтнические установки русских в республиках

Теперь попытаемся выяснить, отличались ли идентичности и межэтнические установки русских, живущих в республиках.

Естественно, в каждой из республик своя социально-экономическая и геополитическая ситуация. На социально-психологическое самочувствие, установки и идентичность русских так же, как и национальностей, дающих название республикам, влияет целая группа факторов. Среди них социальный статус взаимодействующих национальностей - их социальный состав, социальное продвижение, образование, доступ к собственности, престиж, участие во власти. Время от времени актуализировалось историческое прошлое - добровольное присоединение или завоевание и т.п. Имеет значение культурное, антропологическое сходство, а порой и психологи-

стр. 54

ческая совместимость, которая в известной мере проявлялась в межэтнических браках. Сама актуализация этничности или ее "забвение" во многом дело ума и действий интеллектуалов, элиты, власти - "этнических антрепренеров", как говорят наши зарубежные коллеги и обозначает В. А. Тишков; "этнократии", как пишет Ж. Т. Тощенко, - действующих, по их заявлениям, во имя этнических интересов народа, а на деле нередко лишь во имя собственных.

Понятно, что вышеперечисленные факторы по-разному актуализируются в конкретных регионах и значимость каждого из них в реальных ситуациях меняется. Было ли сходство в реакциях русских, переживавших новую архитектуру отношений в уплотненной и социально-политически изменившейся этноконтактной среде?

Часто межэтническое общение русскими может ощущаться, допустим, в Москве не меньше, чем в Норильске, где они тоже составляют большинство. Но в Норильске русские чаще работают вместе или живут рядом в коллективах со значительной долей саха (самоназвание якутов), а в Москве они, как правило, встречаются с единичным представителем армян, азербайджанцев, евреев и других национальностей в трудовых коллективах. Для Саха (Якутии), как для ряда других республик, характерно "сегментное" взаимодействие этносов - русские в большинстве заняты преимущественно в сфере добывающей промышленности и промышленном производстве и меньше представлены в управлении, в гуманитарной науке, сфере обслуживания. Действуя и в этнически смешанной, и в более однородной среде в республиках, везде русские ощущают, что живут они в условиях, где во властных региональных структурах доминируют представители титульной национальности. Важно и другое: титульные национальности, даже находящиеся в демографическом отношении не в большинстве (например, в Якутии,

Бурятии), психологически не чувствуют себя меньшинством в социально-политическом смысле. И русские, как показывают наши исследования, это понимают. Такие осмысления имели значения для русских и в республиках с, условно говоря, паритетной структурой занятости, например, в Татарстане, где в сферах производства, науки, искусства, здравоохранения, русские представлены теперь практически одинаково [17; 23].

Неслучайно у русских, проживающих в подобных условиях, и в начале 1990-х и в начале 2000-х гг. наблюдалось чувство тревожности. Отвечая на вопрос о факторах, "дающих уверенность в жизни", русские в Саха (Якутии) и Туве указывали - "ничто не дает". В Татарстане они больше рассчитывали на свою "способность заработать профессию"; чаще, чем татары, они отмечали "положение на работе ухудшилось", "терпеть наше бедственное положение уже невозможно". В 1997 - 1999 гг. "уверенность в завтрашнем дне" имели не более 1/3 русских в указанных республиках, в то время как среди татар, якутов - 2/3. В ответах на вопрос "Что дает чувство уверенности в завтрашнем дне?" выбор позиции "мой собственный оптимизм" у русских встречался реже, чем у представителей титульных национальностей. Анализ экономической мотивации респондентов, их установок на значимость денег, власть, престиж показал, что городские русские не отставали от татар и якутов в понимании новых ориентации в экономике. Но они имели более низкую социальную самооценку, менее сформированные рыночные ценностно-трудовые и достигательные установки [24].

Положение стало меняться к середине первого десятилетия XXI в. Сопоставимые исследования в 2007 г. в Саха (Якутии) и в 2006 г. в Бурятии показывали, что ориентации на рыночные отношения у русских стали сходным с представителями титульной национальности, депрессивное состояние преодолевалось. Уже около половины русских как в республиках, так и в "русских областях" относили себя к тем, кто в современных условиях добился успеха.

В связи с изменением общей ситуации в стране, формированием государственно-гражданской идентичности можно было ожидать у русских снижения значимости этнической идентичности в 2000-е г. Но она не только не снизилась, а выросла.

стр. 55

Так, доля русских в Саха (Якутии) с ощущением, что они часто чувствуют связь со своей этнической группой, увеличилась с 37% в 1994 г., до 57% в 2007 г. В Москве, Екатеринбурге, Томске, Воронеже, Саратове, Приморье русские по этничности идентифицировали себя реже, чем в республиках (соответственно 56,5% и 66,5%), и данный вид идентичности был у них несколько ниже по значимости.

Ущемление прав и возможностей в республиках из-за национальной (этнической) принадлежности русские испытывали, хотя и не в одинаковой мере. Так, в Татарстане в 1994 г. 77% из них ответили "нет, не испытывали", в 2002 г. - 88%; в Саха (Якутии) отвечали так же: в 1994 г. - 68%, в 2002 г. - 82%, в 2007 г. - 80%. По России в целом, по данным Левада-Центра, в 2006 г. 33% респондентов отмечали, что русские ощущают различные ущемления и обиды [12, с. 157]. Это вызывало у части русского населения стремление к замкнутости. В 1997 г. 14%, а в 2002 г. - 23% русских Татарстана поддержали позицию "*Россия для русских*"; в Саха (Якутии) соответственно: 22% и 29%. В Москве 43% респондентов поднимали вопрос о преимуществе русских при поступлении в вузы и 70% - о приеме на работу [25]. Всероссийский опрос в 2008 г. (Левада-Центр) показал: лозунг "*Россия для русских*" поддерживали 46 - 54% респондентов [20, с. 141]. Если сопоставить эти данные, то можно заключить, что русские в республиках, находясь в более сложных условиях, оставались менее ориентированными на какие-то преимущества и замкнутость. Речь, конечно, не идет о русских в Северо-Кавказских республиках, где в силу известных событий уровень толерантности и агрессии заметно отличался. Но в средней России, Сибири русские, живущие среди других народов, повседневно на своем

опыте понимают значимость толерантных отношений. Примечательно, что готовность к этнической мобилизации с жесткими средствами у русских в республиках была значительно реже, чем в некоторых, условно говоря, "русских" средах. Так, в Татарстане подобную готовность высказывали в 1994 г. 9% русских, в конце 90-х гг. - 22% (приблизившись к таким показателям у татар). В Саха (Якутии) такая готовность русского населения в тот же период выросла с 8% до 27%, практически сравнявшись с готовностью у якутов; такой она оставалась и в 2007 г. В Москве - готовность к жесткой мобилизации проявляли 35% респондентов.

Вместе с тем, по результатам исследований в республиках, положительные установки на деловые контакты у русских в 1990-е и 2000-е гг. колебались в пределах 70 - 80% опрошенных и в 2000-х гг. они несколько усилились [25, с. 88 - 89]. Полученные нами сведения почти не отличались от данных Левада-Центра по стране в целом (70 - 72%). А в районах с доминирующим русским населением установки на повседневное деловое общение были в тенденции чуть заметнее. В Москве 84% респондентов готовы были принять людей другой национальности как коллег по работе; в Саратове, Екатеринбурге, Томске - близкие показатели [25, с. 212]. Очевидно, русские в своей этнической среде реже могли проводить сопоставления, чувствовать конкуренцию. Их установки реже, чем у этнофоров в республиках, проходили испытание на толерантность.

Отметим, что в республиках *солидаристические* установки у русских в известной мере были как бы "оборонительными", ответными. Например, в Татарстане они усилились и сближались с такими же установками татар, у которых они не уменьшались, а в Саха (Якутии) несколько уменьшились к середине первого десятилетия 2000-х гг., ибо и у якутов они стали заметно меньше.

С чем связаны невысокие солидаристические этнические установки русских в сравнении с титульными национальностями? Нередко объяснение этому явлению усматривают в более высокой значимости для русских общегосударственных интересов, что, очевидно, имеет основания. Но необходимо учитывать следующее обстоятельство. По данным ВЦИОМ, в 1989 г. в ответах на вопрос, "что связывается в первую очередь у Вас с мыслью о вашем народе", ответ "государство, в котором я живу", шел на втором месте из 14 предложенных вариантов. Однако к концу 1999 г. значение государства для этнической идентичности заметно снизилось

стр. 56

[6, с 144]. И в республиках, в частности в Саха (Якутии), "единое государство" на первые места в рейтинге объединяющих факторов по этносоциальному признаку тоже не выходило, уступая таким "интеграторам", как "язык", "родная земля", "культура". А вот как консолидирующий фактор *гражданской идентичности* у русских "единое государство" действительно занимало ведущее место, и на вопрос, "что объединяет Вас с другими гражданами России", они чаще всего (33%) называли именно государство.

Постепенно и в республиках, и в "русских" регионах для русских *гражданская идентичность стала иметь большее значение, чем этническая*. Так, с гражданами России в Саха (Якутии) в 2007 г. идентифицировали себя 97,4% респондентов-русских, а с людьми своей национальности - 88%. Ощущали близость с гражданами России "в значительной степени" 82,6%; близость в той же степени по этническому признаку чувствовали 57,3%. Живя в республиках, русские чувствовали себя, например, якутянами, татарстанцами и т.д., но общероссийская идентичность совершенно очевидно росла и стала превалировать.

Подводя итоги, отметим: этническая идентичность у русских оказалась устойчивой, она не потеряла значения даже в условиях активной критики прошлого и перенесения ответственности за дела советского режима на русских. Она росла и в 1990-е г. даже превзошла уровень государственно-гражданской идентичности, которая переживала кризис. Восстановление последней произошло у русских исторически достаточно быстро -

к концу 1990-х гг. В 2000-е гг. стало меняться соотношение общероссийской (гражданской) и этнической идентичностей. Опросы по проекту "Будущее России..." показали: *во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. в районах с доминирующим русским населением этническая идентичность уже не превалировала. Как правило, у русских она совмещалась с государственно-гражданской идентичностью, но не заменялась ею.* И в республиках наблюдалась та же тенденция.

Отличие в идентичностях у русских в республиках было в том, что этническая идентичность у них была более *акцентированной* (ответы "никогда не забываю, что я русский", встречались чаще). Но ориентация на этническую солидарность (выбор ответа "человеку важно чувствовать себя частью своей национальности") у русских уступала аналогичной у титульных национальностей. Как видно из результатов анализа, у русских в республиках она корреспондировала с ростом этнической солидарности титульных национальностей, что имело особые стимуляторы. Имеется в виду, прежде всего, активность этнических элит ряда республик, которые сумели, можно сказать, вовремя, дистанцироваться от радикальных групп и остаться достаточно авторитетными в глазах масс. (Об этом, во всяком случае, свидетельствует опыт Татарстана, Саха (Якутии)). В этом было одно из отличий их от русской элиты. Последняя в глазах и русских, и представителей других национальностей олицетворялась главным образом элитой Центра. Она боялась или была неспособна взять на себя очищенные от шовинизма и этницизма идеи нациестроительства. А когда начинала использовать их, то они были очень похожи на великодержавные. Без ясных идеологических ориентиров гражданской направленности этническое и гражданское самосознание русских оставалось противоречивым, вариативным по регионам с разным этнокультурным составом населения и уровнем конфликтности.

Этническая идентичность русских в результате особенностей исторического развития, в том числе советского периода, мало связана, как показали материалы исследований, с культурными маркерами и больше базируется на государственности, зависит от политического контекста, доверия к власти. При идеологической нечеткости отношения к прошлому и проектов на будущее, в том числе в сфере этнонациональной политики, массовое сознание русских может еще долго оставаться не консолидированным на позитивных ценностях, а чаще опираться на оборонительные, защитные настроения.

стр. 57

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские. Этносоциологические очерки. Гл. VI / Отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М., 1992; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. / Отв. ред. Л. М. Дробижеева. М., 1994; Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 - 2002. М., 2004; Данилова Е. Н. Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2004 / Отв. ред. Л. М. Дробижеева, М., 2005; Российская идентичность в условиях трансформаций / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005; Национально-гражданская идентичность и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций / Отв. ред. Л. М. Дробижеева, Е. И. Головаха. Киев, 2007; Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В. С. Магун. М., 2006; Российская идентичность в социологическом измерении / Отв. ред. М. К. Горшков. М., 2008; Дробижеева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7. / Отв. ред. М. К. Горшков. М., 2008; Арутюнян Ю. В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социол. исслед. 2009. N 5.

2. Руководитель проектов Л. М. Дробижеева; участники проектов, разрабатывавшие проблемы идентичности, Рыжова С. В., Солдатова Г. Г. Объем выборочной совокупности по республикам составлял 1002 - 1260 чел. Выборка рассчитана М. С. Косолаповым. Величина погрешности не превышала 5%.

3. Руководитель *Л. М. Дробижева*. Объем выборочной совокупности в Москве 1126 чел., Саха (Якутии) 1128 чел.
4. Объем выборочной совокупности по территориям 600 - 732 чел. Ресурсная группа Института социологии РАН - *Дробижева Л. М., Черныш М. Ф., Чирикова А. Е.*
5. Так, в исследовании "Будущее России ..." анализировались ответы на вопрос, ощущает ли респондент близость с перечисленными общностями "в значительной степени" - "небольшой степени" - "не ощущает близости", что позволило в известной мере нивелировать ситуационный фактор.
6. *Гудков Л. Д.* Негативная идентичность М., 2004. С. 142.
7. *Данилова Е. Н.* Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2004. М., 2004. С. 240 - 241.
8. *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений. М. 2003. С. 341 - 344.
9. *Гудков Л. Д.* Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации // Куда идет Россия? М., 1994. С. 176.
10. Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С. 273, 281.
11. Российская идентичность в центре и регионах. М., 2009. С. 237 - 242. Выборка для Саха (Якутии) в 2007 г. составляла 1520 человек.
12. Общественное мнение 2006. М., 2006. С. 17 - 20.
13. Подсчитано с помощью поисковой функции в программе Microsoft Word (Ctrl+F).
14. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерактивную социологию. Пер. с нем. *Головина Н. Л. и Козловского В. В.* СПб: Изд-во "Алетейя", 2000. С. 26 - 27.
15. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис, М. 1996; *его же* Детство и общество. СПб., 1996.
16. Общественное мнение 2006. М., 2006. С. 161; Общественное мнение 2008. М., 2008. С. 124.
17. Социальное неравенство этнических групп / Отв. ред. *Л. М. Дробижева*. М., 2002. С. 61 - 191; Общественное мнение 2005. М., 2005. С. 131 - 135.
18. *Pettigrew T.F., Meertins R.W.* Subtle and Blatant Prejudice in Western Europe // European Journal of Social Psychology. 1995. Vol. 25. P. 57 - 75.
19. Проект ESS-Россия. Опрос в 150 населенных пунктах во всех округах РФ, 2400 единиц наблюдения. - <http://www.European-socialsurvey.org>.
20. Общественное мнение 2008. М., 2008. С. 135, 140.
21. *Гудков Л., Дубинин Б.* Своеобразие русского национализма // Pro et contra N 2 (29), 2005.
22. Исследование поддержано Ино-Центром. Ресурсная группа Института социологии - *Дробижева Л. М., Черныш М. Ф., Чирикова А. Е.*
23. Современные этносоциологические исследования в республике Татарстан. Казань, 2008.
24. Социальное неравенство этнических групп / Отв. ред. *Дробижева Л. М.* М., 2002. С. 241. Анализ выполнен *Рыжовой С. В.*
25. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. *Л. М. Дробижева*. М.: ИС РАН, 2009. С. 213.
26. Общественное мнение 2008. М., 2008. С. 141.

Курске В.С. Язык как фактор этнической идентичности российских немцев¹⁴

КУРСКЕ Владислав Сергеевич - младший научный сотрудник Московского Центра Карнеги (E-mail: vkurske@carnegie.ru; kurske@yandex.ru).

Аннотация. Анализируется роль немецкого языка как ключевого элемента этнической идентичности российских немцев. Рассмотрены основные языковые практики и потребности этой этнической группы. Освещены вопросы русско-немецкого билингвизма, соотношения литературного немецкого языка и его диалектов среди немцев России.

Ключевые слова: немецкий язык * родной язык * диалект * этническая идентичность * российские немцы

Рассматриваемая тема являлась одной из ключевых во всероссийском исследовании, проведенном в 2009 г. при финансовой и организационной поддержке Министерства регионального развития РФ и Министерства внутренних дел ФРГ. Курировал его Международный союз немецкой культуры. Опрошено 1500 российских немцев с учетом их распределения по федеральным округам РФ. В выборке воспроизводились половозрастная и профессиональная структуры немецкого населения, отраженные в переписи 2002 г., что обеспечивает репрезентативность полученных данных. Ошибка выборки - 3%. *Объект* исследования - этносоциальные и этнолингвистические процессы в среде российских немцев; *предмет* - механизмы формирования и функционирования их языковой компетентности на когнитивном, эмоциональном и практическом уровнях.

Язык играет чрезвычайно важную роль в жизни любого народа, так как служит средством накопления и передачи значимой информации, беря на себя исполнение функции внутриэтнического общения. Коммуникативным функциям языка соответствуют многочисленные сферы общения людей, из которых наиболее важными являются образование, наука, литература, периодическая печать, переписка и делопроизводство, общественные и культурно-массовые мероприятия и т.д. При проведении опроса концентрировалось внимание на осознании респондентами немецкого языка в качестве родного.

По данным Всесоюзных переписей населения, немецкий язык считали родным для себя в 1959 г. 75% немцев СССР, в 1970 г. - 66,8%, в 1979 г. - 57%, в 1989 г. - 48,8%. Как видим, за 30 лет произошло заметное снижение доли считающих родным языком немецкий. Следует отметить, что в Казахстане и Средней Азии показатели признания немецкого языка родным были выше, чем в РСФСР, где в 1989 г. таковым его признали 41,8% немцев [1]. Эти данные свидетельствуют о быстрой утрате немецким языком своих позиций. Приведенные цифры отражают данную тенденцию. К сожалению, в

стр. 135

документах Всероссийской переписи населения 2002 г. отсутствовал вопрос о родном языке. Но изучение динамики индикатора знания этого языка немцами России и по переписям населения, и по социологическим опросам показало, что он снижался примерно на 1% в год на протяжении длительного времени. При планировании опроса мы исходили из гипотезы, что доля считающих немецкий язык родным среди российских немцев в настоящее время составляет около 30%. Эта гипотеза подтвердилась. По данным исследования, немецкий язык признали родным 30,6%, русский - 60%, оба языка (и русский, и немецкий) - 9,1%, другие языки - 0,3%.

Понятие "родной язык" примечательно тем, что тесно связано с этническим самосознанием. Признание какого-либо языка родным, на наш взгляд, является отражением

¹⁴ Курске В.С. Язык как фактор этнической идентичности российских немцев // В.С. Курске // Социологические исследования, 2011, №3. С. 135-139

не только языковой практики, но и степени выраженности национальной идентичности. Следует отметить, что в настоящее время одной из важных характеристик этнической группы российских немцев, основой их сложно-составной идентичности является немецко-русский билингвизм. Однако, несмотря на то, что последние десятилетия продолжается и усиливается тенденция к сокращению сфер применения немецкого языка, он *продолжает восприниматься как ключевой элемент этничности*. В России немцы могут и не владеть "родным" языком на практике, но придают ему символическую ценность. К примеру, использование минимального набора немецких слов (приветствия, пожелания, молитвы, песни) позволяет им успешно конструировать своего рода этнический "код", возможно, не понятный для окружающих. Немецкий является неотъемлемым элементом торжеств и национальных праздников. Даже если его почти никто не понимает, он выступает в качестве маркера этничности, подчеркивая "немецкий характер" того или иного события.

Для немцев России характерен высокий уровень владения русским языком: 99,75% учтенных переписью 2002 г. [2] (в целом среди нерусских народов РФ он составил 92,1%). По данным нашего опроса, только 4 человека из 1500 опрошенных не владеют русским языком; 7 - плохо понимают и говорят по-русски, 16 - испытывают определенные трудности при разговоре на русском языке. Остальные владеют им свободно. Полилингвизм, т.е. знание помимо немецкого и русского еще какого-либо языка, характерен для 1,5% респондентов.

Разумеется, нам было особенно важно выяснить, насколько хорошо российские немцы владеют своим языком. Из 1453 человек, ответивших на него, 31,2% отметили - "свободно владеют"; 33% - хорошо понимают, но плохо говорят; 18,3% - плохо понимают и плохо говорят; 9,7% - плохо понимают и не могут объясняться; 7,8% - не владеют.

Низкая степень владения респондентами родным языком вполне объяснима, если учесть условия, в которых он развивался в России: наличие разнообразных диалектов и слабое распространение литературного (стандартного) языка, ликвидация АССР немцев Поволжья и соответствующих структур преподавания и издания на немецком, признание его в СССР только в качестве иностранного, последующая языковая ассимиляция [см. 3]. Проявились противоречивые тенденции в области языковой компетенции: с одной стороны, растет доля немцев, не владеющих своим языком; с другой, - увеличивается численность тех, кто владеет им свободно. Эта ситуация связана, в частности, с развитием в 1990 - 2000 гг. преподавания немецкого через различные формы (школы, курсы). Сегодня знание языка выше у представителей молодого поколения по сравнению со средним. Если у представителей старшего поколения достаточную языковую компетентность можно объяснить сохранением языка в семьях, то у молодежи она формируется в основном посредством образования.

Весьма значимой при характеристике этнолингвистических процессов является *сфера применения немецкого языка*. Когда российские немцы говорят по-немецки? Если исключить употребление немецкого языка во время поездок в Германию (там вынуждены это делать почти все), то чаще всего он используется в Центрах немецкой культуры - так ответили 39,2% респондентов. Из других сфер общения этот язык поч-

стр. 136

ти исчезает: с родителями на нем говорят 17,6% респондентов, с супругами - 7,3%, с детьми - 4,7%. Еще реже он употребляется в общении с друзьями (3,1%) и на работе (1,7%).

Следует подчеркнуть, что все сферы общения стали *двуязычными*: владеющие немецким редко пользуются только им (или исключительно русским). Чаще всего респонденты отвечали: "Говорим и по-немецки, и по-русски, а выбор языка зависит от конкретной ситуации". Так, "и по-русски, и по-немецки" (без какого-либо предпочтения, в зависимости от ситуации) говорят с родителями 20,8% респондентов, с супругами - 14,7%,

с детьми 19,3%, на работе - 9,7%, с друзьями и соседями - 17,6%, в Центре немецкой культуры - 32%. Билингвизм связан не только с ассимиляционными процессами - в этом случае зависимость прямая, но и с тем, что устаревшие диалектные формы, которые в основном употребляются немцами в обычной речи, не отвечают потребностям времени, например, в производственной сфере общения.

Важным аспектом является форма немецкого языка, бытующего в среде российских немцев. Для них традиционно характерны различные диалекты и говоры, а применение литературного языка ограничивалось обычно официально-бюрократической сферой. Правда, позиции его в последние годы значительно укрепились, но пока не являются преобладающими. Так, при ответе на вопрос, в какой форме респонденты, владеющие немецким языком, его знают, 43,6% указали, - в форме литературного языка; 37,3% - в форме диалектов и 19% респондентов отметили, что владеют и той и другой. Как и следовало предполагать, носителями диалектов и говоров являются представители старшего поколения, а стандартный немецкий более популярен у молодежи. В силу естественных демографических процессов в ближайшие годы можно ожидать перехода большей части немецкого населения России с *диалектного на литературный язык*.

Интересно, как именно и в каком возрасте респонденты овладели родным языком. Чуть более половины их (54,3%) знают язык с детства - на немецком говорили в их семьях (именно здесь - преимущественно на диалектах); изучали в школе (в основном как иностранный) - 60,7%; в вузе (22,5%); на специальных курсах (16,9%); в национально-культурном центре (11,5%). Очевидна преобладающая роль образовательных структур в формировании языковой компетенции российских немцев. Эти структуры в наибольшей мере способствуют сохранению немецкого языка.

Частота употребления этого языка, судя по ответам респондентов, выше в местах компактного проживания немцев, в сельской местности, в семьях, где сохраняется язык, в районах, где развита сеть национально-культурных центров, и они активно функционируют. По данным опроса, каждый день используют в общении немецкий 21,3% респондентов, несколько раз в неделю - 26,5%, несколько раз месяц - 16,7%, несколько раз в год - 18,3%; никогда не используют - 17,2%.

Из сказанного следует: *русско-немецкое двуязычие* является определяющей чертой в характеристике языковых процессов в среде немецкого населения России. Принято различать экстенсивную и интенсивную тенденции развития двуязычия. В первом случае оно распространяется вширь, то есть вторым языком овладевает все больше представителей этнической группы. В другом случае происходит "углубление" двуязычия посредством лучшего овладения русским языком с использованием его во внутриаэтническом общении. У немцев наблюдаются обе эти тенденции; в последнее время возрастает роль русского языка во всех сферах речевой деятельности.

Об этом свидетельствует и предпочитаемый язык при чтении периодических изданий и литературы. Если для этого русский используют практически все респонденты, то на немецком языке газеты и журналы читают 28,3% опрошенных, учебную и научную литературу - 22,5%, художественную литературу - 15,3%.

На развитие языковой ситуации большое влияние оказывает психологическая установка населения на язык школьного обучения. Она определяется по двум параметрам: во-первых, по степени осознания необходимости преподавания детям языка своей национальности, во-вторых, по выбору типа школы для своих детей в проектив-

стр. 137

ной ситуации. Так, при ответе на вопрос "Как Вы считаете, нужно ли детям российских немцев преподавать в школе немецкий язык?" - утвердительно ответили 92,6%, затруднились ответить 6,7%, отрицательно ответили лишь 0,7% респондентов. Как видим, абсолютное большинство немцев считает, что в школах необходимо преподавать немецкий язык, причем наблюдается рост численности осознающих эту необходимость.

Немецкий язык воспринимается респондентами как "этническое богатство", которое следует передать подрастающему поколению. В условиях, когда место первого иностранного языка в обучении прочно занял английский язык, положение немецкого можно охарактеризовать как очень сложное. Подавляющее большинство респондентов высказалось за расширение преподавания немецкого языка по сравнению с существующей ситуацией.

Можно констатировать, что политика по отношению к немецкому языку на протяжении XX в., привела к значительной языковой ассимиляции. После значительного, но кратковременного успеха в преподавании немецкого языка в России в 1990-х гг., в настоящее время начинают преобладать негативные тенденции, вызывающие необходимость принятия срочных мер по укреплению позиций этого языка. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос о *важности родного языка для российских немцев* (степени ее предлагалось оценить по 10-балльной шкале). 54,5% опрошенных дали оценку "10 баллов". Лишь 40 человек выставили оценки от 1 до 4 баллов. Средняя оценка важности - 8,5 баллов.

В настоящий момент русско-немецкое двуязычие, которое воспроизводится в немецкой среде уже в течение жизни нескольких поколений, позволяет рассматривать его не только как этносоциальное явление, но *в некоторой степени как этнический признак российских немцев*. Являясь исторически оправданным и необходимым в связи с ростом межэтнических отношений, двуязычие ведет к уплотнению информационно-коммуникативных связей между представителями разных народов, позволяет повысить их адаптивные возможности.

Наряду с этим, развитие двуязычия ускоряет процессы межэтнической интеграции и ассимиляции, что в ряде случаев ведет к ослаблению позиций национального языка и связанной с ним культуры. В условиях иноэтничного окружения эти процессы являются неизбежными. Речь может идти лишь о темпах и масштабах языковой ассимиляции. Оптимальным является вариант естественной ассимиляции и межэтнической интеграции. Однако в России происходила и насильственная ускоренная ассимиляция, что привело к неудовлетворенности запросов немецкого населения в области национального языка и национальной культуры. Не случайно на вопрос "Может ли человек, не знающий немецкого языка, быть российским немцем?" 78,2% опрошенных ответили утвердительно; затруднились с ответом 11,2% и лишь 10,6% сказали, что это невозможно. Существует значительный разрыв между национальной идентичностью и реальной практикой применения национального языка. Усилия германской стороны вернуть в обиход российских немцев национальный язык пока не дают существенных результатов. Объяснением может служить постоянный отток носителей языка в ФРГ. Все это коренным образом трансформирует качественные характеристики самой этнической общности российских немцев, делая ее более "поверхностной" [см. 4].

В заключение следует отметить, что немецкий язык выполняет для российских немцев значимую символическую функцию. Большинство респондентов питает к нему высокую эмоциональную привязанность. Несмотря на то что немецкий все реже реально используется на практике в обыденной жизни, он продолжает играть роль этнического "кода", проводя границу между "своими" и "чужими". Знание родного языка (или желание его изучать) является одним из ключевых маркеров этнической идентичности немцев. Невозможность адекватно удовлетворить эту потребность в рамках общеобразовательного процесса может привести к росту недовольства данной этнической группы. Во избежание этого следует разработать и внедрить программы по двуязычному обучению немцев в местах их компактного проживания. Новые возможности в решении этого вопроса открываются в связи с перспективой подписания

Россией Европейской хартии о региональных языках. Необходимы более адекватные и эффективные меры совместной помощи этой группе со стороны России и Германии для сохранения ее языковой компетентности и этнической идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Переписи населения в России и СССР - <http://www.wolgadeutsche.ru/genealogy/perepis.htm> (Дата посещения 12.01.2010).
2. Всероссийская перепись населения 2002 года - <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (Дата посещения 17.02.2010).
3. Впервые так громко российские немцы заявляют о проблемах изучения немецкого языка. - <http://www.sibrd.ru/index.php?page=890> (Дата посещения 12.12.2009); Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918 - 1941. 1941. М.: "МСНК-дресс", 2007.
4. Бергнер К. Язык как основная предпосылка развития этнической идентичности. <http://www.rusdeutsch.ru/?audio=audio&menu=1003&rasda=1> (Дата посещения 17.02.2010).
стр. 139

Ким Е.В. Российские корейцы: грани этнической идентичности¹⁵

Е. В. КИМ - Соискатель Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Ключевые слова: корейская диаспора, этническая идентичность, интеграция, принимающее общество, страна происхождения

Еще десятилетие назад бытовало мнение, что глобализация, унификация культуры и развитие личностного индивидуализма постепенно приведут к нивелировке этнических факторов в жизни людей. Но одновременно в мире развернулись процессы, связанные со стремлением многих народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность их культуры и национального характера. Это явление получило название "этнического парадокса" современности, т.к. противоречило прогнозам развития глобализованного общества¹.

Несмотря на унификацию материальной и духовной культуры, этнические сообщества остаются довольно устойчивыми формированиями. Для миллионов людей этническая идентичность - это данность, не подлежащая сомнению: с ее помощью они осознают себя и благодаря ей могут ответить себе на вопрос "Кто я и с кем я?"².

Таким образом, в современном обществе не уменьшается, а в ряде случаев даже возрастает роль этнического фактора, происходят процессы этнического возрождения. При этом наблюдается феномен почти одновременного подъема этнической идентичности у диаспор и роста интереса к диаспорам как со стороны стран происхождения, так и принимающих стран³.

Это относится ко многим этническим сообществам, в т.ч. и к корейскому в современной России.

ПРОБУЖДЕНИЕ

История добровольного переселения корейцев в Россию началась с 1860-х гг., и по результатам переписи 2010 г. их численность насчитывает 153 156 чел.⁴

Данные переписи 2010 г. о национальном составе населения РФ по федеральным округам будут опубликованы в 2013 г. Согласно переписи 2000 г., российские корейцы насчитывали 148556 человек. Они распределились по округам следующим образом: Дальневосточный 61946 чел., в основном на Сахалине и в Приморском крае, Южный - 39031 чел., Центральный - 16720 чел., в основном в Москве, Сибирский - 10797 чел., Приволжский - 9088 чел., Северо-Западный - 6903 чел., в основном в Санкт-Петербурге, Уральский - 4071 чел.⁵

¹⁵ Ким Е.В. Российские корейцы: грани этнической идентичности /Е.В. Ким // Азия и Африка сегодня, 2013, №2. С. 52-56

За более чем 140 лет проживания на территории России корейцы прошли период компактного поселения на Дальнем Востоке и занятия преимущественно сельским хозяйством, перенесли репрессии и депортацию в Среднюю Азию и Казахстан, затем реабилитацию и восстановление прав. На сегодняшний день они расселены по всем регионам России, отличаются высоким уровнем образования и представлены как в деловой элите, так и в государственных органах.

Во второй половине 1980-х гг. в Советском Союзе одновременно с процессами социально-политических преобразований начались процессы пробуждения этнического самосознания и возрождения национальной культуры различных этнических групп. Начало 1990-х гг., ознаменовавшееся процессами суверинизации в постсоветском пространстве, сопровождалось выстраиванием на правительственном уровне стратегий взаимодействия этих групп с государством. Одной из форм таких взаимоотношений выступала деятельность общественных организаций.

В это время у многих народов России, в т.ч. и у корейцев, наметилась тенденция к объединению. В ряде регионов Российской Федерации образовались ныне существующие официальные организации корейцев, стремящиеся выражать их интересы и способствовать их консолидации.

Первой подобной организацией стала Московская организация корейцев, возникшая в 1989 г. Была создана и общесоюзная структура - Всесоюзная ассоциация советских корейцев (ВАСК). Несмотря на свое недолгое существование, она провела несколько съездов, результаты которых и по сей день имеют немаловажное значение. Были приняты принципиальные решения: невозвращение к вопросу о территориальной автономии; учет в своей практической работе не только внутренних условий, но и международного положения корейской диаспоры; формирование нового национального самосознания российских корейцев; возврат к истокам национальной культуры; внедрение модели билингвизма в корейском обществе; осознание российскими корейцами своей полноценности в Российском государстве⁶.

После распада Советского Союза начали действовать общероссийские и международные корейские организации:

- Ассоциация корейцев России (АКР);
стр. 52

-
- Международная конфедерация корейских ассоциаций (МККА);
 - Ассоциация содействия объединению Кореи ("Единство") -Федеративная национально-культурная автономия (ФНКА);
 - Общероссийское объединение корейцев (ООК);
 - Международная корейская ассоциация "Единство";
 - Евразийская ассоциация корейцев;
 - Корейское женское общество⁷.

На данный момент только в Москве зарегистрированы и действуют более 10 организаций российских корейцев: Межрегиональная общественная организация содействия мирному объединению Кореи "Бомминрён", Общероссийское объединение корейцев (ООК), Московское отделение ООК, Информационный бюллетень "Единство", гильдия корейских журналистов в России, газета "Российские корейцы" и др.⁸

Подобная тенденция была характерна и для других народов Российской Федерации. Произошла институализация этничности в смысле организационного оформления этнических групп.

Наряду с общероссийскими объединениями существуют и региональные корейские организации. Они ставят перед собой такие цели, как содействие возрождению коренной национальной культуры, традиций, обычаев, изучению корейского языка, а также поддержку мирного объединения Кореи (из Устава общественного объединения "Единство")⁹.

Более 15 лет в Хабаровске ежегодно проводится фестиваль корейской культуры. Его организует Ассоциация корейских организаций Дальнего Востока и Сибири, при поддержке министерства культуры Хабаровского края и филиала Ассамблеи народов России. Цель фестиваля - укрепление связей корейцев, проживающих на территории России, с их исторической родиной.

Каждый год фестиваль собирает по несколько тысяч человек, включая участников и зрителей. Причем национальный состав не ограничивается только представителями корейской диаспоры города и края.

К празднованиям присоединяются представители всех национально-культурных центров, работающих в краевой столице, а также простые жители города. Среди почетных гостей всегда присутствуют представители аппарата полпреда в ДФО, правительства Хабаровского края, администрации города Хабаровска, сотрудники дипломатических миссий и гости из Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики, в т.ч. деятели традиционного, класси-

целями диаспоральной политики провозглашаются сохранение этнической идентичности зарубежных соотечественников и формирование из них образцового сообщества в рамках принимающей страны¹⁰, в действительности планы Сеула намного амбициознее.

В начале 1990-х гг. были учреждены основные институты взаимодействия с зарубежными корейцами: секретариат по вопросам зарубежных соотечественников при администрации чешского и современного искусства из Южной Кореи.

АКТИВИЗАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Пробуждение этнических чувств среди корейцев России в конце XX в. совпало с активизацией деятельности Республики Корея по взаимодействию с зарубежными соотечественниками. Эту деятельность Сеул рассматривает как одно из направлений внешней политики.

К тому времени Южная Корея подошла с накопленным солидным экономическим потенциалом, не сопровождавшимся существенным увеличением политического веса в международных делах. Страна ищет пути устранения дисбаланса между экономической и политической мощью. И хотя в официальных документах президента (май 1993 г.); комитет по диаспоральной политике под руководством премьер-министра (февраль 1996 г.); фонд зарубежных корейцев (октябрь 1997 г.)¹¹. В 1999 г. был принят закон, определяющий юридический статус зарубежных соотечественников, по которому ими признавались: бывшие граждане Республики Корея, имеющие вид на жительство за границей, а также ее граждане, проживающие за границей с целью получить вид на жительство; лица, в прошлом имевшие корейское гражданство (включая тех, кто эмигрировал из страны до основания РК), а также их прямые потомки¹².

стр. 53

Юридическое определение статуса зарубежных соотечественников свидетельствует о развитости диаспоральной политики Южной Кореи. Зарубежные соотечественники имеют по сравнению с другими иностранцами привилегии по въезду в страну, занятию трудовой деятельностью, инвестированию, покупке недвижимости в РК. По сути, они занимают промежуточное положение между ее гражданами и иностранцами.

Согласно типологии диаспоральных стратегий Алана Гамлена - ученого из Оксфордского университета¹³, деятельность Республики Корея по отношению к зарубежным соотечественникам можно разделить на следующие направления:

- Нарращивание потенциала укрепления этнической принадлежности на основе системы символов. К этому относится финансирование корейских культурных центров за рубежом, курсов корейского языка для представителей диаспоры, культурных мероприятий и пр.

- Расширение прав диаспоры: РК предоставляет зарубежным соотечественникам привилегии при въезде и деятельности в стране.

- Получение помощи со стороны диаспоры: привлечение инвестиций соотечественников и интеллектуальных кадров из их числа и пр.¹⁴

Таким образом, первоочередной задачей диаспоральных стратегий РК ставит пробуждение либо укрепление у представителей диаспоры чувства этнической идентичности. Поэтому при рассмотрении специфики этнической идентичности корейцев России следует учитывать усилия Южной Кореи, направленные на ее формирование.

КАК МЫСЛЯТ КОРЕЙЦЫ НОВОСИБИРСКА И ТОМСКА

В Новосибирске корейцы объединяются вокруг Региональной национально-культурной автономии корейцев Новосибирска. Постоянный организационный комитет регулярно проводит мероприятия культурного характера. Они получают поддержку региональных администраций города и области. В Новосибирске, где проживает около 2 тыс. корейцев, ежегодно на празднование традиционного Нового года по лунному календарю собирается приблизительно 500 чел.

В течение 2007 г. автор статьи провела исследование в Новосибирске и Томске, состоящее из анкетирования российских корейцев в возрасте 17 - 73 лет общей выборкой 100 чел. и 6 интервью с активными лидерами корейских диаспор в указанных городах.

Респондентам предлагалось выполнить тест Куна-Макпартленда, который позволяет определить не только структуру самосознания, но и степень значимости для них различных ее компонентов.

Этот метод был разработан в 1950-е гг. для изучения самоидентификации личности. Опрашиваемому предлагается 20 раз ответить на вопрос "Кто я?", используя только существительные, в том порядке, в каком ответы приходят в голову¹⁵. Авторами этой методики было установлено, что ответы разбиваются на 4 класса. Два из них относятся к объективным (обозначим их как К1 и К2), а другие два - к субъективным (К3, К4). К классу К1 относятся такие самоопределения индивида, как физический объект (Я - человек, Я - женщина). Класс К2 составляют самоопределения, представляющие индивида как социальный объект (Я - член общества, Я - студент). К классу субъективных определений К3 относятся те, которые связаны с социально значимыми характеристиками поведения (Я - оптимист, Я - любитель музыки). И наконец, класс К4 образуют те самоопределения, которые в той или иной мере нейтральны по отношению к социальному поведению.

Идентификатор этнической идентичности относится ко второму классу. Использование данного метода в работе, посвященной корейцам России, позволило оценить иерархию их идентичности. Помимо опросов, были проведены несколько бесед с респондентами в форме свободного интервью.

При выполнении теста Куна у 57% опрошенных среди 20 существительных присутствовал этноним (кореец или кореянка). 25% расположили этот ответ в числе первых 3 пунктов. Остальные 32%, у которых присутствовал этноним в числе 20 ответов на вопрос "Кто я?", расположили ответ "кореец/кореянка" в числе последующих пунктов. Это позволяет сделать следующие выводы:

- у большинства сибирских корейцев (57%) в структуре самосознания присутствует этническая идентичность;

- для 25% опрошенных характерна высокая значимость этнической принадлежности;

- у 32% этническая идентичность по значимости уступает другим социальным идентичностям;

- этническая идентичность корейцев иерархична в смысле различия в уровне этнического самосознания и степени ее важности в структуре социальных идентичностей. Т.е. для некоторых этническая идентичность занимает одно из ключевых мест в их индивидуальном наборе идентичностей, а для других - одно из второстепенных.

Разброс того, под каким порядковым номером респонденты располагали этноним, позволяет выявить некую иерархию национальной идентификации. Можно выделить как минимум три группы опрошенных.

К первой группе относятся те, в чьих ответах отсутствовал этноним (самоназвание этноса). Вторая группа опрошенных расположила этноним среди первых трех пунктов ответа. А третья группа - среди последующих пунктов. Половозрастные различия и различия в месте рождения респондентов разных групп, хоть и не в значительной мере, но все же присутствуют. Так, во второй группе опрошенных преобладают выходцы из Средней Азии и Приморья, т.е. районов компактного проживания корейцев. Респонденты третьей группы - это чаще всего лица, рожденные в России, в которых проживает незначительное число корейцев (кроме Приморья). К первой группе относятся выходцы всех регионов России и Средней Азии, но особенностью этой группы является то, что только в ней присутствуют корейцы старше 70 лет. Для этих лиц характерно преобладание се-

стр. 54

мейных и социально-релевантных (значимых) идентичностей.

Средний ранговый номер этнических самооценок сибирских корейцев равен 3,4. Низкий ранговый номер (ближе к 1) свидетельствует о значимости этнической принадлежности для членов группы, о напряженной работе механизмов социально-психологической защиты группы от разрушения¹⁶. Ранговый номер этнических самооценок от 3 до 4 в целом по группе наряду с другими показателями, согласно Н. М. Лебедевой, характеризуют модель "здоровой" этнокультурной группы. Эта модель складывается в ситуации устойчивости этнокультурной группы, когда межэтнические отношения строятся по типу интеграции.

Во второй части анкеты респондентам предлагалось расставить в порядке значимости следующие понятия: россиянин, сибиряк, житель г. Новосибирска/Томска, кореец, российский кореец, сотрудник фирмы или прочее.

По средним показателям на первое место сибирские корейцы поставили понятие "российский кореец". Затем "кореец", "россиянин", "житель Новосибирска/Томска", "сибиряк" и "сотрудник фирмы или прочее". Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для сибирских корейцев характерен достаточно высокий уровень этнической идентичности. В то же время корейское сообщество Новосибирска и Томска четко ассоциируют себя с Россией.

Гражданская принадлежность также занимает одно из первых мест в данной шкале. Тест показал, что этнический и гражданский показатели для сибирских корейцев стоят на более высоких местах, нежели профессиональная принадлежность. Показатели места жительства, как региональный, так и городской, не особенно высоки. Это может свидетельствовать о высокой мобильности российских корейцев.

К сожалению, опрос проводился только в Новосибирске и Томске, которые являются репрезентативными городами Западной Сибири. Ситуация в других регионах России, в особенности на Дальнем Востоке и на о. Сахалин, может в определенной степени отличаться от полученных результатов. Однако, как представляется, в целом она характерна для большинства российских корейцев. В пользу этого свидетельствует образование корейских национальных культурных центров и региональных организаций по всей России. Они тесно сотрудничают друг с другом как на общероссийских собраниях, так и приглашая гостей из других регионов на местные мероприятия.

Следует отметить, что среди сибирских корейцев представлены выходцы из других регионов, в т.ч. таких важных, как пограничный с Корейским полуостровом Приморский край, а также Средняя Азия, один из центров высланных из Дальнего Востока корейцев.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СВЯЗКЕ С АДАПТАЦИЕЙ

По результатам обоих тестов можно сделать вывод о том, что, несмотря на длительное проживание в иноэтничной среде, российские корейцы сохранили этническую идентичность. Однако активная включенность корейцев в российское общество свидетельствует об успешности адаптационных процессов.

По мнению Л. М. Дробижевой, если в обществе социальное и этническое деление не совпадают, если нет соперничающих социальных групп, различающихся по национальному признаку и нет конфликтов, то принадлежность к этнической общности становится для личности несравнимо менее существенным признаком, чем принадлежность к социальной, политической группе, коллективу. В обычных условиях, а точнее, без "внешнего давления" для национальной идентификации большее значение приобретают те культурные различия, которые осознаются в процессе межэтнических сопоставлений¹⁷.

Для корейцев России не характерны какие-либо крупные конфликты с другими этническими группами. Развитие корейского сообщества России происхо-

стр. 55

дит по типу интеграции (в отличие от ассимиляции и сепарации -стремления к отделению), для которой характерно сохранение этнической идентичности одновременно с частичным усвоением культурных ценностей других этнических групп.

Один из лидеров российской этносоциологии Ю. В. Арутюнян выделяет четыре "этнических" источника, питающих национальное самосознание: "родовой", связанный с происхождением, "психологический", "культурный" и, наконец, "социальный"¹⁸.

"Родовой" источник особенно сильно сказывается в экстремальных ситуациях, объединяющих людей по этническому признаку. "Психологический" источник также является ситуативным. В условиях обесценивания исторически накопленных народом духовных идеалов - от религиозных до социальных - вакуум заполняется гипертрофированными национальными чувствами¹⁹. "Культурные" источники - это приобщенность людей к национальному языку, культуре, нормам поведения, обычаям, обрядам и другим атрибутам образа жизни. Суть "социального" источника - это стремление к "активизации" своего народа и собственных социальных ролей²⁰.

Опираясь на эту теоретическую концепцию, можно предположить, что на сибирских корейцев наиболее сильное воздействие оказывает "этносоциальный" источник. Всплеск этничности у корейцев Сибири вызван стремлением повысить социальный статус как группы в целом, так и отдельных ее представителей. И в рамках этой задачи происходит то явление, которое характеризуется К. В. Чистовым как способность этнического самосознания возрождать этническое, особенно в духовной жизни народа²¹.

Создание ансамблей национального танца, проведение традиционных праздников, открытие корейских ресторанов выполняют консолидирующую функцию, но за ней стоят и социальные интересы.

* * *

Таким образом, для сибирских корейцев характерно сохранение этнической идентичности, несмотря на длительное проживание в среде с иной доминирующей культурой. Этническая идентичность иерархична по своей сути. На степень приверженности к национальным корням наибольшее влияние оказывает этнокультурное окружение респондента.

Российские корейцы, в целом, и сибирские корейцы, в частности, за время своего проживания в России утратили национальный язык, религиозную общность и общность территории. Но это не привело к утрате их этнической идентичности в силу того, что эти характеристики были компенсированы культурными различиями с другими этническими группами и особенностями традиционного воспитания. На национальное самосознание сибирских корейцев значительно влияют также интересы повышения своего статуса с

помощью сплочения в рамках этнической группы. Ради них корейская диаспора Сибири активно возрождает традиционную культуру и язык.

Все это происходит на фоне активизации деятельности Республики Корея как на мировой арене в целом, так и в сфере диаспоральных контактов. Таким образом, этническая идентичность корейцев России формировалась под влиянием не только либерализации отношения к репрессированным в советское время корейцам, но в значительной мере - и диаспоральной политики Южной Кореи.

Однако из-за длительного проживания на территории России этническая идентичность российских корейцев наблюдается в неразрывной связи с российской гражданской идентичностью, о чем свидетельствуют, в частности, итоги опроса сибирских корейцев, а также документы и деятельность общероссийских и региональных корейских организаций. Другими словами, члены этой этнической группы ощущают себя не просто "корейцами" или "россиянами", а "российскими корейцами". Поэтому, как представляется, у российских корейцев даже при сближении с Южной Кореей не произойдет отождествления с ней, несмотря на все усилия Сеула в рамках его диаспоральной политики.

¹ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., Институт психологии РАН, Академический проект, 2003, с. 20 - 21.

² Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999, т. II, вып. 1.

³ Fullilove M. World Wide Webs: Diasporas and international systems. Sydney, Lowy institute for international policy publication, 2008, p. 3 - 4.

⁴ Итоги переписи 2010 г. // Информационный портал корейцев СНГ - <http://www.arirang.ru/news/2011/11077.htm>

⁴ Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" - http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus2002_02_fo.php

⁶ Пак Б. Д., Бугай П. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., Институт востоковедения РАН, 2004, с. 338.

⁷ Ли В. Д. О томичах-корейцах. Воспоминания, факты, события. Томск, STT, 2006, с. 12.

⁸ Список организаций корейцев СНГ // Информационный портал корейцев СНГ - <http://www.arirang.ru/regions/russia/moscow.htm>

⁹ Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. Указ. соч., с. 331.

¹⁰ Сайт южнокорейского Фонда зарубежных корейцев - <http://www.okf.or.kr/portal/PortalView.do?PageGroup=USER&pageId=1328006198603&query=>

¹¹ Чонг Ин Сон. Чеведонпхопоб (Закон о зарубежных соотечественниках). Сеул, Сарансэнгак, 2002, с. 12.

¹² Сайт министерства иностранных дел и торговли РК. Чеведонпхо чхурипгукква попчок чивие кванхан попрыл N 10275 (Закон о въезде и выезде зарубежных соотечественников и их юридическом статусе) - <http://mofaweb.tnofat.go.kr/Lawinfo.nsf/all/B54FEB9608D9FEB04925695F0023BD70?opendocument>.

¹³ Gamlen A. Diaspora Engagement Policies: What are they, and what kinds of states use them? // Centre on Migration, Policy and Society, Working Paper No. 32, University of Oxford, 2006 - <http://www.compas.ox.ac.uk/fileadmin/files/pdfs/WP0632-GamIen.pdf>

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Лебедева Н. М. Социально-психологические критерии устойчивости этнокультурных групп // Методы этноэкологической экспертизы. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1999, с. 187.

¹⁶ Там же, с. 180.

¹⁷ Дробижева Л. М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Советская этнография, 1985, N 5.

¹⁸ Аруттюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социальные исследования, 1990, N 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. с. 49.

²¹ Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Советская этнография, 1972, N 3.

Ходжаева Е.А., Шумилова Е.А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в республике Татарстан¹⁶

ХОДЖАЕВА Екатерина Анисовна - аспирантка кафедры социологии Казанского государственного университета. ШУМИЛОВА Елена Алексеевна - аспирантка отдела этнологии института истории АН Республики Татарстан. (с) 2003 г.

В Татарстане 90-х годов ислам, как и остальные религии, переживает период возрождения. Об этом свидетельствуют количественные показатели: если к концу 1980-х годов в республике функционировали 18 мусульманских общин, то на 1 января 2001 г. с учетом перерегистрации ранее действовавших и впервые зарегистрированных организаций на территории Республики Татарстан в государственный реестр внесено 804 мусульманских организации. В настоящее время в республике активно протекает процесс становления и развития исламского среднего и высшего образования: на территории республики официально действуют 5 средних профессиональных религиозных учебных заведений, 2 - высших и один университет¹.

Религиозное возрождение в Татарстане, особенно ярко проявившееся после распада СССР, шло рука об руку с этническим. Растущая среди молодежи приверженность к религии, хотя почти не сопровождается повышением религиозности, приводит к реальному росту этничности. И поскольку в молодежной среде поиск новых идентичностей особенно актуален, представляется интересным проиллюстрировать подобный тезис результатами исследования "Процесс исламизации в РТ: влияние на социальную стабильность и формирование новых идентичностей молодежи"². В рамках данного исследования в октябре 2001 г. проводился массовый опрос молодежи. Стратифицированная выборка составлялась с учетом квот по полу, возрасту, национальности, месту жительства и роду занятий. Респонденты отбирались по месту учебы, работы, или, как в случае с безработными, на бирже труда и по месту жительства. Характеристики выборки: 1026 человек в возрасте от 15 до 29 лет, из которых 558 - татары (54,4%), 407 - русские (39,7%) и 61 - представители других национальностей (5,9%). Опрос проводился в режиме самозаполнения: вопросы веры являются интимными, и необходимость обсуждения их с интервьюером, на наш взгляд, уменьшает степень искренности респондентов.

Перейдем к анализу результатов опроса. Лишь 4% молодых татар считают себя верующими людьми, исполняющими религиозные обряды. Большинство (62%) назвало себя верующими, отметив, что всех религиозных обрядов они не исполняют. В то же время более трети представителей опрошенной татарской молодежи при ответе на вопрос "Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?" выбрали именно религию (36,9%). Этот вариант ответа занимает третье место после языка (77,2%) и обрядов и обычаев (49,8%).

В ходе анализа результатов опроса производилась типологизация по уровню религиозности тех участников опроса, которые причислили себя к татарскому этносу³. В основание типологии нами положены два критерия: идентификация респондентов с определенной конфессией и выполнение соответствующих религиозных обрядов. Выделено несколько групп татарской молодежи.

стр. 106

¹⁶ Ходжаева Е.А., Шумилова Е.А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в республике Татарстан /Е.А. Ходжаева, Е.А. Шумилова // Социологические исследования, 2003. №3. С. 106-108.

1. *Внеконфессиональная группа*: люди, не являющиеся сторонниками определенных конфессий (19%). Воздействие процесса исламизации на данную группу можно считать минимальным. Соответственно, возможно принять ее в текущем исследовании в качестве контрольной.

2. *"Номинальные" мусульмане*: значимая в процентном отношении группа молодежи (38%), идентифицирующая себя с исламом, но не исполняющая мусульманских обрядов.

3. Немногочисленная *"переходная группа"* людей, исполняющих только те мусульманские обряды, которые имеют социальное значение или принадлежат преимущественно к народной традиции (свадебный - никах, похоронный - жиназа уку, имянаречение - исем кушу и др.), а также отмечающих религиозные праздники (7,2%). Представители группы по всем показателям мало отличаются от "номинальных" мусульман, поэтому при анализе, на наш взгляд, допустимо данные группы рассматривать вместе.

4. *"Традиционные" мусульмане*: молодежь, исполняющая и традиционные обряды, и мусульманские ритуалы (намаз, ритуальное омовение - тахарат и пр.), а также придерживающаяся постов (ураза) (25,3%). В группу вошли все, кто при ответе на открытый вопрос "Какие религиозные обряды вы соблюдаете?" указывал хотя бы один из традиционных мусульманских ритуалов. Подобные обряды в большей степени, нежели упоминавшиеся выше социальные, способствуют структурированию повседневной жизни верующих. Их исполнение, даже неполное и нерегулярное, как и ношение особой одежды, также является внешним проявлением самоидентификации и свидетельствует о ее следующем, более глубоком уровне. Таким образом, можно утверждать, что именно данная группа является носителем религиозной идентичности (или, как будет показано ниже, этнорелигиозной идентичности).

5. Татары, относящие себя не к исламу, а к *другим религиям* (10,5%). Специфика группы требует детализации. Так, большинство в ней придерживается православия - 49 человек и лишь 10 молодых людей - других религий. Из 49 православных татар 18 отнесли себя не к татарскому этносу, а к субэтносу - татарам-кряшенам (или крещеным татарам), традиционной религией которых является православие. Кроме того, около одной трети татар, придерживающихся православия, - дети от смешанных русско-татарских браков.

Естественно, уровень религиозной идентификации увеличивается в направлении от группы, не придерживающихся никакой религии, к группе, соблюдающих традиции и выполняющих мусульманские ритуалы. При этом можно указать четкую зависимость: чем выше уровень религиозности, тем больше в группе людей, живших до 16-летнего возраста в сельской местности или в поселках. Так, среди нерелигиозных лишь одна пятая часть провела детство и юность в сельских районах или поселках городского типа, тогда как в 4-й группе их доля - до 50%.

Коснемся отличий гражданских ценностей и этнических установок представителей групп татарской молодежи. Можно констатировать различия при ответе на вопрос "Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?". Вариант "общая государственность" выбрали 15% нерелигиозной молодежи и лишь 6,4% респондентов "традиционной" группы. Однако если среди представителей внеконфессиональной татарской молодежи только татарстанцами считает себя приблизительно четверть (26%), то среди "традиционных" молодых мусульман - более половины (58,2%). Показательно также распределение по выделенным группам татарской молодежи, причисляющей себя к россиянам: среди неисламизированных татар таковых 18%, а среди "традиционных" - всего 1,5%. Только 5% респондентов внеконфессиональной группы одобряют деятельность политических национальных движений в республике, а

в "традиционной" группе респондентов с подобным отношением почти четверть (23%).

Среди исполняющей мусульманские ритуалы молодежи меньше доля респондентов с "маргинальной" этничностью. Они уверенно идентифицируют себя с определенной национальностью в 90% случаев, тогда как среди не относящих себя к определенной конфессии данная доля составляет 56%. Не идентифицируют себя ни с какой этнической группой 3,5% из числа "традиционных" молодых мусульман и 27,5% "внеконфессиональных" татар. Представители "традиционной" группы "никогда не забывают о своей национальности": в 2 раза чаще, чем не придерживающиеся никакой религии молодые татары (79% и 36% соответственно).

Среди исполняющих религиозные обряды и ритуалы доля общающихся на татарском языке более чем в два раза выше, чем среди представителей внеконфессиональной группы и "номинальных" мусульман. Заметим, что такая зависимость характерна как для общения на работе (в школе), так и для неформального общения с друзьями, соседями или членами семьи.

Рассмотрим, отличаются ли выделенные группы молодежи по межэтнической толерантности. Как и любая другая религия, ислам призывает к миру и терпимости, поэтому предполагалось повышение толерантности с ростом уровня религиозности. В ходе опроса респондентов задавался вопрос о чертах характера, присущих, на их взгляд, татарам и русским. Результаты опроса

стр. 107

показали, что "традиционная" группа татарской молодежи отличается наименьшим объемом отрицательных автостереотипов. Только 12,2% ее представителей указали на подобные черты. Данная доля в два раза меньше, чем у татар, не являющихся сторонниками определенных конфессий (24,7%).

Татары, не относящие себя к определенной конфессии, более толерантны в своих гетеро-стереотипах. Респонденты группы в 3,5 раза чаще (17,5% по отношению к 5%) называли русских добрыми и в 5 раз чаще щедрыми (10,5% по отношению к 1,9%), чем их сверстники - "традиционные" мусульмане. Вопрос задавался в открытой форме, и респонденты имели возможность указывать не только положительные черты национального характера. Почти половина (47,8%) из числа "традиционных" мусульман отметили отрицательные черты, свойственные русским. Среди "номинальных" мусульман подобная доля составила 37,2%, среди молодых татар, исповедующих другие религии, - 26,7% и среди респондентов, не относящих себя к определенной конфессии, - 20,8%.

Важный показатель межгрупповой дистанции - отношение к межэтническим бракам. В данном вопросе влияние уровня религиозности выразилось в меньшей приемлемости подобных браков для "традиционных" мусульман по сравнению со всеми остальными группами татарской молодежи. Среди представителей "традиционной" группы доля тех, кто очень не хотел бы видеть представителя другой национальности в роли супруга, в три раза больше, чем среди респондентов внеконфессиональной группы (34,4% против 11,8%). Различие между этими группами еще более выражено по отношению к межэтническим бракам детей ("Насколько бы Вам хотелось видеть представителя другой национальности в роли будущего мужа (жены) вашего ребенка?"). Вариант ответа "очень не хотелось бы" выбрали 14,7% нерелигиозных респондентов и 52,5% - "традиционных".

Результаты, опровергающие гипотезу о повышении толерантности, можно объяснить следующим образом. Во-первых, рост интолерантности по мере "исламизированности" групп, вероятно, обуславливается не воздействием религии, а

ростом этнической составляющей идентичности. Во-вторых, можно указать на большее восприятие респондентами внешней, обрядовой стороны религии, нежели концептуальной.

Выводы

Религиозные взгляды не очень распространены среди молодого поколения татар. Невысока и субъективная оценка молодыми татарами степени своей религиозности. С возрастом религиозности татарской молодежи уменьшается роль общероссийской государственности как маркера, сплачивающего этнос. В ситуации позиционирования Республики Татарстан как суверенного государственного образования региональная гражданская идентичность - татарстанец доминирует над общенациональной идентичностью в группе молодежи, отличающейся большей религиозностью ("традиционные мусульмане"), в отличие от внеконфессиональной татарской молодежи. Очевидны серьезные различия гражданской идентичности различных этнических групп молодежи: русские позиционируют себя как россияне, а татары - как татарстанцы. Можно говорить о большей поддержке в группе "традиционных мусульман" националистических проявлений в татарстанской политике. Группа "традиционных" мусульман отличается и более отчетливым этническим самосознанием по сравнению с молодыми татарами, не ассоциирующими себя ни с одной из конфессий. Представители "традиционной" группы более склонны к употреблению татарского языка в повседневном общении. Наиболее высокий уровень межэтнической толерантности свойственен внеконфессиональной, а самый низкий - религиозной татарской молодежи. Итак, для придерживающихся основных канонів ислама и предписанных этой религией обрядов молодых людей более актуализирована их этническая принадлежность в силу их большей приверженности идеям традиционализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данные опубликованы на официальном сервере Республики Татарстан: <http://www.tatar.ru>

² Исследование проводилось под руководством Г. М. Мансуровой в 2000 - 2001 гг. при поддержке фонда RSS/OSSF грант N 2071/1534/2000.

³ Дальнейшее развертывание исследования предполагает анализ этнорелигиозной идентичности русских молодых людей в Татарстане, большинство из которых придерживается православия.

стр. 108

Целищева В.Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов Дальневосточного региона¹⁷

ЦЕЛИЩЕВА Вероника Геннадьевна - преподаватель Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей экономики и права (ИВЭСЭП).

Доминирующий в отечественных науках подход к этническим различиям, сводящий их к набору объективных характеристик, не способен дать исчерпывающее объяснение этносоциальным процессам [1]. Наглядно это проявляется при исследованиях в поликультурных регионах, одним из которых является Дальний Восток России. Особенность данного региона в том, что живущие здесь вместе с русскими нанайцы, ульчи, удэгейцы объединены по весьма формальным признакам с другими народами в классификационную группу, составляющую объект государственной политики и

¹⁷ Целищева В.Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов Дальневосточного региона /В.Г. Целищева // Социологические исследования 2007, №1. С. 122-127

официально именуемую - "коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока" (КМНССиДВ, далее - КМН). До введения советской классификации о нанайцах и ульчах как о "народах" не говорилось; существовали конгломераты родов, объединенных различными связями и языками - близкими, но разделенными на ряд наречий. Территория их расселения значительно трансформировалась как под влиянием пришлого населения, так и из-за действий со стороны государства: активная колонизация XIX в., создание искусственных границ административных районов, укрупнение поселков в 60-х годах XX в., внутренняя миграция (перемещение в поселки, расположенные ближе к городам) и т.д. Языки нанайцев и ульчей находятся на грани исчезновения, практически не используются ими, особенно средним и младшим поколением. Ситуация с самоназваниями вызывает необходимость делить их на автосамоназвания и самоназвания, приписываемые русскими, которые зафиксированы в административных классификациях.

Что же, кроме расовых отличий, позволяет рассматривать нанайцев, ульчей, удэгейцев как отдельные социальные общности? Согласно конструктивистской теории, очевидно лишь осознание "своего единства и отличия от других подобных образований", "разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности, или идентичность, а также возникающая на основе этой общей идентичности солидарность" (В. А. Тишков) [2]. Это теоретическое направление, активно осваиваемое в отечественных исследованиях последних 10 лет [3], существенно расширяет представление о формировании этничности как формы групповой идентичности, ее динамики, а также зависимость форм ее проявлений от культурного разнообразия. Этничность в

Исследование осуществлено при поддержке РГНФ, проект N 01-03-18004.
стр. 122

нем рассматривается, прежде всего, как то, что относится к осознанию культуры, использованию ее как ресурса, и в то же время как то, что является частью культуры [2, с. 118]. В рамках этого теоретического направления складывается методологический аппарат, включающий пересекающиеся методы этнографии (наблюдение, описание) и понимающей социологии (интервью, контент-анализ и др.), развивается интерпретативный подход, представляющийся важным для изучения поведения партнеров по межэтническому взаимодействию.

Предлагаемое исследование, цель которого - выявить особенности этнической идентичности молодежи Приамурья (Хабаровский край), ее влияние на выбор поведенческих стратегий, характер напряженности межэтнических отношений в молодежной среде. Оно проводилось в рамках изучения механизмов и факторов, обеспечивающих самосохранение этничности у трех приамурских народов - нанайцев, ульчей, удэгейцев, в ходе которого были осуществлены 3 экспедиции в период с 1998 по 2005 гг. Местом полевой работы стали села Нанайского и Ульчского районов, удэгейское национальное село Гвасюги и г. Хабаровск. Были проведены 85 интервью с представителями рассматриваемых народов; 25 интервью - с представителями различных уровней власти, директорами школ, главами местных, районных, городской и краевой Ассоциаций КМН. В основном, это были люди старше 25 лет. Трудность заключалась в том, что лица более молодого возраста, а именно они представляли интерес в контексте проблематики исследования, были недоступны для интервью, так как во время экспедиций, проходивших в летние месяцы, их в селах практически не было. Они либо находятся в городах, поступают в учебные заведения или подрабатывают, либо заняты ловом нерестовой рыбы. Это повлияло на выбор в качестве исследовательского инструмента анкетного опроса. Он проводился среди старшеклассников (учащихся 9 - 11 классов) сел Богородское, Троицкое, Джари, Найхин и студентов из числа КМН, обучающихся в учебных заведениях г. Хабаровска, участвующих в деятельности Ассоциации малочисленных народов г. Хабаровска.

В анкетном опросе принимали участие 400 человек. Возвращенных и заполненных анкет - 305. Для сравнения опрошенные были разделены на две группы. Первая группа, условно обозначаемая как "КМН", "ульчи" - 16 человек, "удэгейцы" - 5, "нанайцы" - 39, "метисы" - 10, причислившие себя к другим народам из числа КМН - 23, всего - 93 человека. Вторая группа - "русские" и "славянской национальности", всего 201 человек. (Анкеты не ответивших на вопрос о принадлежности к этнической группе не рассматривались. Ответы второй группы даются в скобках.) Распределение по возрасту: 39 (98) человек - 14 - 15 лет, 58 (113) человек - 16 - 17 лет, 18 (0) человек - старше 17 лет. Констатируя недостаток репрезентативности опроса, хочется надеяться, что при существующем дефиците информации по рассматриваемому региону, полученные данные будут представлять интерес.

Наиболее наглядно особенности формирования этнической идентичности прослеживаются при ответах на блок вопросов, касающихся этнического самоопределения, степени значимости этнической группы, отношения к людям других национальностей, способов формулирования причин конфликтов на национальной почве.

Анализ ответов показал, что значение принадлежности к своей национальной группе существенно для трети молодежи обеих групп. "Что значит для Вас быть человеком определенной национальности?" Отвечая на этот вопрос, 21% (37%) либо ничего не написали, либо отметили вариант "затрудняюсь ответить". Из ответивших - 25% (37%) - указали "ничего" или "не знаю". Вопрос ставился в открытой форме, подразумевалась множественность ответов. Рассмотрим, как они распределились.

В первой группе 32% респондентов отметили - "знать культуру, язык, обычаи, кухню", "уважать язык и культуру, но традиции старины не для меня" и т.п., 14% дали ответы, акцентирующие на родословных корнях, предках: "знать культуру своих предков", "знать корни, язык", "быть хранителем традиций и передавать младшему поколению". Еще 14% проявили понимание национальности как личностного свойства: "главное быть хорошим человеком", "человек любой национальности - это личность", "национальность как характер", "просто человек другой национальности", "считаю себя человеком". Ответы, подразумевающие наличие негативного противопоставления, типа: "сталкиваться с расизмом, быть в меньшинстве", "я доволен своей национальностью, и я не хуже других", "гордиться и не комплексовать" -

стр. 123

8%. Внешность как отличительный национальный признак: "такой же человек, но выгляжу иначе", "не похожа на других" - отметили 7%.

В "русской" группе максимальное число ответов также содержит перечисленные характеристики - "знать культуру, язык, обычаи, кухню, литературу, историю, праздники" - 27%. Принадлежность к национальности как принадлежность к государству - "любить родину", "любить отчизну", "горжусь, ведь Россия самая огромная страна и в ней самые красивые девушки", "жить с людьми той же национальности и в стране, которая ей принадлежит" декларируют 18%. Национальность как происхождение: "свои родные", "знать корни", "помнить предков", "знать то, что знают родители", "иметь родителей одной национальности" - 9%. Ответы, основанные на противопоставлении: "видеть мир по-другому", "отличаться от других", - 6%. Внешность как национальная черта - 3%. Не группируемые ответы: "все национальности равны, я не националист", "национальность не главное, меня национальность не ставит в жесткие рамки", "все люди одинаковые, главное чтобы были хорошие" - 2%.

Полученные результаты показывают большую осознанность принадлежности к этнической группе в среде молодежи КМН (меньшее количество ответов "не знаю" и "затрудняюсь ответить"). Примечательно, однако, что ни в одном из ответов не отразилось то, что молодые люди живут на земле своих предков, отсутствуют также упоминания о родных местах. Возможно, это обусловлено как малой привязанностью к месту из-за

высокого уровня внутренних миграций (47% опрошенных из первой группы меняли места жительства и 48% собираются переезжать), так и негативными чувствами по поводу искусственного "прикрепления" к месту. Это подтверждается и редким упоминанием терминов "коренной", "коренные" как в анкетах, так и в интервью. Тема родных мест, дома, природы, климата возникает чаще всего у людей, имеющих опыт миграционных перемещений.

Исследование зафиксировало рост значимости понятия "культура" в современном обществе. Парадоксально, но несмотря на то, что знание языка и культуры как условие принадлежности к национальности признают значительное число респондентов, в уточняющих вопросах около 90% отметили, что обучение в школе должно вестись на русском языке. Свои знания о национальной культуре считают поверхностными 47%, а 11% ее "не знают". Обращает на себя внимание следующее: если для "русской" группы национальность связана с государственностью, т.е. с настоящим, то для группы КМН - с наследием, предками, традицией, т.е. национальность видится феноменом предшествующих поколений. Процесс девальвации национального подтверждается практически незнанием родных языков, скептическим отношением ко всему, что связано с традициями. Упоминания культуры обусловлены еще и напряжением из-за проявляющегося бытового национализма: они как бы компенсируют приписываемую группе негативную этническую идентичность.

То, что напряженность в межэтнических отношениях существует, подтверждают утвердительные ответы на вопрос: приходилось ли респондентам сталкиваться с недружелюбным отношением к людям из-за их национальной принадлежности: а) своей национальности - 51% (27%); б) другой национальности - 63% (58%). Мнения по поводу причин конфликтов распределились так: 40% опрошенных из первой группы - не высказались или затруднились с ответом. Из ответивших указали 1) на: свойства интеллекта - "необразованность", "невоспитанность", "национализм присущ глупым людям", "непонимание", "недалекость", "примитивность", "мысль, что ты лучше его, выше на ступень, тупость неосознанная" и т.п. - 42%; 2) неравенство: "русские много о себе возомнили", "считают низшими людьми", "унижение многочисленными малочисленных", "социальный дарвинизм", "нацизм", "каждый пытается возвысить свое значение в обществе", "считают нашу нацию ниже по всем категориям" - 23%; 3) низкий уровень культуры: "неприятие чужого", "от недостаточного уровня культуры и численности" - 9%; 4) предрассудки - 9%; 5) расовые отличия: "цвет кожи", "форма глаз" - 7%. Не группированные ответы: "наглость", "жестокость", "жадность", "хитрость", "злость" - 10%.

Что касается "русской" группы, то 65% ее представителей затруднились ответить на указанный вопрос. О причинах конфликтов на национальной почве было отмечено следующее: 1) расизм, нацизм: "из-за развитого среди молодежи нацизма", "все люди по своей натуре расисты", "несмотря на существование интернационализма, между народами происходят стычки, хотя для государства они не имеют значения" -

стр. 124

20%; 2) виноваты "другие": "они не такие, как мы", "другой характер" - 16%; 3) неравенство: "каждый человек считает себя выше", "некоторые люди из себя ставят много чего", "многие люди пытаются возвысить себя за счет другой национальности" и т.д. - 11%; 4) свойства интеллекта: "непонимание", "глупость", "тупость" - 10%; 5) внешность: "огромная разница во внешности", "из-за другого цвета кожи, разреза глаз" - 9%; 6) родители, воспитание - 6%.

Как видим, обе группы в качестве причины конфликтных межэтнических отношений называют национализм, вкладывая в это понятие разный смысл, выбирая из предлагаемых вариантов ответов: "возвышение одного народа за счет других" - 31% (8%); "проявление любви к своей Родине, истории, культуре" - 23% (39%); "антидемократизм, выражение интересов реакционных сил" - 10% (5%); "единственная основа для объединения нации,

предотвращение ее раскола" - 13% (15%); испытали затруднение с ответом - 23% (33%). Во второй группе большинство выбрало позитивные трактовки, отражающие объединяющие свойства. Представление о национализме в первой группе соответствуют описанным Д. Андерсоном в исследовании народов Таймыра: "...Для обозначения возникшего напряжения люди пользуются словом "национализм". В отличие от английского слова "nationalism", этот термин обозначает не только создание суверенного политического образования. Это скорее негативный термин, указывающий, что формальные правила поведения, распределения или принцип равных возможностей были определенным образом нарушены" [4]. Конфликтность межэтнических отношений осознается второй группой как внешняя данность, находящаяся за пределами личного опыта. Это отражается и в представлении о своей группе как "правильной", "эталонной", в отличие от других, инаковость которых неправильна и не конкретизируема при слабо структурированном осознании собственной национальной принадлежности. Отнесение себя к "правильным" приводит и к негативному восприятию со стороны группы КМН. Они, в свою очередь, считают причинами конфликтов "высокомерие русских", их "непонимание", "невежество" и тому подобное, исключаящее партнеров по проблемному диалогу из конструктивного взаимодействия.

Чтобы конкретизировать представления о причинах национальной нетерпимости, свести их от общих рассуждений к индивидуальному опыту, был задан вопрос, к каким национальностям респонденты испытывают неприязнь? В группе КМН 64% не ответили. Мнения ответивших распределились: "кавказские народы" - 36% ("из-за жестокости", "наглости", "я их боюсь", "агрессивные"); цыгане - 14% ("боюсь", "жестокость", "нет воспитания", "беспредел"); русские - 14% ("из-за высокомерия", "все мои плохо относятся"); другие (не принадлежащие к группе респондентов) КМН - 11% ("дело в человеке", "нет воспитания", "жадность"); китайцы, корейцы - 8%; американцы - 5%. В "русской" группе заявляли о неприязни к нанайцам, ульчам, эвенкам и другим КМН - 45% ("плохие", "из-за внешности", "нет воспитания", "высокомерие"); кавказским народам - 25%, из них 47% - к чеченцам ("плохие", "из-за наглости", "высокомерия", "жестокости", "агрессивности", "все мои плохо относятся"); неграм, арабам, талибам - 13% ("агрессивность", "жестокость", "нет воспитания", "высокомерие"); евреям - 5% ("высокомерные", "жадные"); цыганам - 4% ("страх"); японцам - 3% ("наглые"),

Частое упоминание представителей кавказских народов, особенно чеченцев, а также арабов, негров, талибов и т.п., в обеих группах отражает трансляцию стереотипизированных национальных образов, получаемых из информационного окружающего пространства. Такая форма характеризуется как "устойчивый образ социальной реальности, возникающий при недостатке информации об объекте оценки и довольствующийся этой априорной оценкой, эмоциональным отношением к объекту. ... Стереотип по своей гносеологической природе - инструмент минимизации познавательных усилий" [5]. Значительное количество упоминаний в группе "русских" о представителях КМН, по-видимому, обусловлено подобными же причинами, с той разницей, что формирование образов происходит в местном окружении. Не имея достаточного опыта и умения оценивать информацию, чтобы самим определиться в поиске себя через противопоставление "свой/чужой", молодые люди разделяют принятые установки окружения.

Большой частью они идентифицируют себя с родными (значимыми другими первичной социализации) и, чуть меньше, со своей возрастной группой. Противопоставляют себя другим национальностям (как и идентифицируют себя с представителями

стр. 125

своей национальности) очень незначительное количество респондентов. То есть, место этнической идентичности в иерархии иных идентичностей относительно невелико,

что подтверждают и данные о наличии друзей - представителей других национальностей. "Имеет ли для Вас значение национальность при выборе друзей?": "нет" - 90% (73%); "Есть ли среди Ваших друзей люди других национальностей?": "да" - 95% (82%). Несколько отличаются ответы на вопрос о значении национальности брачного партнера: "не имеет значения" - 70% (48%). Что касается последнего вопроса, на ответы, вероятно, влияют распространенные установки. По данным наблюдений, межэтнические браки достаточно распространены.

Теперь рассмотрим блоки вопросов, касающихся жизненных стратегий, планов, поведения молодежи, в том числе в сфере досуга. Каково влияние на них этнической идентификации? Начнем с образования. Получать его в городе планируют: высшее - 43 (98) чел.; среднее в городе - 19 (23) чел.; среднее на месте - 11 (33) чел., из них 8 (27) в селе Богородское в местном техникуме; не планируют - 7 (15) чел., из них 3 закончили вузы; не ответили или затруднились ответить - 15 (32) чел. Данные практически симметричны - более половины в обеих группах собираются уезжать в города - Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск. Льготное поступление для КМН не влияет на стратегию поведения и выбор форм продолжения образования. В обеих группах приблизительно одинаковый процент планирующих остаться в своих селах или вернуться в них после обучения - 52% (49%).

Коснемся блока вопросов о способах проведения досуга, отношения к религии, к созданию семьи, а также отношения к алкоголю, табаку и наркотикам. (Учитывая, что последние относятся к так называемым "сенситивным" (чувствительным) вопросам, анкета была анонимной и вкладывалась после заполнения в заклеивающийся конверт).

Основной способ проведения свободного времени для 60% (66%) учащихся - это домашние занятия, помощь взрослым, чтение, просмотр телевизионных передач. Общение в качестве основного времяпровождения отметили 14% (10%). Спорт и кружки - основное занятие для 10% (10%), охота и рыбалка - 5% (4%). Подрабатывают в свободное время - 5% (4%).

По данным наблюдений, в жизни молодежи национальных районов определенное позитивное значение имеют мероприятия, проводимые как властями, так и местными энтузиастами, по пропагандированию национальных культур. 90% молодежи первой группы отметили, что знают о деятельности национальных объединений, фольклорных коллективов. В селах работают различные творческие кружки, проводятся фестивали, праздники, соревнования, в которых используются элементы национальных обрядов и ритуалов. Участие в них отметили 57% подростков первой группы. И хотя подобные мероприятия не совсем соответствуют традиционным целям, сохраняя лишь внешнюю сторону, они несут позитивное восприятие этнической специфики, выполняя латентную функцию усиления групповой идентичности. С развитием в национальных селах (например, Сикачи-Алян) объектов этнотуризма участие в национальных творческих коллективах приносит еще и материальную прибыль: школьники продают вышитые, выточенные, резные сувениры с национальным орнаментом и получают оплату за танцевальные выступления перед туристами.

Верующих в молодежной среде - 12% (27%), из них - 61% (98%) - в качестве разделяемой религии отметили православие, 30% (2%) - шаманизм, 9% - буддизм. 49% (31%) опрошенных верят в существование "потусторонних" сил, 73% (69%) - в приметы, а 80% (83%) интересуются астрологией.

Весьма тревожная ситуация с употреблением алкоголя, табака и наркотиков: 84% (86%) подростков считают, что употребление алкогольных напитков и табака распространено среди молодежи, 76% (75%) относятся терпимо к алкоголю, 30% (15%) считают, что вред от наркотиков сильно преувеличен, 50% (37%) отмечают, что их знакомые употребляют наркотики. Дополнительные данные были получены из материалов прессы, милицейской статистики, интервью с учителями и директорами школ. В перечисленных источниках отсутствует разделение по этническим признакам. Среди

ских и медицинских препаратов) и пьянство. Значительную часть преступлений, совершенных подростками, составляют кражи. Но в данных о преступлениях отсутствует статистика по национальностям, как и в сведениях о хулиганстве, драках, браконьерстве и ношении оружия. Хотя, что касается последнего, местные жители полагают, что отнесение хранения и ношения оружия к преступлению - это ущемление прав людей по национальному признаку. Информанты говорили о том, что тяга к охоте, к тайге - в крови у местных подростков, а ходить в тайгу без ружья опасно. Отмечали также, что милиция специально отбирает у парней оружие и заводит уголовные дела, чтобы впоследствии у них не было возможности получать охотничьи билеты, тем самым устраняются конкуренты. Преступность, однако, не носит выраженного национального или возрастного характера, а скорее имеет региональную спецификацию.

Сравнение ответов двух групп, касающихся досуговых практик, выбора жизненных стратегий в сфере образования и др. не выявило национальных особенностей, существенно влияющих на траекторию жизни учащейся молодежи региона. Можно было бы согласиться с утверждением, что "этничность в целом лежит вне обыденности" [6].

Вместе с тем полученные данные позволили выявить некоторые способы актуализации этнической идентичности. Некоторое противопоставление групп поддерживается внешними для молодежной среды факторами, например, через сохраняющиеся в государственных документах образы. Так, в Федеральном законе "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" дано следующее определение КМН: "Коренные малочисленные народы Российской Федерации (далее - малочисленные народы) - народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями". Но ведь для молодых людей, являющихся вторым и третьим поколением, включенным в общерегиональные трудовую и экономическую структуры, "традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы" являются такой же музейной экзотикой, как и для представителей доминирующей национальности. Это обуславливает проблематичность отождествления себя с определяемой подобным образом группой. Существующие и продолжающиеся местные научные исследования, значительная часть которых посвящена традиционным для отечественной этнографии темам (этногенез, материальная культура, мировоззрение и т.п.), далеким от молодежных проблем, исключают молодежь из поля научного интереса, искажают получаемые данные и усиливают межпоколенный разрыв в трансляции способов этнической идентичности.

Исходя из данных нашего исследования, можно сказать, что значение этнической идентичности (в ряду других идентичностей) для молодежи рассматриваемого региона относительно невелико. Проявляется же оно через преодоление негативного восприятия другими; осуществляется посредством усвоения существующих установок; озвучивается выборочным использованием характеристик, распространенных в научном, публичном и других профессиональных дискурсах. Таковы, на мой взгляд, некоторые особенности проявления этнической идентичности молодых жителей Приамурья в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подробнее см.: Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. Воронкова В., Освальд И. СПб., 1998. С. 7.
2. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 116.

3. Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996; Конструирование этничности. СПб., 1998; Тишков В. А. Указ. соч.; Соколовский СВ. Категория "коренные народы" в российской политике, законодательстве и науке // Профессионалы за сотрудничество. Сборник работ выпускников программ IREX'. Вып. 3. М., 1999 и др.

4. Андерсон Д. Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998. С. 47.

5. Ковалева А. И. Луков В. А. Социология молодежи. М., 1999. С. 18.

6. Чешко С. В. Человек и этничность//Этнографическое обозрение. 1994. N 6. С. 45. стр. 127

Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях¹⁸

ШАХБАНОВА Мадина Магомедкамиловна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (Махачкала) (E-mail: madina2405@mail.ru).

Аннотация. Представлен анализ существующих в общественном сознании андо-цезских этносов установок на межнациональное общение, сфер и частотности этноконтактов и их отражение на этнической идентичности. На основе социологического исследования установлено, что для малочисленных дагестанских народов не характерна самоизоляция. Вместе с тем в общественном сознании андо-цезских народов существуют установки на межэтнические контакты, с одной стороны и их избегание, особенно в брачной сфере с другой.

Ключевые слова: межэтническое поведение * межэтническая толерантность * межнациональное общение * этническая идентичность

Дагестан как полиэтничный регион характеризуется сложной межнациональной обстановкой. Массовый отъезд русскоязычного населения, политические убийства и террористические акты, появление чуждого для дагестанских верующих экстремистского течения "ваххабизм", низкий уровень жизни населения, высокий уровень безработицы, существование националистских движений, преследующих корыстные интересы дестабилизируют общественную жизнь республики. Стремление национальных лидеров к разделу сфер политического и экономического влияния не раз ставило республику на грань межэтнического столкновения.

Если в поведении граждан не наблюдается в открытой форме напряженности на межнациональной почве, это не исключает существования в латентной форме неосознанного противостояния ценностей и норм различных этнокультур, соперничества между национальными лидерами.

Всплеск межнационального противостояния в Дагестане в начале 1990-х гг. оказался недолговечным, однако общество не стало менее конфликтным. Несколько проблем прошлого остались не до конца разрешенными, а некоторые из них даже обострились. Обозначились новые конфликты - уже внутриэтнического и социально-политического характера. В создании почвы для их обострения повинны обе стороны - власть и общество, ставящие противоположные по своим интересам цели. В этой ситуации возникает вопрос: "Что за силы способные стабилизировать межэтнические взаимоотношения, несмотря на низкий уровень социально-экономического развития и политического противостояния дагестанских народов?" Как это не покажется невероятным, именно полиэтничный состав республики оказался тем могучим

¹⁸ Шахбанова М.М. Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях /М.М. Шахбанова // Социологические исследования, 2013. №10. С. 88-97.

фактором, удержавшим республику от межнациональных конфликтов, и это при том, что суще-

стр. 88

ствуют проблемы репрессированных, насильственно переселенных, разделенных и малочисленных народов" [Кисриев, 1998].

Анализ имеющейся в нашем распоряжении информации показал, что предубеждения в зависимости от уровня негативного аффективного заряда и типа этноконтактной ситуации, порождает такие формы поведения как избегание общения или уклонение от межэтнических контактов в определенных сферах жизнедеятельности. В данной статье на основе результатов социологического исследования излагаются существующие в общественном сознании малочисленных дагестанских народов установки на контакты с другими народами. Процесс этнической идентичности представляется необходимым рассмотреть через призму межнациональных взаимоотношений, через выявление трансформаций в межэтнических установках, что предполагает изучение предпочтительности или избегания межнационального общения.

Андо-цезы являются коренными малочисленными дагестанскими народами, которые в настоящее время дисперсно расселены на территории республики. Андо-цезские этносы разделяется на *андийскую* (андийцы, ахвахцы, багулалы, ботлихцы, годоберинцы, каратинцы, тиндинцы, чамалалы) и *дидойскую* (бежтины, генухцы, гунзибцы, дидойцы, хваршины) группы. В эту же группу включены арчинцы, в языковом отношении близкие к лезгинам, но географически соседствующие с аварцами.

Социологическое исследование по изучению этнической идентичности этих народов проведено в 2010 г. и в 2011 г. в районах их компактного проживания: Ахвахском (с. *Карата*, *Тадмагитль*), Ботлихском (с. *Ботлих*, *Гагатли*, *Верхнее Годобери*), Цумадинском (с. *Верхнее Гаквари*, *Тинди*, *Хонох*, *Хварши*, *Тинди*, *Хуштада*), Цунтинском (с. *Кидеро*, *Гутатли* *Генух*, *Зехида*), Чародинском (с. *Арчиб*), Хасавюртовском районах (с. *Муцаул*), Бежтинском участке (с. *Бежта*, *Гунзиб*) и г. Хасавюрт. Опрошено 1456 чел. Опрос проводился методом случайного отбора.

Уровень положительных и отрицательных установок в поведении андо-цезов определялся вопросом "С какими из народов Вам приятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения?" 21,1% опрошенных ответили "со всеми народами", но при этом конкретизировали "с аварцами" (16,1%), "с андийцами" (4,1%) и "с даргинцами" (3,6%); у 19,8% опрошенных нет таких народов. В тоже время доля указавших на народы, с кем им неприятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения небольшая: арчинцы (6,3%), дидойцы (5,4%), андийцы (3,6%), лезгины (2,8%), русские (1,9%), кумыки (1,4%), чеченцы (1,2%) и бежтины (1,1%); 18,6% вообще не отметили эту позицию, считая, что такими вопросами "составитель анкеты провоцирует обострение межнациональных отношений в республике" и "противопоставляет дагестанские народы друг другу".

Андо-цезские народы, если бы они оказались вдали от своего этноса, то предпочли бы жить с "андийцами" (3,4%), "со всеми" (4,7%), "ботлихцами" (5,9%) и "аварцами" (7,4%). Небольшая доля андо-цезов указали на народы с кем избегают совместное проживание - хваршины (3,5%), цезы (2,9%), андийцы (2,8%) и бежтины (1,2%). Таким образом, исследование демонстрирует, что доля противопоставляющих себя другим национальностям среди андо-цезов статистически незначима.

В современных условиях роста этнического и религиозного сознания заложен серьезный конфликтный потенциал и в Дагестане стабильность в межэтнической сфере имеет определяющее значение в обеспечении общественной безопасности. Результаты нашего исследования позволяют определить состояние межнациональных отношений в республике, выявить некоторые особенности как межнационального диалога, так и

внутриэтнических отношений. Поэтому важным является оценка респондентами многонациональности, предпочтительность межэтнических контактов и связей или же их избегание, влияние социально-экономического положения конкретного народа на общий климат национальных отношений в республике (см. табл. 1).

стр. 89

Таблица 1

В какой степени для Вас важна национальная принадлежность человека при выборе друзей, партнеров по трудовой деятельности? (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Для меня очень важна национальная принадлежность человека		Для меня не очень важна национальная принадлежность человека		Затрудняюсь ответить	
	При выборе друзей	Партнеров по трудовой деятельности	При выборе друзей	Партнеров по трудовой деятельности	При выборе друзей	Партнеров по трудовой деятельности
Андийцы	18,8	15,2	67,9	69,7	8,5	12,1
Арчинцы	13,6	17,3	75,3	71,6	11,1	11,1
Ахвахцы	26,3	22,0	65,3	61,0	4,2	11,0
Багулалы	1,7	10,0	91,7	80,0	1,7	1,7
Бежтины	19,8	19,8	71,4	70,3	4,4	5,5
Ботлихцы	24,0	30,0	75,0	68,0	1,0	1,0
Годоберинцы	17,4	6,5	71,7	76,1	10,9	15,2
Генухцы	73,6	73,6	24,1	21,8	0	2,3
Гунзибцы	38,0	22,8	54,3	59,8	5,4	4,3
Дидойцы	45,3	8,7	46,0	34,7	2,7	52,0
Каратинцы	47,2	0	52,8	100	0	0
Гиндинцы	22,1	23,4	66,2	70,1	7,8	5,2
Чамалалы	22,5	13,8	68,8	67,5	5,0	11,3
Хваршины	29,0	22,8	61,4	57,9	6,2	14,5
Всего:	29,5	19,7	62,4	63,7	5,0	12,5

Приведенные в таблице 1 данные свидетельствуют о том, что фактор этнической принадлежности при выборе друзей, партнеров по трудовой деятельности несущественен для всех андо-цезских народов, за исключением генухцев.

Методической основой измерения межнациональных установок явилась шкала социальной дистанции Богардуса, позволяющая выявить психологическую готовность и ориентированность андо-цезов к сближению или к отторжению представителей инонациональной общности независимо от их личностных характеристик. Суждение опрошенного о том, в качестве кого он принимает представителя другой этнической принадлежности, позволяет определить социальную дистанцию, определяемую респондентом между собой и другим этническим образованием.

В нашем исследовании модифицированная шкала Богардуса включает 7 позиций, каждая из которых характеризует готовность принять представителя другой национальной принадлежности в разных сферах этноконтактов. В таблице 2 приведены полученные ответы.

Результаты демонстрируют отсутствие у андо-цезов явных этнических барьеров. Наиболее толерантно опрошенные ориентированы на принятие представителя иной

этнической принадлежности при оценке социальных характеристик (гражданин, партнер), и уже несколько снижается их позиция в отношении принятия "непосредственным начальником", "супруга(и)" и "супруга(и) своих детей", т.е. социальная дистанция увеличивается на уровне непосредственно деловых и семейно-брачных отношений. Однако нужно учитывать, что декларируемое этническое поведение несколько отличается от реальной.

Поэтому представляется необходимым подробнее остановиться на отношении андонецких народов к межэтническим бракам, как "механизма поддержания своего единства" (Ю. В. Бромлей), ибо благодаря именно их избеганию исследуемые народы сумели сохранить свою этническую идентичность и этнокультуру. Актуальность оценки межнационального брака, прежде всего, объясняется рядом причин: во-первых, считается, что этот брак способствует укреплению дружественных отношений

стр. 90

Таблица 2

Готовы ли Вы принять человека другой национальности в качестве... (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Да	Нет
Гражданина Вашей республики	82,7	9,5
Партнера в совместном деле	76,2	13,1
Непосредственного начальника	54,6	34,3
Соседа по дому, квартире	74,5	15,1
Коллеги по работе	82,1	10,1

между народами; во-вторых, межнациональный брак способствует знакомству с инациональной культурой; в-третьих, межнациональный брак может способствовать снятию межэтнической напряженности и размыванию этностереотипов, формирующих негативный образ представителей иной национальной принадлежности. Однако несомненным является и то, что межэтнический брак может привести к разрушению этнической идентичности и чем слабее этнические границы, тем интенсивнее происходит этот процесс.

Одной из самых сложных сфер взаимодействия этносов являются межэтнические браки, которые характеризуются с одной стороны, как один из механизмов ассимиляции, с другой, как фактор трансформации этнической идентичности.

На формирование национально-смешанных семей оказывают влияние многие факторы, в том числе тип расселения людей, уровень брачности, национальные традиции и обычаи, интенсивность миграционного процесса. Последняя, способствуя перемешиванию национальностей, как правило, ускоряет образование этнически разнородных семей за счет того, что национальная половозрастная структура мигрантов зачастую отличается от подобных структур коренного населения.

В начале 90-х годов прошлого столетия появились новые тенденции во взаимовлиянии миграционной обстановки и положения этнически смешанных семей. Распад Советского Союза привел к разрыву не только хозяйственных, но и родственных связей, негативно отразился на самочувствии национально-смешанных семей, многие из них, особенно в зонах межнациональных конфликтов, разрушились и стали неполными. Все это, в конечном счете, привело к ухудшению межнациональной ситуации во всей стране, в том числе и в регионах, росту ксенофобии, усилению межэтнической интолерантности, ухудшению демографических показателей. Негативные процессы, вызванные распадом СССР, усиление этнонационалистических тенденций привели к

тому, что в общественном сознании сформировалось отрицательное отношение к самой идее заключения межэтнических браков.

В условиях полиэтничности Дагестана, когда все народы связаны общей исторической судьбой, тесными экономическими и культурными взаимоотношениями, семья воплощает в себе многие стороны этнических и культурных взаимодействий как на уровне соседских, так и на уровне личностных контактов. Определяющими развитие этнокультурных связей являются многие факторы, к числу которых можно отнести экономический, географический, политический, административно-территориальный и т.д. Этнокультурные взаимодействия весьма интенсивно проявляются в национально-смешанных семьях, характерных для населенных пунктов с неоднородным этническим составом и более всего в городах, отличающихся по природе своей полиэтничностью. Увеличению числа межнациональных браков способствует постоянное общение между людьми разных национальностей на производстве, в учебных заведениях, в общественных местах, в быту, все возрастающая свобода брака и брачного выбора, новые критерии определения уровня моральности брака, преобразования во всех областях культуры, развитие у людей интернационального сознания.

Существенное влияние на частоту тех или иных вариантов межнациональных браков могут оказать исторические традиции брачных связей различных народов, их

стр. 91

этнокультурная близость или различия, установки на межнациональное общение в семье. Если обратиться к историческим фактам, еще в 1863 г. П. Услар писал, что арчинцы никогда не вступают в родственные связи ни с лакцами, ни с аварцами. "Говорят, что всего только один раз был пример подобного брака, который произвел огромный скандал в с. Арчи" [Цит. по: Сергеева, 1967]. Исследователи послереволюционного периода, неоднократно указывают, что большинство арчинцев стараются брать в жены девушек своего селения даже в том случае, если сами живут вне Арчи. Оторванность от родной среды и постоянное пребывание в окружении иноязычного населения сыграли основную роль в изменении языковой ориентации семьи, в то время как связи семейного порядка, брачные отношения продолжают оставаться более прочными. У арчинцев, в отличие от аварцев, лакцев и других народов Дагестана, почти не было смешанных браков. По сведениям Г. Сергеевой такие браки все же бывали, но очень редко. Женщины, как правило, выходят замуж только за своих односельчан, за исключением тех, кто живет вне пределов селения [Сергеева, 1967]. Браки с представителями немусульманских народов редки. К моменту обследования таких браков был только два (Г. Сергеева). Это в некоторой степени объясняется тем, что их отрицают старики в силу религиозного предубеждения. Однако молодежь считает такие браки возможными, что свидетельствует о психологическом переломе, прошедшем в сознании арчинцев. Однако за прошедший период резкого преломления отношения к смешанному браку не наблюдается, на что указывает Н. Р. Добрушина: "до настоящего времени, однако, сохраняется другой важный фактор обособленности культуры: арчинцы пока не признают смешанных браков. Брак с представителем другого народа считается исключительным случаем (жену из другого селения приходится брать вдовцам, поскольку, по свидетельству многих, арчинки не выходят замуж за вдовцов)... Предпочтительным для арчинцев является брак с двоюродным братом или сестрой" [Добрушина, 2008].

Национально-смешанные браки служат важным каналом передачи иноэтнической информации. В семьях, скрепленных такими браками, и образующих как бы микросреду, сосредотачиваются культурные традиции разных этносов. Степень восприятия молодым поколением культурных ценностей накопленных в семье, как показывают этнографические материалы, во многом зависят от социальной активности родителей, от той среды, в которой семья живет и т.д. Смешанные браки интересны в том отношении,

что на примере таких семей можно проследить процесс изживания национальной и языковой изолированности малочисленных народов. (Рис. 1).

Респондентам с небольшой разницей близки позиции *"национальность в браке не имеет значения, если муж (жена) соблюдают обычаи моего народа"* и *"предпочел бы человека своей национальности, но возражать не стал бы"*; при этом небольшая часть респондентов оценивают смешанный брак *"положительно, т. к. межнациональный брак способствует укреплению терпимости между народами"*. Однако андо-цезы *"считают брак нежелательным"* и роль смешанного брака усматривают в том, что *"межнациональный брак способствует потере самобытности и национального своеобразия народа"*. Мнение *"считаю брак нежелательным"* разделяют андийцы (34,5%), тиндинцы (32,5%), ахвахцы (29,7%), каратинцы (27,4%), арчинцы (27,2%), ботлихцы (27,0%); 13,8% хваршин отмечают, что *"межнациональный брак способствует потере самобытности и национального своеобразия народа"*.

Относительную толерантность к межэтническому браку проявляют годоберинцы (77,2%), багулалы (53,3%), ботлихцы (42,0%), бежитины (41,8%), гунзибцы (35,9%), ахвахцы (33,9%), цезы (29,3%) и хваршины (26,2%), выбравших вариант *"национальность в браке не имеет значения, если муж (жена) соблюдают обычаи моего народа"*. Позитивное восприятие межнационального брака - *"предпочел бы человека своей национальности, но возражать не стал бы"* - демонстрируют 72,6% каратинцев, 67,8% генухцев, 29,9% тиндинцев и 28,4% арчинцев; по мнению бежитин (20,9%), чамалалов

стр. 92

Рис. 1. "Как бы Вы отнеслись, если бы кто-нибудь из Ваших ближайших родственников (сын, дочь, брат, сестра) вступили в брак с человеком другой национальности?" (в % к числу опрошенных)

(31,3%), гунзибцев (31,5%) и цезов (44,0%) межэтнический брак *"способствует укреплению терпимости между народами"*.

По тесту Куна и Макпартленда 46,8% не разделяют суждение, что *"межнациональный брак разрушает народ"*; небольшое количество ботлихцев (15,7%), цезов (18,0%) и хваршин (20,0%) согласны с тем, что смешанный брак способен разрушит народ.

Отношение андо-цезских народов к межэтническому браку дочери и сына приведено в таблице 3.

Наше исследование показало различия в установках на совместный труд, совместное проживание и т.д. с представителями других национальностей. Дистанция, разделяющая восприятие респондентами производственной и брачной сфер отличаются: если по преимуществу они готовы работать в многонациональном коллективе, то не принимают национально-смешанную семью. Полученные результаты свидетельствуют о том, что

андо-цезам характерна позитивная оценка смешанного брака, но показатель положительного оценивающих межэтнический брак сына выше, по сравнению с дочерью. Изменения в национальных ориентациях жестко соотносится с реальным поведением. Наблюдается рост отрицательных установок на межнациональные браки при принятии межэтнического общения.

Характерное общественному сознанию андо-цезов противоречивое отношение к смешанному браку подтверждается в ответах на вопрос "В какой степени для Вас важна национальная принадлежность человека при выборе супруга (и)?: "затруднились с ответом"(12,5%), "для меня очень важна национальная принадлежность человека" (35,6%) и "для меня не очень важна национальная принадлежность человека" (48,8%). Важным этническую принадлежность будущего брачного партнера считают генухцы (77,0%), каратинцы (74,5%), андийцы (45,5%) и ахвахцы (40,7%); при этом ахвахцы с небольшой разницей (42,4%) отметили неважность этнической принадлежности будущего супруга. И что немаловажно, в графе свободный ответ респонденты дописывали "главное, чтобы религиозным(ой) был(а)".

Результаты исследования показывают предпочтительность человека своей национальности и небольшая доля отмечает, что межнациональный брак способствует исчезновению этнического своеобразия народа (см. табл. 3). Более того, демонстрируя, с одной стороны, толерантное отношение к смешанным бракам, с

стр. 93

Таблица 3

Готовы ли Вы принять человека другой национальности в качестве супруга (и)? (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	В качестве супруга(и) ваших детей		В качестве своей(го) супруги(а)	
	Да	Нет	Да	Нет
Андийцы	46,7	42,4	47,9	41,2
Арчинцы	42,0	49,4	42,0	49,4
Ахвахцы	37,3	44,9	31,4	51,7
Багулалы	65,0	3,3	75,0	8,3
Бежтины	59,3	30,8	57,1	31,9
Ботлихцы	36,0	45,0	48,0	33,0
Годоберинцы	56,5	43,5	9,8	90,2
Генухцы	18,4	65,5	19,5	79,3
Гунзибцы	65,2	30,4	54,3	40,2
Дидойцы (цезы)	50,0	16,0	44,0	23,3
Каратинцы	72,6	27,4	72,6	27,4
Тиндинцы	51,9	39,0	54,5	35,1
Чамалалы	62,5	37,5	61,3	38,8
Хваршины	64,1	24,8	62,1	25,5
Всего:	52,3	36,5	48, Г	40,4

другой, подчеркивается важность национальной принадлежности будущего брачного партнера. Можно сделать вывод, что общественному сознанию андо-цезских народов характерно декларирование терпимого отношения к подобным бракам, при одновременном подчеркивании важности этнической принадлежности брачного партнера.

В качестве положительных характеристик межэтнических браков участники опроса указывают обогащение культур, возможное сглаживание с помощью смешанных браков межнациональных конфликтов и напряженности, их роль в укреплении терпимости между народами. Однако существуют и негативные моменты, обусловленные этнокультурной дистанцией, языковыми различиями, маргинализацией детей, рожденных в смешанных браках, которые, в конечном счете, могут привести к психологическому дискомфорту и низкой социальной мобильности.

Механизм формирования того или иного отношения к межэтническим бракам носит в обществе более противоречивый характер, нежели это показывают этносоциологические исследования. Положительное отношение к смешанным бракам часто может сопровождаться определенными сомнениями в их практической целесообразности, а также неуверенностью во взаимном одобрении со стороны представителей каждой из этнических групп. Те же когнитивные и эмоциональные элементы отношения к межнациональным бракам, но с отрицательной позиции существуют в тех случаях, когда человек негативно оценивая такие браки, отдает должное чувствам людей, вступающих в брак.

Традиция заключать браки в пределах своей этнической общности является "стабилизатором этноса", механизмом обеспечивающим воспроизводство не только тех или иных культурных особенностей, но, прежде всего, этнического самосознания, ощущения психологической связи со своим народом. По мнению автора, распространенность среди малочисленных этносов родственных браков, предпочтение их другим, несомненно, способствует сохранению этнического ядра народа, особенно малых по численности, ибо в одноплеменной среде больше возможностей сохранить национальный язык, обычаи, традиции, свою самобытность в отличие от смешанных семей, в которых процесс маргинализации неизбежен.

Поколение опрошенных этносов по-разному относятся к межэтническим бракам. По мнению автора, несмотря на существующую в общественном сознании толерантность к межнациональным бракам, в то же время, внутреннее желание само-

стр. 94

сохраниться способствует невосприятию ими межэтнических браков. Привести подтверждающие данный вывод статистические данные по андо-цезским народам не представляется возможным по причине отсутствия таковых, впрочем, как и количества смешанных браков у малочисленных этносов. Автору удалось извлечь статистические данные по бежтинцам: по подсчетам ЗАГСа Бежтинского участка количество смешанных браков около 200, из них 120 с аварцами, 60 с русскими, по 5 с кумыками, даргинцами, лезгинами, табасаранцами. В целом, имеется некоторый разрыв между представлениями андо-цезских этносов в отношении межнациональных браков и реальной распространенностью их в обществе.

При изучении стратегии поведения не менее важным является выявление частоты общения. На рис. 2 приведены ответы на вопрос **"Бывают ли у Вас контакты с представителями других национальностей и как часто они случаются?"** (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных).

Разница между суждениями *"контактирую редко"* и *"контактирую постоянно"* как свидетельствует диаграмма незначительна. Респонденты, проживающие в моноэтнической среде в силу объективных обстоятельств не вступают в межнациональное общение. Но жесткое игнорирование такого общения нехарактерно не только для андо-цезской группы, но и остальным дагестанским народам.

По массиву ответы распределились следующим образом: 62,7% цезов, 56,0% ботлихцев, 41,7% багулалов, 37,5% чамалалов, 36,3% бежтин, 35,9% хваршин, 31,4% ахвахцев *"контактируют редко"*; 32,5% тиндинцев, 35,9% хваршин, 47,2% каратинцев

82,6% годоберинцев "контактируют постоянно"; "совсем не контактируют" 11,1% арчинцев и 10,7% цезов; "контактируют часто" 29,6% арчинцев, 34,5% андийцев, 34,8% гунзибцев и 52,8% каратинцев.

На рис. 3 приведена оценка андо-цезами характера этноконтактирования.

"Контактируют с удовольствием" арчинцы (34,6%), андийцы (44,2%), ахваццы (46,6%), багулалы (46,7%), хваршины (47,6%), бежитины (49,5%), тиндинцы (50,6%), ботлихцы (52,0%), каратинцы (52,8%), гунзибцы (55,4%), годоберинцы (84,8%); "контактируют в случае необходимости" андийцы (43,6%), багулалы (46,7%), каратинцы (47,2%), чамалалы (47,5%), генухцы (75,9%) и цезы (76,0%); "стараятся избежать таких контактов" 25,9% арчинцев, 25,0% ботлихцев, 15,6% тиндинцев, 15,3% ахваццев, 15,2% гунзибцев, 13,8% чамалалов; "при общении испытывают напряжение, дискомфорт" наибольшее количество гунзибцев (6,5%) и арчинцев (8,6%). Приведенные результаты продемонстрировали различные типы этноконтактного поведения, но в целом можно сделать вывод, что андо-цезским народам харак-

Рис. 2. "Бывают ли у Вас контакты с представителями других национальностей и как часто они случаются?" (в % к числу опрошенных)
стр. 95

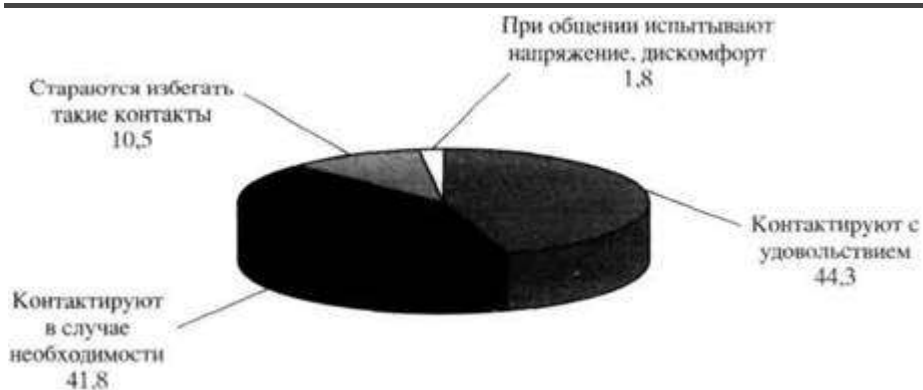

Рис. 3. Как Вы описали бы характер этих контактов? (в % к числу опрошенных)

Рис. 4. "Кого Вы хотели бы иметь соседом по квартире, дому?" (в % к числу опрошенных)

терно поддерживание межэтнического общения и контактов, причем позитивного характера.

Установки на позитивные этноконтакты подтверждаются результатами на другой вопрос **"Кого Вы хотели бы иметь соседом по квартире, дому?" (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)**

Рис. 4 свидетельствует, что респондентам безразлична этническая принадлежность соседа по квартире, дому "был бы хороший человек"; менее предпочтительны позиции "представителя только своего народа" "представителя иного народа". Представителя только своего народа иметь соседом по квартире, дому хотели бы 19,0% ахвахцев, 23,8% цезов, 33,3% бежтин и 34,0% годоберинцев. Безразличие к этнической принадлежности и приоритет личностных качеств демонстрируют ("мне все равно, был бы хороший человек") генухцы (40,0%), годоберинцы (50,0%), багулалы (68,2%), гунзибцы (69,7%), ахвахцы (70,9%), тиндинцы (74,3%), андийцы (75,3%), цезы (77,8%), арчинцы (82,4%), ботлихцы (83,2%), хваршины (84,0%), чамалалы (94,7%) и каратинцы (100%).

Выводы. Отмеченное в общественном мнении нежелание поддерживать межэтнические контакты свидетельствует о некоторой психологической изолированности опрашиваемых, диктуемых видимо желанием сохранить свой этнический облик, страхом подавления своей национальной культуры иными этнокультурами. Более того,

стр. 96

можно сделать вывод о существовании в латентной форме интолерантных установок в их общественном сознании, демонстрируемое ими через избегание как межэтнического общения, так и нежеланием иметь представителя иной национальной принадлежности в качестве соседа, друга, начальника и т.д. Вместе с тем в общественном сознании проявляется тенденция снижения напряженности в межнациональных отношениях, характерная для недавнего прошлого и для респондентов актуализируется формирование культуры межнационального общения в полиэтнической среде. Существующую интолерантность в межнациональных отношениях можно объяснить издержками воспитания, трансформациями российского общества, потерей многих ценностных установок социалистического периода.

Сравнительно высокий уровень этнической интолерантности в семейно-брачных отношениях обусловлен, прежде всего, этнокультурными факторами, различиями в обычаях и традициях, в поведении, в чертах национального характера, которые себя проявляют в процессе совместной деятельности, но не являются раздражителями, как это может случиться в процессе совместного проживания. Обращает на себя внимание тот факт, что простые люди весьма толерантны по отношению к соседям, при этом более

избирательны в выборе друзей и очень осторожно подходят к выбору брачного партнера. Огромную роль в благоприятном семейном климате играют стиль поведения и ценности каждого члена семьи, способность и желание воспринимать отличия, адаптация в семейно-брачных отношениях подвержена сложностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агларов М. А. Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // Современный Кавказ. 2007. N 5.

Абдуллаев М. А. Противоречия в сфере национальных отношений // Коммунист. 1990. N 17.

Гасанов Н. Н., Зачесов К. Я., Казимов А. К. Межнациональное согласие в Дагестане: проблемы и перспективы // Полис. 1993. N 3.

Добрушина Н. Р. Язык и этничность малого народа: быть или не быть // Социол. исследования. 2008. N11.

Кисриев Э. Ф. Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.

Цит. по: *Сергеева Г. А.* Арчинцы. М., 1967..

Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967.

Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998.

Шахбанова М. М. Межэтническая толерантность в полиэтническом регионе: состояние и тенденции. Махачкала, 2007.

Шихирев П. Н. Межнациональные отношения: социально-психологический подход // Национальные процессы в СССР. М., 1991.

стр. 97

Азметова Р.Ф. Структура этнических и гражданских идентичностей в Башкортостане ¹⁹

Для всех государств, находящихся на постсоветском пространстве, конец XX - начало XXI века стали эпохой "взбунтовавшейся этничности" (Л. М. Дробижева)¹. Сейчас ситуация, во всяком случае в России, стабилизировалась. И с научной, и с практической точек зрения важно посмотреть, с какими результатами мы вышли из периода кардинальных трансформаций.

Республика Башкортостан - один из самых полиэтнических регионов России. Основу населения республики составляют три этнические группы: русские (36,3%), башкиры (29,5%), татары (24,1%). В регионе также проживает множество иных, славянских (белорусы, украинцы), финно-угорских (удмурты, марийцы, мордва), тюркских (чуваши, казахи) и др., этнических групп (ок. 10% населения). По уровню этнического многообразия республика уступает только Дагестану и занимает наряду с Кабардино-Балкарией второе место в России.

В постсоветский период в Башкортостане неоднократно проводились исследования этнической идентичности. Особо следует отметить проведенные под руководством таких известных специалистов, как Л. М. Дробижева, М. Н. Губогло, В. В. Пименов и др.² Опираясь на результаты их исследований, попытаемся проанализировать новейшие тенденции в сфере этнической идентичности трех основных народов, населяющих Башкортостан: башкир, татар и русских. Исследование проведено в 2006 году с использованием экспертной анкеты, базирующейся на разработках упомянутых авторов. Исходные концепты этнической идентичности формируются в среде политической и творческой элиты общества. Поэтому в число 159 экспертов, отобранных по квотному принципу, вошли представители следующих групп: 1/3 - политики и государственные

¹⁹ Азметова Р.Ф. Структура этнических и гражданских идентичностей в Башкортостане /Р.Ф. Азметова // Человек, 2007. №5. С. 57-60.

служащие (депутаты местного парламента, чиновники среднего уровня как законодательной, так и исполнительной ветви власти); 1/3 - научные и вузовские работники; 1/3 - представители творческой интеллигенции (художники, композиторы, певцы, журналисты и др.).

Этнический и гражданский статус опрашиваемых определялся не по анкете, а фиксировался на основе самооценок.

Азметова Резеда Фаизовна - аспирантка кафедры философии и социологии факультета Информационных технологий и управления Башкирского государственного аграрного университета (Уфа). В журнале "Человек" публикуется впервые.

¹ См.: Дробижеева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003; Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциол. очерки. М., 2003; Иванов В. Н. Россия: соц. -полит. ситуация: Нац. и ре-стр. 57

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: "Кем вы себя ощущаете?", %*

Ответы	Башкиры	Татары	Русские	В среднем
Россиянином	49,1	58,5	62,3	56,6
Башкортостанцем	49,1	28,3	26,4	34,6
Гражданином СССР	22,6	5,7	20,8	16,4
Представителем своей национальности	41,5	28,3	28,3	32,7
Представителем своей национальности и россиянином	24,5	26,4	32,1	27,7
Уфимцем	7,5	18,9	35,8	20,8
Гражданином мира	18,9	9,4	20,8	16,4

* Респонденты могли отметить несколько позиций (но не более трех).

Как видно из *табл. 1*, для башкир локальная и общенациональная идентичность практически равнозначны, тогда как татары и особенно русские склонны ставить на первое место гражданскую идентичность. Это подтверждает и распределение ответов на вопрос: что опрашиваемые считают своей родиной. 47,2% башкир своей родиной назвали Башкортостан, 20,8% - Россию; 52,8% татар на первое место поставили Россию и 24,5% - Башкортостан. Несколько неожиданной оказалась картина у русских - из них 45,3% выбрали Россию, 18,9% - республику и 15,1% (!) - свой город.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: "Что вы считаете своей родиной?", %

Ответы	Башкиры	Татары	Русские	В среднем
Свой город	3,8	3,8	15,1	7,5
Республику Башкортостан	47,2	24,5	18,9	30,2
Россию	20,8	52,8	45,3	39,6
СССР	22,6	13,2	18,9	18,2
Другое	5,7	5,7	1,9	4,4

Скорее всего, эта часть экспертов скептически относится к республиканскому суверенитету в плане защиты прав русскоязычного населения. Видимо, из-за опасений того, что "государство башкир" будет занимать принципиальную "патриотическую"

позицию по отношению к представителям титульного этноса в ущерб прав русского и других народов. Что касается татар, то они, возможно, не считают Башкортостан полноценной территорией "своей" государственности. Достаточно высока доля опрошенных (почти 1/5), которые осознают себя гражданами СССР и соответственно его называют своей родиной. Эта тенденция, несомненно, отражает фрустрированность той части общества, которая потеряла свою идентичность и не приобрела еще новой. Используя терминологию Э. Эриксона, можно сказать, что россияне, проживающие в Башкортостане, в данном случае переживают период "спутанной идентичности"³. Почему примерно такая же в количественном отношении часть экспер-

гион. аспекты. М., 2000; Сафин Ф. Г. Национальные отношения в Башкортостане в 1990-е годы (по данным этносоциол. исследований). М., 2000; и др.

² Дробижева Л. М. Указ. соч.; Губогло М. Н. Указ. соч.; Пименов В. В., Элез А. Й. Русские в Башкортостане (Башкирии): Аналит. обзор // Рос. этнограф. 1993. N2; и др.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 91.

стр. 58

тов относит себя к гражданам мира? На этот вопрос нет исчерпывающего объяснения. Возможно, здесь сказывается характерный для интеллектуалов космополитизм.

Итак, нетитульное население дистанцируется от региональной идентичности, видимо, из опасения всплесков в республике национализма и возможного ущемления прав нетитульных народов. Поэтому для них "россиянин" представляется наиболее приемлемой и комфортной формой идентичности. Как справедливо отмечает по этому поводу Р. Р. Галлямов, "педалирование именно "государствообразующего" характера этничности титульных народов в российских республиках является главной опасностью для создания уравновешенной и стабильно развивающейся гражданской (российской) идентичности"⁴. Кстати, к аналогичным выводам при анализе этнических стереотипов в многонациональной среде на примере Татарстана приходит Т. А. Титова, утверждающая, что "претензии татар на равные права с русскоязычной городской культурой татарского языка и культуры воспринимаются ими как факт ущемления их прав"⁵.

В условиях продолжающейся перекомпоновки социально-стратификационной карты страны признак этничности оказывается одним из наиболее устойчивых для групповой консолидации. Для выявления степени выраженности этнической идентичности мы применили методику Г. У. Солдатовой, по мнению которой центральные моменты формирования этнической идентичности - осознание общей истории, культуры, традиций, территории, государственности, принятие соответствующих групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей, выстраиваемая в соответствии с этим система отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях⁶. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для большинства экспертов характерна позитивная идентичность, сочетающая **положительный** образ собственной этнической группы с **толерантным** отношением к другим этническим группам. Они испытывают уважение к своему народу, проявляют чувства собственного достоинства, патриотизма и гордости за его достижения.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: "Какие чувства чаще всего у вас вызывает принадлежность к своему народу?", %

Ответы	Башкиры	Татары	Русские	В среднем
Гордость за свой народ, уважение к языку и культуре других народов	64,2	58,5	56,6	59,7
Спокойную уверенность в будущем	17,0	22,6	17,0	18,9

Не вызывает никаких чувств	9,4	15,1	9,4	11,3
Чувство стыда и унижения	3,8	1,9	9,4	5,0
Готовность идти на любые средства защиты интересов своего народа	5,7		5,7	3,8
Другое	-	1,9	1,9	1,3

На первый взгляд, данные, приведенные в *табл. 4*, противоречат мнениям первой строки *табл. 3*. Однако ответы на вопрос о комфортности этнической среды следует рассматривать в контексте "предписываемых статусов".

⁴ Галлямов Р. Р. Политическая элита. Этничность. Гражданственность. Уфа, 2004. С. 107.

⁵ Титова Т. А. Этнические стереотипы в многонациональной среде // Человек. 2007. N 1. С. 37.

⁶ Солдатова Г. У. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация // Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1998. С. 296.
стр. 59

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: "Вам комфортнее жить среди представителей своего народа?", %

Ответы	Башкиры	Татары	Русские	В среднем
Да	62,3	52,8	60,4	58,5
Нет	13,2	13,2	5,7	10,7
Безразлично	24,5	34,0	34,0	30,8

Впрочем, в семейной сфере статусно-этнические предписания играют отнюдь не формальную роль. Здесь имеют наибольшее значение традиции, обычаи, культурные стереотипы. Этническая принадлежность в данном случае существенно влияет на позицию экспертов (*табл. 5*). Наиболее высока доля "отрицательных" ответов среди башкир. Вместе с тем 2/5 башкир и татар, 3/5 русских выразили безразличие к этнической принадлежности избранника своих детей. Каждый пятый ответил "положительно", считая, что в брак можно вступать с человеком любой национальности, лишь бы это был "хороший человек". Материалы нашего опроса подтверждают вывод Т. А. Титовой о том, что русское население в республиках в большей степени ориентировано на национально-смешанные браки, чем нерусское и особенно титульное⁷.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: "Как вы относитесь к браку вашего сына (дочери) с представителем другой национальности?", %

Ответы	Башкиры	Татары	Русские	В среднем
Положительно	18,9	24,5	15,1	19,5
Отрицательно, предпочитаю человека своей национальности	39,6	34,0	18,9	30,8
Безразлично. Национальность в браке не имеет значения	35,8	37,7	62,3	45,3
Затрудняюсь ответить	5,7	3,8	3,8	4,4

Подведем итоги.

* Роль этнической идентичности как фактора самосознания личности и массового сознания по-прежнему велика: для башкир главным остается местная, "республиканская" принадлежность, для русских и татар - российская. Вместе с тем эти установки явно утратили тот конфликтный характер, который можно было наблюдать в недавнем прошлом.

* Несмотря на позитивную этническую идентичность у большинства опрошенных экспертов заметна тенденция к гиперболизации этничности и этноизоляционистским настроениям. Особенно этот процесс заметен у башкир.

* Этноцентризм, этнонигилистические настроения отмечаются и у части проживающего в республике русского населения.

Однако следует иметь в виду, что данные выводы представляют собой экстраполяцию мнений экспертов на население республики. Их суждения и оценки, безусловно, обладают большим практическим потенциалом, поскольку непосредственно формируют властные, управленческие решения. Но этнические процессы, помимо этих воздействий, протекают под влиянием еще целого ряда социально-культурных факторов, имеющих самостоятельное значение.

⁷ См.: Титова Т. А. Указ. соч. С. 37.
стр. 60